М. И. МАХМУТОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

7

Академия наук Республики Татарстан

М. И. МАХМУТОВ

ЭПОХА АКАДЕМИКА МИРЗЫ МАХМУТОВА

воспоминания и исторические экскурсы

Казань • Издательство «Магариф — Вакыт» • 2016

УДК 929
ББК 91.9:74
М36

Редакторы-составители:
Д. М. Шакирова
Ф. Г. Калимуллина

Махмутов, М.И.

М36 Избранные труды: В 7 т. / М.И. Махмутов. — Казань: Магариф — Вакыт, 2016.

Т.7: Эпоха академика Мирзы Махмутова: Воспоминания и исторические экскурсы / Сост. Д.М. Шакирова, Ф.Г. Калимуллина; Предисл. Д.М. Шакировой. — 259 с.

ISBN 978-5-905943-99-7

В данный том вошли воспоминания академика М.И. Махмутова о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора. Они интересны тем, что он описывает события своей жизни, коллег, научных коллективов, будучи очень зрелым, опытным и мудрым человеком.

Предназначается ученым, педагогам, аспирантам, студентам, которых волнуют социальные, психолого-педагогические проблемы общества.

ISBN 978-5-905943-99-7

© Шакирова Д.М., Калимуллина Ф.Г., составление, 2016
© Шакирова Д.М., предисловие, 2016
© Издательство «Магариф — Вакыт», оформление, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Завершением семитомника избранных трудов академика Мирзы Исмаиловича Махмутова являются его воспоминания. Мысль об издании научных трудов автора теории проблемного обучения, современного урока и педагогических технологий обучения возникла не случайно. Последние годы учителя, ученые стали все чаще обращаться к дидактическим основам советского образования. А его исследования культурных, образовательных, экономических и политических проблем, связанных с изучением Востока, привлекают все большее внимание общественности. Вопросы же развития интеллектуального потенциала вообще вышли на первый план в последние 10–12 лет…

И кто же этот человек, который разрабатывал такие разные, но всегда самые актуальные проблемы современности, не утерявшие своей новизны даже по прошествии 40 лет со дня опубликования многих из них?! Мирза Исмаилович сам ответил на этот вопрос, оставив нам свои «Воспоминания».

Прежде чем приступить к обработке, редактированию и составлению книги, мы обратились к литературе, связанной с мемуаристикой.

Основой выбранной нами мемуарной модели является описание, отражающее разные типы информации:

— фактологическую — об особенностях времени и явлений, которые описывает автор, а также вставок из энциклопедических источников в виде кратких описаний упомянутых автором известных ученых, политиков, зарубежных деятелей с включением их в текст в виде комментариев;

— теоретическую информацию в виде обобщенных сведений, самостоятельных оценочных авторских суждений и наблюдений;

— рефлексивную — о чувствах, мыслях, психологическом состоянии, эмоциональных высказываниях автора в описываемое время.

Обработка рукописи составителями снижает уровень рефлексивной и теоретической информации, во многом изменяет авторские оценочные суждения, стирает спорные политические вопросы. Учитывая это, нами принято решение максимально сохранить текст автора, несмотря на то, что различные части, написанные в разное время, отличаются по стилю изложения, глубине обсуждения научных, исторических и личностных проблем. Сохранение текста позволяет читателям сформировать свое индивидуальное отношение к написанному, право на свое понимание исторического и научного контекста, личности ученого.

Кроме вставок из энциклопедических источников, все материалы ранее не были опубликованы. Можно усомниться в достоверности некоторых дат, имен, фактов, но уникальность воспоминаний и особенно их рефлексивная ценность заключается в том, что они написаны участником всех событий, и никто другой так и об этом вспоминать не может. Это рассказ о прошлом, основанный на личном опыте и собственной памяти автора и участника событий.

По мнению Ю.М. Лотмана, мемуары как «тексты культуры» могут служить источником лишь при условии критической проверки и переработки, обязательных для каждого вида источника, то есть должны быть подвергнуты экспертизе. Однако, по нашему мнению, экспертиза авторских мемуаров способна наложить на воспоминания одного человека дополнительный субъективизм другого и перевести, таким образом, мемуары в описание эпохи, событий без конкретной личности, мнение которой и является наиболее важной особенностью авторских мемуаров.

В случае воспоминаний М.И. Махмутова — это авторские, научные и исторические мемуары одновременно. Story в данном случае главенствует над History, это индивидуальный опыт, который предлагает читателю более достоверную версию прошлого, чем исторический документ.

Воспоминания Мирзы Исмаиловича интересны тем, что он описывает события своей жизни, коллег, научных коллективов, будучи очень зрелым, опытным и мудрым человеком. Это позволяет ему более объективно взглянуть на исторические события и людей и дать им оценку, свободную от конъюнктуры. «Я могу позволить себе говорить все честно в моем возрасте и положении», — не раз повторял Мирза Исмаилович.

Таким образом, субъективность — одна из основных черт воспоминаний, которая нередко становится их важнейшим достоинством, условием их удачи. И та же субъективность — одна из возможных причин казусов, искажений.

Особо хочется остановиться на стиле изложения Мирзы Исмаиловича. Он сугубо индивидуален, и мы постарались сохранить его даже там, где рука тянется стилистически поправить. Многие части он писал, когда был очень слаб, поэтому они даны почти тезисно, короткими фразами, но мы сохранили и этот стиль, так как он иногда даже более эмоционально насыщен, чем выверенный самим автором текст.

Я не знаю, планировал ли он издать свои воспоминания, как-то об этом не было речи, но оглавление написано им самим и сохранено нами в неизменном виде. Я позволила себе отобрать фотографии, подписать их и разместить в местах упоминания людей и событий. С подписями помогали многие люди, бывшие участниками тех событий, за что я им безмерно благодарна.

Текст и фото не всегда следуют хронологии, а скорее идут за мыслью автора, которая богата ретроспективными воспоминаниями и отражает идеи, которые Мирзе Исмаиловичу хотелось бы, как нам кажется, донести до читателя: «татарская интеллигенция», «русская интеллигенция», «интеллектуальный потенциал», «мышление» и т. п.

Жизнь этого уникального человека также богата, как и эпоха, в которой он жил, как удивительные люди, с которыми он встречался. Поражает широта его кругозора, богатство и полезность дел, которые смог совершить один человек благодаря своей целеустремленности, цельности и постоянному стремлению к знаниям. И, как писал А. Найман (1999 г.), мемуары — это не «воспоминания», а скорее попытка «понимания».

Диляра Мансуровна Шакирова
зав. лаб. интеллектуального потенциала
и одаренности НИИ «Прикладная семиотика» АН РТ
Октябрь, 2016 г.

ГЛАВА 1
РОДОМ ИЗ СТРАНЫ СОВЕТОВ (1926—1941)

«Знания, полученные в детстве, — как буквы, высеченные на камне…»
(арабская пословица)

В конце жизни человек все чаще задает себе вопрос: а так ли я прожил? Что я сделал, чтобы оставить людям? И все чаще воспоминания то приходят, то уходят, кружась, как пчелы вокруг своего роя. Хотя вроде и воспоминания других авторов прочитаны, но своя жизнь как-то не влезает в чужие рамки. Попробую изложить по мере того, как на память придут факты моей жизни.

…Самолет резко снижался. Впереди на фоне зеленого поля длинной узкой лентой тянулась белая от щебня автомобильная дорога местного значения. Эта лента стремительно приближалась. Удар. Я потерял сознание. Очнулся от стонавшего рядом пилота, поломавшего о штурвал самолета правую ключицу. Медленно приходя в себя, я почему-то видел свое детство, мать, брата, сестру, всегда чем-то занятого по хозяйству деда. Видел, как на экране кино, отрывки картин из своей жизни... Так и сидел, постепенно вспоминая, пока не услышал шум подъехавшего автомобиля и голоса людей. Это были люди из ближайшего поселка. Как я потом узнал, нас увидели мальчишки, бегавшие под мелким дождем по плоской крыше какого-то дома. Была пятница — день отдыха во всех мусульманских странах. Дети подняли тревогу, когда поняли, что круживший над полем самолет не просто исчез, а упал на дорогу, ведущую к поселку шахтеров...

Какие только картинки не пронеслись в моей крепко ушибленной голове. Откуда-то из темных глубин подсознания одно за другим всплывали события, о которых я не вспоминал десятилетиями…

...В ауле мы жили на улице Ишмак. Однажды прошел слух, что у оврага на улице Зур урам лежит убитый кем-то ночью человек. Была зима 1934 г. Наша семья жила в ожидании известий об отце, предполагая самое худшее. Не наш ли это отец лежит там? Мы с дедом быстро оделись и побежали к оврагу,

где уже толпились люди. Я запомнил на всю жизнь вид убитого. Он лежал на спине на расстеленном на снегу полушубке из белой овчины. В руках у него был перочинный нож, на голой груди — несколько ножевых ран, на шее — глубокая рана, как будто он сам ее расковырял. Даже мне семилетнему было понятно, что это не самоубийство, убийцы глупо имитировали это. Убитый не был жителем нашего аула...

...Крики в соседнем дворе разбудили меня. Потребность узнать, что там, видимо, присуща человеку от природы. Я, конечно, побежал узнать, в чем дело. С железнодорожной станции, что в двух километрах от нашего аула, привезли Ибрай-абый. Слышу, говорят, что в пьяной драке его ударили ножом в грудь. Он лежал на кровати и, тихо постанывая, ругался. Возле него суетились его мать и жена... Потом оказалось, что нож сломался и лезвие осталось в груди, оно уткнулось в сердечную сумку. Со временем оно обросло тканью, и Ибрай-абый так и прожил всю жизнь с лезвием ножа в груди до старости. Я видел его однажды уже после войны. Он приехал из Нижнего Тагила к своему брату Исмаилу-абый в Москву. Запомнился он мне после этой встречи — худой, с золотым зубом и вымученной улыбкой. И таких случаев из моего детства я помню немало, а запомнились они потому, что и меня коснулась эта беда, но об этом позже.

Кто я и откуда родом?

Мой дед Айнетдин Янгазин, который долгое время работал в Баку, говорил мне, что наш предок — Янгазы-мурза. Откуда ты, Янгазы-баба? Русские, постепенно завоевывая земли на восток от Москвы, двигались вниз по Волге. В тылу оставались татарские аулы, население которых формально не входило в Казанское ханство. Они жили компактно, как теперь пишут о них, со своими мурзами и муллами. Так потом образовались татары пензенские, сызранские, тамбовские и т. д. Постепенно русское государство стало привлекать их на постоянную службу — охранять восточные границы Руси от конных набегов своих же кочевых собратьев. Часть из них была потомками переселившихся когда-то на русские земли ордынских, астраханских, касимовских и казанских татар, так или иначе вынужденных уехать из родных краев. Появилось целое сословие «служилых татар».

Эти татары тоже искали места под солнцем. Когда русские поселенцы приходили на их земли, начинался дележ. В первую очередь занимали пойменные места вдоль рек. Тут были настоящие бои за землю. Мой предок Янгазы-мурза руководил отрядом в борьбе за землю у реки Инсар (Зара).

Инсар *— правый приток реки Алатырь. Протекает по территории Мордовии: начинается около д. Александровка Инсарского района, течет по территориям Рузаевского района, г. Саранска, Лямбирского, Ромодановского и Ичалковского районов. Другое название (татарское) — Зара.*

Отец мой, Исмаил, сын Айнетдина, был седьмым внуком прапрадеда Махмуда. По древнему татарскому обычаю, отец получил фамилию (через семь колен) от имени этого прадеда, сына Янгазы-мурзы. В исторической памяти народа хранятся события давних лет. Тут была битва с русскими на берегу реки Зара: не поделили землю. И через столетия это место называется «Орышкан төш» (место битвы).

А тогда, потерпев поражение, татарские отряды отошли в лес на горную часть побережья реки. Там и возник большой татарский аул Алтар. Есть гипотеза, что слово произошло от слова «рейтар» — конный воин в русском войске, который местные жители называли «лэбэжэ», от русского слова «лебяжье». Аул был большим, с медресе, где учился и известный татарский драматург Шариф Камал.

Камал *(Байгильдиев) Шариф Камалутдинович (1884—1942) — татарский писатель, общественный деятель. Заслуженный деятель искусств ТАССР (1940). В 1933—1935 гг. заведующий литературным отделом Татарского академического театра. Автор известных реалистических новелл, сатирических комедий, романов и повестей.*

Әни — мама

В ауле Алтар ее завали Зайнаб-апа, а родственники — «сембер-килен», что означало «невестка из Симбирска». Маленького роста, красивая женщина с точеной фигуркой. Так она мне запомнилась с детства. В один рост она стояла на фотографии рядом с сидящим на стуле отцом. Это была добрая женщина, повидавшая за свою долгую жизнь много и хорошего, и дурного как в Москве, так и в нашей российской глубинке.

Мама всегда старалась никому не причинять беспокойства, не просить, помогать. Просить она считала унизительным. Она обладала удивительно большим чувством юмора, хранила в памяти массу народных песен, пословиц и поговорок. Я запомнил некоторые, наиболее часто повторяемые. «Балык бирсәң бәйләп бир, башын-күзен чәйнәп бир», — говорила мама, когда я не мог что-то сделать самостоятельно, без ее помощи. «Син дә мулла, мин дә мулла, атка печән кем салыр?» — говорила она, когда я, не проявляя активности, ждал, что кто-то другой сделает нашу общую работу. К сожалению, от ее богатого юмора мне досталось не так уж много. Мама умерла в конце

ноября 1992 г., лишь один месяц не дожив до своего 90-летия. Ушла тихо, не причинив никому беспокойства. Лежит теперь на татарском кладбище «Сухая река» около Казани.

Мама родилась в 1903 г. в маленьком ауле Утемиш Тетюшского уезда Казанской губернии в семье безбедно жившего трудолюбивого крестьянина. Аул был на берегу маленькой речушки, в пяти километрах находились Большие Тарханы, в котором до революции было семь мечетей, недалеко от старинного городка Тетюши, через который по Волге купцы вывозили хлеб.

«Утәмеш кызы, алмачы Хисаметдин кызы», — говорили о ней. В семье алмачи (садовода, каждую зиму вывозившего свежие яблоки в Симбирск) было 13 детей. Мама вместе с братом-близнецом была тринадцатой. Мустафа-абый в первый же год войны ушел на фронт. Погиб в 1942 г. под Харьковом. Его сын Сайтахмет, мой двоюродный брат, погиб позже, в 1944 г., где-то под Витебском на белорусской земле. Узнал я это из «Книги памяти».

Мама Мирзы Исмаиловича — Зайнаб-ханум

С мамой на крыльце строящейся дачи брата Миразыма. 1985 г.

Уже в конце XIX в. установилась традиция: татары с Волги уезжали на заработки в Баку и на Донбасс. Поэтому и сейчас там много татарского населения. Видимо, были родственники: мама тоже оказалась в Баку. Там она встретила моего будущего отца, приехавшего к своему отцу, т. е. к моему деду. Там я и родился в 1926 г. в роддоме поселка Разина (пригород Баку). Но отец мой Исмаил не захотел регистрировать своего первенца «на чужой стороне», сказал он матери. Младенца везли на подушке, за четыре угла привязанной к потолку вагона. И записали, что родился в ауле Алтар…

Крестьяне жили самодостаточной жизнью: скот и птица давали им обувь и одежду, пищу. Земля кормила хлебом и овощами, сады давали немного фруктов. Эби, Кадеркай кауымы — рослая, работящая, бабай Янгазы — среднего роста, своими крепкими зубами на спор поднимал 18 пудов, Сэлэй-бабай, Рэхмуш-бабай, Умэр-бабай — всего пять братьев и одна сестра были у моего прадеда Яхьи. Бакинская жизнь деда мне, естественно,

не известна. Родился он в 1867 г. в Алтаре. Умер в 1944 г. во время войны. Крестьянский сын, он тоже искал счастья на стороне. По следам других татар попал в Баку. Сначала был кучером у самого Мухтар-бея, компаньона Нобеля — хозяина бакинских нефтепромыслов. Потом дед стал «аблакатом», защищая на судах и спорах интересы сначала своих татар, потом прочий рабочий люд. Кроме татарского, русского и мордовского, он знал армянский и азербайджанский языки.

Дед к старости стал плохо видеть. Причину своей слепоты он так объяснял: на богатого Мухтар-бея частенько нападали бандиты, абреки. Однажды во время погони за Мухтар-беем камень отскочил от копыт коня и попал деду в лицо. Другой раз пуля попала в спину, но не пробила одежду…

Дед интересовался политикой. Однажды он спросил меня, маленького школьника:

— Ты, наверное, знаешь, как звали Сталина «до переворота»?

— Джугашвили, — ответил я.

— Я его знал, — сказал дед. — Я возил знатного человека и мог провести на фабрику что угодно. Однажды Джугашвили поручил мне провезти листовки на фабрику для рабочих.

Сталин *(настоящая фамилия — Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953) — советский политический, государственный, военный и партийный деятель. Видный теоретик и пропагандист марксизма-ленинизма. С 1922 г. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии. В 1941—1945 гг. председатель СНК СССР, с 1941 г. председатель Государственного комитета обороны, нарком обороны СССР, Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами СССР. В качестве главы Советского государства принимал участие в Тегеранской (1943), Крымской (1945) и Потсдамской (1945) конференциях руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. Маршал (1943), Генералиссимус Советского Союза (1945). С 1946 г. председатель Совета Министров СССР. При его власти в стране происходили массовые политические репрессии против видных политических, государственных деятелей и населения, установился культ личности.*

Было время, я слушал на митинге в Нижнем Новгороде выступление Троцкого. Это был большой оратор, он говорил так, что люди сразу записывались в его партию, — тихо сказал дед.

Троцкий *Лев Давидович (Лейба Давидович Бронштейн) (1879—1940) — деятель международного коммунистического движения, теоретик марксизма, идеолог одного из течений — троцкизма. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 г.; создателей Красной Армии; основателей Коминтерна. В 1917—1918 гг.*

нарком по иностранным делам, в 1918—1925 гг. нарком по военным и морским делам, председатель Революционного военного совета РСФСР, затем СССР. С 1923 г. — лидер внутрипартийной левой оппозиции. В 1927 г. снят со всех постов, отправлен в ссылку. В 1929 г. выслан за пределы СССР, в 1932 г. лишен советского гражданства. Убит агентом НКВД в Мексике. Автор работ по истории революционного движения в России.

Из рассказов моего деда я узнал и о том, что его прапрадед Янгазы-мурза ездил в Пензу к губернатору просить землю в собственность своей общины, занявшей после драки с мужиками из большого русского села Анненки лесистые склоны в километре от реки Инзы.

Уезжая, старый мурза сказал: «Если получу землю, приеду на тройке с бубенцами!» И приехал, и землю получил.

Детство

Жизнь человека начинается для каждого с того, что он запомнил с детских лет. Помню в возрасте 4—5 лет, как на станции Зименки Горьковской области, где-то между Нижним Новгородом и Арзамасом, шел я по заснеженной улице. У ворот своего дома стоял маленький мальчик. Мне он показался вызывающе красивым, чем-то он мне не понравился, и я наскочил на него с кулаками. Почему-то мне запомнилась именно эта драка. Мальчик начал храбро отбиваться и больно ударил меня по носу. Больше я не нападал на «мирных» сверстников.

Другой случай из раннего детства, тоже в Нижнем: дети играли около телеги. Слезая с нее, я повис, зацепившись штанами, на какой-то проволоке. Еще случай. Был у нас в лесхозе большой рыжий пес по кличке Хапай. Он лежал и мирно грыз кусок мяса с большим мослом. Я, не думая, подсел к нему и стал его гладить по голове. Вдруг собака развернулась и хапнула меня прямо за мою детскую мордашку. Пошла кровь, я заорал, естественно, мама выбежала и в ужасе тоже закричала. Отец поднял меня на руки и, посадив на дрожки (легкая повозка), помчал на железнодорожную станцию к врачу. До сих пор на лице ношу еле заметный шрам от собачьего укуса. Это все до 3—5 лет.

Суроватиха

В первый класс я пошел семи лет в начальную школу села Суроватиха Дальнеконстантиновского района Горьковской области в 1933 г. Суроватиха — большое русское село с огромной церковью посредине. В двух верс-

тах от него в густом лесу был маленький поселок Лесхоз на 6—7 домов, с интересными, веселыми городскими жителями.

Нас было трое или четверо детей начальных классов из Лесхоза. В погожие дни мы ходили пешком, это километра два, а в ненастные — нас возили на телеге или санях. Помню густые яблоневые сады. У приятелей-мальчишек дома пахло кислыми щами и еще чем-то кисло-сладким. Возможно, гниющими яблоками.

В тот первый для меня сентябрь мама с двумя детьми уехала в аул отца, куда и он позже должен был приехать на отдых. Но через неделю отец не вернулся домой. И... пропал. Мать в тревоге приехала домой в Лесхоз. Отца искали все мужчины Лесхоза. Не нашли. Я проучился в школе неделю-другую.

Дети в Лесхозе всегда были чистенькими, аккуратными, не пели во все горло матерных частушек, как ребята из Суроватихи. Иногда мне казалось странным это различие в поведении ребят. Много позже я узнал, что это были хорошо образованные люди, бежавшие из городов «буржуины». Как попал туда мой отец, я не знаю. В конце 1930-х гг. их как-то враз всех забрали...

До меня доходили разговоры взрослых, которым я не очень-то придавал значения. Разное говорили люди: Исмаила забрали за какие-то старые грехи; он уехал от семьи; убежал, потому что растрата и т. д. Тот год я уже не учился. Мама забрала меня с собой в аул к деду, и мы в тревоге всю зиму ждали сообщений об отце, все-таки должен же найтись!

В ту зиму 1933 г. мы мало выходили на улицу. Там я до того не жил, с мальчишками познакомился только в школе, куда меня отвели «чтоб год не пропал». Но он пропал, потому что я не смог учиться на татарском языке, плохо знал его. Дали мне как-то прочитать отрывок из букваря по-русски. Я не сумел. Кто-то засмеялся: а еще в русской школе учился, хи-хи хи... С той поры я в школу не ходил.

...«Смотри, смотри, какая большая кукла плывет!» — кричала девочка брату. Это дети мельника, играя на берегу пруда, увидели то, что их очень удивило. Побежали к отцу, и прямо как у Некрасова: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца...» Дети мельника тоже закричали: «Тятя, там большая кукла плывет!» Старый мельник пошел на берег и увидел всплывшее после таяния льда тело убитого человека. Оно не испортилось за зиму на дне пруда. По черному френчу и по лицу мельник узнал Михала Онисимыча, как звали его, заместителя директора Лесхоза, знакомые жители Суроватихи. Это был Махмутов Исмаил, мой отец. Шел 1934-й год, весна.

Телеграмма в аул пришла весной, т. е. в апреле, с опозданием. В ней сообщалось, что Махмутов нашелся: труп поднялся из-подо льда в пруду. Это был мой отец, убитый осенью 1933 г. и брошенный бандитами в пруд. Когда мы с дедом приехали в Лесхоз, отца уже схоронили в соседнем селе Муравьиха, на окраине большого русского кладбища с множеством деревянных крестов. Дед выжег на широкой доске арабские изречения (видимо, эпитафия), воткнул ее в изголовье сына и долго читал молитву, думаю, нужные в этой ситуации суры Корана. Кто убил отца, так мы и не узнали... Люди говорили просто «урыслар», т. е. русские. Через 40 лет мы с братом ездили в Муравьиху, но от могилы отца и следа не нашли. Время сравняло ее с землей. А может быть, кому-то не понравилась «бусурманская» могила с непонятными буквами на доске на краю православного кладбища.

На следующий год мама привезла своих трех сирот снова в Лесхоз. Сказали, что нам дадут пенсию за отца, а маме работу. Кто там жил и что делали? Детские воспоминания отрывочны. Позже я понял, что лес формирует особый взгляд на окружающее. На людей, природу, мир, на свое место среди людей. Степь оставляет свой отпечаток.

Маме дали работу почтальона. Я снова пошел в Суроватихинскую начальную школу, где меня ласково встретила заботливая учительница Зинаида Алексеевна Спасская. Она погладила сироту по головке, сказала какие-то теплые слова и посадила меня сразу во второй класс, который я, помню, окончил на тогдашние «уды» и «неуды». Выровнялся лишь в третьем классе. Четвертый еще лучше.

В Суроватихинской начальной школе дети крестьян учились старательно. В большую перемену мы бежали к пруду на тонкий лед — посмотреть на черных жуков с желтой каймой по бокам и прокатиться по скользкому светлому льду… Но вот тонкий осенний ледок не выдержал и треснул под моими ногами. Я повис на кромке льда. Ребята закричали: «Тонет, тонет!» Меня спасали дяди, прибежавшие на отчаянные крики моих одноклассников. Они бросили мне вожжи и вытащили, мокрого и замерзшего, на берег. Потом меня «сушили» на печке в какой-то избе, заботливая крестьянка поила меня горячим квасом. На другой день прибежала до смерти перепуганная мама: ей сказали, что я утонул.

Муравьиха

После окончания начальной школы дети из соседних деревень по конкурсу поступали в 5-й класс семилетней школы в Муравьихе. Диктант писали, как помню, 56 человек, 40 прошли конкурс, я единственный получил

«пятерку». «Среди вас есть один нацмен (так тогда называли нерусских, было запрещено говорить «татарин», потому что в быту это слово употребляли в отрицательном смысле), и он не сделал ни одной ошибки», — сказала строгая учительница. Я потом понял, что ларчик просто открывался: местные ребята говорили на диалекте, писали как говорили. Я же выучил язык не только на слух среди детей образованной русской интеллигенции, бежавшей спасаясь от «комуняк» в леспромхозы, но и читал книги.

Горький

Но Муравьиха была далеко, три километра каждый день трудно было ходить в школу. Мать, писавшая только по-татарски арабскими буквами, старалась дать мне образование. Она решила переехать в Алтар: одной трудно было с тремя детьми. Поскольку я в татарской школе не учился, решили, что продолжать обучение лучше в русской школе.

«…В город Горький мы приедем, умпа-ара-рам...» — так мы распевали в пионерском лагере в Яльчике, куда меня мама послала из Алтара. В этот город она меня привезла в 1936 г. учиться в русской школе. Поместила у своей знакомой женщины, местной татарки, которая жила в однокомнатной с двумя детьми на улице Прокопьева, почти на берегу Оки. Отсюда лодочники возили пассажиров на противоположный берег к Ромодановскому вокзалу. На этой стороне был Московский вокзал. Через Оку выгнулся громадный мост.

Я начал учиться в школе «на мельнице» в Канавино. Жить я стал совсем бесконтрольно. Учился в пятом классе, кажется, не очень старательно, но поиграть с ребятами на улице любил. Поздней осенью Ока напротив Ромодановского вокзала затянулась первым тонким льдом. Но ребятам не терпится покататься. На специально изогнутом металлическом пруте мы катались по гладкому льду. Вдруг я заскочил на шугу. Это тонкий лед, волна ломает его, льдинки прессуются, ложась вертикально. Мои полозья проскочили на шугу, и я пошел ко дну. Друзья быстро протянули мне полозья своих санок, подхватили и вытащили меня на лед.

Второй случай был смешнее. А было так. Сидел я на нашем берегу у костра рыбаков и перевозчиков, слушая их побасенки. Они варили уху и рассказывали разные истории. Однажды подошел к ним молодой человек и попросил перевезти на другой берег, там стояла баржа, на которую он хотел попасть. Но рыбаки отказались: вместе с ухой им предстояла и выпивка. Кто-то махнул рукой в мою сторону. «Вон пусть этот пацан на моей лодке перевезет тебя», — сказал он. Я, конечно, был польщен таким доверием и сел за весла. «Нет, ты садись за весло и правь», — сказал парень и сам взялся за

весла. Переплыли мы на другую сторону Оки. В темноте искали его баржу, нашли. Он без слов дал мне пятерку (по тому времени хорошие деньги), рассчитываясь со мной, пояснил, как вернуться обратно и полез на борт.

Я направил лодку на середину, но не справился с течением, и лодку занесло на мель на острове, который образовался посреди реки. Как ни старался соскочить с мели, ничего не получилось. В темноте мне уже чудились все лешие и водяные, готовые схватить меня и потащить на дно, в страхе я не знал, что делать. Я кричал: «Караул, тону!», стоя на песчаном берегу рядом с тяжелой рыбачьей лодкой. Через некоторое время слышу торопливые шаги, ко мне бежали два мужика. Увидев меня стоящим на песке, один сказал: «Чего же ты кричишь, ведь не тонешь, стоишь!» Он сел на корму и велел мне грести. Помог вывести лодку на середину канала. Я добрался до своего берега и причалил довольно поздно. Там уже никого из лодочников не было. Имея такие деньги, я, конечно, пошагал в кино на последний сеанс, благо дома меня никто не ждал...

Еще помню, как вечерами подростки бегали по улице, не зная чем заняться. Однажды я видел, как пацаны шарили по карманам лежавших на мостовой пьяниц, как дрались между собой, деля какие-то копейки...

Красный Узел

Красный Узел — железнодорожная станция на пути из Горького в Саранск, в двух километрах от Алтара. Конечно, матери трудно было одной содержать две семьи — двое детей в ауле, и один (я) в Горьком. Она решила перевезти меня в аул, а в школу устроили в большом русском селе Ромоданове. Это было в четырех километрах от Алтара. Красноузельская была ближе, но туда принимали только детей железнодорожников. После окончания пятого класса меня устроили туда с большим трудом, через какого-то родственника, работавшего в вагонном депо станции. Там я учился в 6—7 классах. Школьные годы особенно запоминаются, хотя Красноузельская была для меня уже шестая школа. Я дорожил этой школой и даже гордился тем, что из алтарских детей в ней учился один я.

...Однажды после звонка на урок я полез в свой класс через окно. Сзади вдруг кто-то схватил меня за ногу. Обернулся — директор школы Ганин! Он сказал только два слова: «Завтра в школу не приходи!» Для меня, с таким трудом устроившегося в школу, это было как удар грома. Все пропало, думал я, и дома мне влетит, и учиться очень хотелось. В школу я пришел, конечно, и несколько дней старался не попадаться на глаза директору. Он преподавал нам химию. Учебник химии я читал с большим усердием, чем все другие.

И однажды директор вызвал меня к доске. Ответ был без запинки. Ничего не сказал строгий педагог. Но я понял — он остался доволен моим ответом. Облегченно вздохнув, я тихо сел на свое место. А случай этот не смог забыть до самой старости. Работая министром просвещения, иногда приводил его как пример строгой справедливости некоторым директорам школ.

Седьмой класс окончил в этой же школе, которую помню больше всего. Тогда я читал запоем много книг, летом работал в колхозе. В восьмой класс пошел осенью 1941 г., уже пылала Отечественная война.

Как-то мать послала нас с братом продавать мясо. Продали мясо козы в ауле Озерки. Но подростков всегда тянуло куда-то в неведомые края… Сбежали два брата-дурака и в Казани попали в детский приемник. Потом нас двоих повезли домой. Мы на собственной железнодорожной станции сбежали от воспитателя и сами явились утром к маме. Она уж потеряла нас. Сколько страданий дети приносят родителям, не думая об этом, не понимая, что матери страдают больше всех. В школу я уже не пошел и 8-й класс так и не окончил.

Алтар

Это большой аул на 400 дворов, расположенный на громадном пригорке, в километре от реки Зара (Инсар), за которой стояли большие русские села Альненково, Ромоданово, куда каждое воскресенье ездили на базар. В ауле было три больших улицы: Зур урам, Ишмак и Бустан. По обе стороны аула был небольшой лесок, откуда крестьяне потихоньку от сторожа таскали дрова, в основном хворост и старые пеньки. Жили в нем татары-мишары, происхождение которых до сих пор вызывает споры у историков и татарских филологов. В моей памяти не сохранилась пора единоличных хозяйств, помню только, что дед показывал мне нашу семейную «тамгу» — кажется, это был трезубец. Дед рассказывал, как на начале неширокого поля он пахал и сеял, используя своих четверых коней.

У меня много воспоминаний, которые сохранились лишь в подсознании, я рано покинул аул, да и жил там недолго, где-то года четыре, кажется. Помню соседей, помню, как ночью под Новый год парни жгли снопы соломы, ярко освещая темные улицы селения; сжигали старый год, как мне пояснили. Больше воспоминаний об общении с молодежью, особенно в связи с работой в колхозе — я участвовал то в прополке, помогая матери, то на лошадях — возили то солому, то зерно нового урожая… Но больше всего я работал учетчиком бригады.

У нас на квартире жили учителя (самая чистая хата в ауле): Дербердеев (старая татарская дворянская фамилия) не вернулся с фронта; Палютин Арифулла слепым вернулся с фронта и умер в 1995 г. в Казани; Зэйтунэ-апа.

Тесное, «бытовое» общение с учителями, с детьми «беглых» интеллигентов в Лесхозе, ребятами крестьян в школе Суроватихи формировали определенное видение людей. Они были различными по поведению, языку, привычкам. Можно было интуитивно сравнивать, что такое хорошо и что такое плохо, освоить на практике.

Учетчиком бригады я работал в колхозе «Шефная звезда». Что это за слово, я и сегодня не могу расшифровать. Колхоз в Алтария почему-то так и назывался — «Шефная звезда». Тогда много иностранных слов было в ходу: для полуграмотных партийцев и тем более крестьян они таили какой-то скрытый «революционный» смысл. В те годы каждое иностранное слово звучало как призыв к лучшему, к тому таинственно новому, которое социал-демократы обещали людям в своих речах на митингах, в своих статьях в газетах, в разговорах с простым народом в вагонах поездов — всюду, где могли быть люди...

Сестра Балкис, брат Миразым и Мирза

В этом колхозе мне и пришлось немного потрудиться. Как-то, помню, поскакал на коне в Лямбирь, конь вздыбил и я, соскользнув с его крупа наземь, ударился головой о твердую поверхность дороги, очнулся — двое мужиков держат меня под руки. Там я получил первый грамотный урок верховой езды.

Весной 1941 г. мне поручили «интеллигентную» работу — назначили «избачом», т. е. заведующим избой-читальней в ауле. В здании старой мечети одну половину занимал сельсовет, другую — изба-читальня с библиотекой. Днем туда приходили в основном школьники, читали книги из библиотеки, старики просматривали газеты, общались (ведь мечети были закрыты). Вечером собирались джигиты, крестьянские парни вели разговоры о делах своих и, конечно, о девушках. Аул был в двух километрах от железнодорожной станции Красный Узел (по-мордовски называли почему-то «Якстере сульмань», что значит «красный галстук»).

ГЛАВА 2
ВОЙНА (1941—1945)

Наиболее значимые события откладываются в долговременной памяти человека на всю жизнь. В моей памяти это — начало войны. 22 июня 1941 г. в 12 часов дня мы собрались у репродуктора. Кто-то уже слышал тяжелую весть, что Германия напала на нашу страну и началась война.

Выступал Вячеслав Михайлович Молотов, тогда председатель Совнаркома. Он говорил о том, что Германия вероломно напала на нашу страну. «Наше дело правое, победа будет за нами». Этот клич был лозунгом на все время войны. В первое время люди, воспитанные на пропаганде мощи Красной Армии, силы партии, верили, что мы быстро разобьем врага.

Молотов *(настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — советский политический и государственный деятель. Участник революции 1917 г. Ближайший соратник И.В. Сталина. Глава советского правительства в 1930—1941 гг. (председатель Сов-наркома), 1-й заместитель председателя СНК, Совета Министров в 1941—1957 гг.; нарком, а затем министр иностранных дел в 1939—1949, 1953—1956 гг.*

Во время Великой Отечественной войны заместитель председателя Государственного комитета обороны. Участник Тегеранской (1943), Крымской (1945), Потсдамской (1945) конференций глав правительств трех союзных держав — СССР, США, Великобритании. В 1957—1960 гг. посол СССР в МНР, в 1960—1962 гг. возглавлял Советское представительство в Международном агентстве по атомной энергии в Вене. В 1962 г. отправлен на пенсию и исключен из партии, в 1984 г. восстановлен.

Взрослые с тяжелым сердцем расходились по домам, мы, зеленая молодежь, сразу возмечтали совершить подвиги на войне. Для нас она была романтикой, легким событием, как в кино — скачка на конях, размахивание саблей и т. п. А мужики приуныли, они знали, что такое война, что это или смерть, или калекой вернешься домой. Бабы кое-где уже плакали — их сыновья были в армии.

…Война. Взрослые знали о ней не понаслышке — первая мировая и гражданская унесли не один десяток жителей Алтара. Среди старшего поколения женщин было больше еще со времен первой мировой и гражданской, покосивших мужскую часть населения страны. И опять война… На улицах нашего аула уже ходили толпы опечаленных крестьян, во дворах уши резал истошный крик и надрывный плач женщин. Жены и матери чувствовали большую беду. Через пару дней народ провожал подводы с притихшими мужиками, молодыми и старыми, призывали сразу несколько возрастов, кажется, до 40 лет. Потом добрались и до 50-летних, ведь под ружье страна поставила почти 30 миллионов человек. Потом все ждали писем. Но чаще приходили похоронки. И многие миллионы не вернулись с полей сражений, из плена, из концлагерей, немецких и своих...

…1941-й год. Уже поздней заснеженной осенью крестьян направляли на рытье окопов, мою маму тоже занесли в списки. Но она плохо себя чувствовала, и я пошел вместо нее. Зима 41-го началась рано, была морозной и снежной. Наш обоз с крестьянами прибыл для рытья окопов в татарский аул Драки в Ульяновской области. Рядом текла река Сура, и по ее берегам решено было строить противотанковые рвы.

Поскольку до дома было далеко, то часть этой зимы я провел в маленьком ауле Утемиш у бабушки (на родине матери). В небольшой избе было тесно, мы с двоюродным братом Сайтахметом (он погиб в 1944 г. на Волховском фронте) спали на полу вместе с посторонними парнями и одной девушкой, которая, как я догадался, соблазнила моего брата Миразыма. Он приезжал ко мне с небольшой провизией от мамы. Не только у нас было тесно, все избы были заняты постояльцами, народ собрали на рытье окопов и с берегов Волги.

Мороз крепчал, а у меня не было валенок и тулупа. Руки промерзали, и от лопаты образовывались кровяные мозоли. Я был самый молодой из всех приехавших на рытье окопов. Взрослые мужики и бабы убедили меня, что надо уехать домой, пока я совсем не обморозился. «Пшеничный ты, парень, беги отсюда, пока цел», — говорил мне один инвалид, который не смог пойти на фронт.

Я вернулся в Алтар зимой 1942 г. и попал на курсы трактористов в Лямбирь.

Лямбирь — большой татарский аул, райцентр в Мордовии. Там до войны было татарское педучилище, готовившее учителей начальных классов, хотя выпускники преподавали и в средних классах. Во время войны училище закрыли, и уже потом не открывали. После войны обучение шло

только на русском языке. Так возникали условия перехода татарских школ на русский язык обучения...

Трехмесячные курсы трактористов я проходил зимой, весной надо уже пахать. Однажды ранней весной нас, группу молодых курсантов, отпустили на побывку домой. Было время быстрого таяния снега, дороги — распутица. Мы решили пойти пешком до Саранска, где-то километров 12. В одном месте дорогу преградил поток ледяной воды. Как пройти через него в легких ботиночках? Решили разуться и пройти босиком, чтоб потом иметь сухую обувь. Так и сделали. Чтобы не упасть, поскользнувшись на льду, мы шагали осторожно, медленно. Холод пронизывал тело, сводил ноги судорогой. С трудом перебравшись, обулись, побежали, чтоб согреться, но это не спасло мои ноги — начался острый артрит и ноги болели отчаянно.

Позже в Средней Азии по совету стариков ходил босой по раскаленной узбекской земле. Кажется, вылечил…

Курсы трактористов окончились где-то в конце марта. В апреле началась весновспашка, и для 15-летнего подростка это была сверхтяжелая работа. До кровяных мозолей на руках крутили мы заводные ручки, но трактор «СХТЗ» с большими колесами с металлическими шпорами часто молчал, не заводился усилиями подростков. А взрослых в ауле становилось все меньше и меньше — они уходили на фронт… Однажды холодной темной ночью трактор заглох. Несколько часов я промучился, пытаясь запустить мотор. Но трактор не сдавался, и я, усталый, уснул тут же на борозде. Неработающий ночью трактор решил мою судьбу: злой дядя бригадир пригрозил мне судом и тюрьмой за простой трактора. Испуг был большой, мы знали, что сажали людей тогда за любую провинность: законы войны уже работали. Дома посоветовались, и я уехал к родственникам в Среднюю Азию. Хорошо, что в состав СССР входила Средняя Азия, теплый Ташкент — «город хлебный», Алма-Ата и другие тюркские города, куда бежали или эвакуировались отдельные люди и целые предприятия.

Война… Она заняла, может быть, половину моей памяти о собственной жизни. Все ее перипетии были связаны с тылом, скитаниями по стране, работой до упаду и учебой в военных училищах. Итак, я остановился на том, что судьба повернула мой взор в сторону Средней Азии, где, кажется, у меня были родственники.

И я в свои 15 лет во время войны каким-то чудом добрался за два месяца до Ташкента. Сколько подростков и юношей скиталось по дорогам, по городам и речным пристаням и железнодорожным вокзалам Союза! Все искали пропитания и мечтали стать хорошими людьми. Нужда гнала беспризорных

и бездомных, кто-то устраивался на работу за кусок хлеба, кто-то воровал по базарам и квартирам, кто-то хотел скорее попасть на фронт.

Человек развивается и взрослеет, решая жизненные проблемы, под влиянием обстоятельств, среды и отдельных личностей. Главным моим учителем была война и поведение людей, столь разное и сложное, что выбор мне приходилось делать самостоятельно. Ну а пока надо было просто выжить…

Ташкент

Ташкент был большим городом с большими шумными базарами. Приехал туда поездом летом, в самую жару. Летнее солнце раскалило землю, по ней босиком ходить было невозможно, обжигало как огнем... Не помню через кого, устроился сначала у земляков. Мне кто-то еще в Алтаре говорил, что в Ташкенте живет из нашего аула Ахмет, по прозвищу Саескан (сорока), который был настоящим вором. Я плохо понимал, что значит быть вором, пока не представилась возможность увидеть это своими глазами…

Как-то раз пошли мы втроем (Ахмет, его жена и я) на базар. Я заметил, что он положил финский нож в дамскую сумочку жене. Она ходила с ним рядом. Потом видел, как вор разрезал сумку у женщины и вытащил деньги. Я чуть не вскрикнул, но вовремя удержался... Сомнения и страх охватили меня: ведь вор сказал, что он научит и меня «работать» на базаре... Мне, начитавшемуся в избе-читальне европейских романов подростку, это показалось неестественным. Меня не прельщала «работа» профессионального вора, и я бежал из Ташкента.

Коканд

Куда бежать? По рассказам своего деда Айнетдина я знал, что его брат Умар жил в Коканде. Небольшой старинный город Коканд, пыльный и жаркий, с базарами на каждой улице, когда-то был столицей Кокандского ханства. В свое время это было небольшое, но крепкое государство в Средней Азии, правитель которого притеснял соседей — киргизов, брал с них подати. А чтобы киргизские племенные вожди не противились, он решил сына одного из киргизских вождей держать в заложниках (аманат).

Когда отец восьмилетнего мальчика узнал, что хан Коканда сделал мальчика своим заложником, он возмутился и восстал. Но хан послал свой отряд к киргизам и тогда киргизский вождь был вынужден обратиться за помощью к стоявшему недалеко русскому казачьему атаману. Тот прислал свою сотню, но кокандский хан об этом узнал и поспешил вернуть «аманат» — маленького

киргиза отцу. С этой истории берет свое начало «добровольное» вхождение Киргизии в состав Российского государства. Об этом особенно часто писали в начале 1960-х гг., когда Н. Хрущев старался укрепить Союз. Тогда всем «добровольно» вошедшим дали ордена, тем, кто не был «добровольным», тем ничего не дали. Таким оказался только один Татарстан.

Первое время в Коканде я жил у брата моего деда Умар-бабая, бывшего «сәүдәгәр» — купца, высланного в 1930-е гг. из родного аула. Его две дочери вышли замуж за иранцев, которые до войны проживали в городах Средней Азии. Жил я у него около месяца. Он хотел, чтобы я поступил на молокозавод, где и сам работал. «Будешь каждый день приносить по бутылочке масла. Этого нам хватит». Меня эта работа не прельщала, я хотел быть по меньшей мере токарем. Мы разошлись в «ценностной ориентации», и я очутился на улице. Нашел работу на машиностроительном заводе, учеником токаря. На заводе делали насосы типа «Гарда» для танков. Токари тоже жили впроголодь, и я устроился в общежитие с бывшим «зеком» в комнате… На кровати даже тряпки не было, стелил мешок. Хлеб (200 гр.) прятал от зека в печке, которая не топилась.

Как-то раз голодный пошел на базар. Старая узбечка продавала белые лепешки, а у меня в животе урчало от пустоты. Я выхватил лепешку и пустился наутек. Не догнали. Какая это была вкусная теплая пшеничная лепешка!..

Школа шоферов

Лето 1942 г. После полуголодной жизни и почти круглосуточной работы на механическом заводе, где делали бензиновые насосы типа «Гарда», я, опять же по совету взрослых, ушел на курсы шоферов. Сидел я рядом с парнишкой моего же роста и возраста Леней из Воронежа...

Школа предоставляла общежитие и 400 гр. хлеба в день. Мы с Леней очень подружились и вместе все время думали о хлебе и другой простой еде, которой у нас не было. Смотрел я то на преподавателя, то на своего приятеля Леню и не мог представить себе грузовик «ГАЗ-АА», который мы изучали, а представлял каравай хлеба и мамины мягкие руки, нарезающие этот хлеб.

Мы с Леней двухдневную норму хлеба съедали за один день и на второй день сидели на занятиях голодные. На всю жизнь я запомнил исхудавшее и посеревшее лицо своего шестнадцатилетнего приятеля и жалел его, понимая, что сам я выгляжу не лучше.

Молодая симпатичная еврейка, инженер по автомобилям, читала нам курс автодела. На всю жизнь запомнил ее слова по поводу перевода скоро-

сти автомобиля с первой на третью: «Теряем в силе, выигрываем в скорости», — повторяла она, глядя на своих полуголодных исхудавших слушателей.

В конце концов, мы не выдержали голода и решили бежать, не просто надоела голодная учеба, а не выдержали… Прихватив пару простыней из общежития, двинулись мы на фронт! В дороге было немало приключений: нас задержала охрана дорог. По указу военного времени нам «полагалось» по году заключения за запрещенный проезд на товарном поезде (боялись диверсий). О пассажирских поездах, плохо ходивших и к тому же без копейки денег в кармане, мы и мечтать не могли… На «бочкаре» ехали долго, без остановок, машинист торопил свой состав на фронт, гнали горючее для танков и грузовиков. Мы знали, что за проезд на товарных поездах «дают год» принудиловки. Но надеялись, что не попадемся.

Под мерный стук колес товарного поезда — «бочкаря» (нефтеналивной) мы мчались по пустыне Каракум в Туркмении на Запад, к Красноводску, городу на берегу Каспийского моря. Нас было двое — Леня, парнишка из оккупированного фашистами Воронежа, и я. Помню, что было голодно и тоскливо. На тамбурах «бочкарей» было чертовски холодно, ветер продувал насквозь. Вокруг кромешная тьма, даже вдали на сотни километров никаких огоньков, поезд катил по безжизненной пустыне.

Мечта тогда была почти у всех подростков одна — на фронт, в бой против фашистов. Но нас сняли с поезда и отвели в отделение железнодорожной милиции. Тогда вышел закон: за проезд в товарных поездах — год тюрьмы. Мы знали об этом, и конечно, струсили. Но бежали из-под носа дежурного отделения. И снова на поездах до самого Каспийского моря.

И все-таки мы доехали до Красноводска. Буханка хлеба тогда стоила 80 рублей (до войны — 40 копеек). Ели какую-то сухую рыбу, где ее доставали, сейчас уже не помню. Где спали — тоже не помню (Где живешь? — У товарища на квартире. — А где товарищ живет? — На берегу под лодкой...) Так приблизительно все и было.

Мы решили плыть через Каспий на военном транспорте, на который грузились войска, прибывшие из Ирана. По трапу нас никто, конечно, не пустит. Когда сняли трап и судно начало отчаливать, я разбежался и прыгнул на борт. Леня не смог запрыгнуть на борт корабля. Он остался в Красноводске, и я его больше не видел... А меня схватили два матроса и начали избивать, и если бы не заступились солдаты — покалечили бы, конечно. Мол, воруют по каютам... А мы с Леней на фронт пробирались, сражаться за Родину! И я сел с благородной целью — попасть на фронт, сражаться с фашистами! Жизнь всегда почему-то более суровая, чем мы себе представляем.

Баку

В Баку прибыли вечером. Помнил я, что наши родственники Сагадат-апа, Аманулла и Нурулла живут в том самом пригороде Баку — Сабунчи, где в поселке Разина родился и я... Я знал о них только понаслышке от мамы. Как доехать — спросил. А дальше не знал ничего. Ночевал на вокзале. Снились, помню, какие-то кошмары: сквозь дрему слышу, то собака вдруг залает, то черт зашумит. Просыпаюсь — никого нет.

Утром пошел искать. «Язык до Киева доведет». Нашел. Жагфар-абый — на фронте. Дома только два его сына Аманулла и Нурулла. Сагадат-апа встретила меня как родного, но им самим есть нечего было. Я видел. И на фронт не пробрался и решил ехать обратно, Сагадат-апа уговорила.

На этот раз я завербовался на стройку в г. Губаху где-то на Урале. Там было уже холодно, а я почти голый: штаны, рубашка черная и резиновые сапоги. В бакинском порту нас погрузили на пароход и повезли в Красноводск. Я плыл обратно, и вспоминал свой путь в Баку. В Красноводске погрузились в поезд, в котором ехали не только завербованные, но и беженцы, эвакуированные с Северного Кавказа. Были среди них и трактористы.

С нами ехали две девушки из Баку. Даже в военное время женщин легкого поведения не терпели, их выслали. Одна очень смазливая, лет 15—16, все жалась к молодому трактористу с Кубани, которого эвакуировали как специалиста в глубь страны. Вечером немного шутили. А утром я вспомнил, как шумно дышал тракторист и повизгивала 15-летняя девчонка из Баку. Я видел в их глазах, что они сблизились этой ночью, взгляд пережившей ночь пары всегда очень заметен. Однажды я подумал то же самое о моем приятеле трактористе и одной эвакуированной даме — они тоже смотрели друг на друга по-особенному. И не ошибся, потом он сам мне говорил о том, как эта из Киева поддалась ему легко и просто.

«Куда ты, парнишка, едешь, замерзнешь ведь», — говорили сердобольные женщины. Все советовали остаться в теплой Средней Азии. И я сбежал с поезда на станции Урсатьевской.

Обручево. Голодная степь

В Голодной степи в Узбекистане, недалеко от небольшого и пыльного городка Джизак осваивали новые земли, богару и поливные. На железнодорожной станции Обручево (на дороге Ташкент — Самарканд) меня сманили на работу в совхоз, сказали, что там неплохо кормят, дают жилье... Трое приехавших издалека поверили, поехали на телеге в степь, сплошь усыпанную овечьим пометом…

В землянках на покрытом войлоком полу спали люди. Было полутемно и душно. Несметное количество вшей и блох буквально съедали людей, усталых от изнурительного рабочего дня в безлюдной степи. Проснулся я с чувством тревоги и страха. Подумал, что вот так же прежде рабы жили и работали в шахтах, рудниках и строительстве дворцов и дорог. Наутро распределили работу. Пахали только на быках, лошадей не было. Мне дали двух быков и сказали, как ими управлять. Погнал я их в степь, накинул ярмо и «цоп-цебе!». Плуг тяжелый, быки не слушаются, борозда идет вкривь и вкось... Намучился порядком и проклял день, когда я родился...

После более чем скудного обеда («крупинка за крупинкой гоняются с дубинкой» — шутили люди о баланде) я решил потихоньку смыться. Снял свои тяжелые резиновые сапоги и босиком направился в степь. Взял примерное направление на восток, помнится там, за горизонтом, должно быть Обручево. Степь усыпана овечьим пометом, степная колючка «янтак» царапает, острые иголки впиваются в ступни ног. Вскоре понял, что босиком мне не дойти до станции. Снова обулся в сапоги и вечером добрался-таки до цели.

Зааминн (1942—1944)

На вокзалах, на поездах, на дорогах толпилась масса людей, не знающих толком куда ехать, что делать, как быть. Шла война. Есть было нечего. Люди искали пристанища. Среди разного люда искал свое место и я. Трактор с тележкой для перевозки людей уже ушел в райцентр Зааминн, куда стремились попасть эти обездоленные люди на маленькой станции. Ночь провел в чайхане. Помню большой топчан, сакэ, на котором улеглись человек двадцать народу, приставания чайханщика и мой удар ему в скулу. Но он не стал поднимать шума — сам полез...

Зааминн — небольшой восточный городок на границе Узбекистана с Таджикистаном, на самом «краю» равнины, которая называется Голодная степь. Отсюда начинаются высокие таджикские горы. «Зааминн» по-персидски значит «земля» (видимо, в отличие от окружающих этот поселок гор). Это были 1942—1944 гг. Мне 16—18 лет. Вторая Зааминнская МТС Самаркандской области (потом стала Джизакской) стала местом моего взросления. Сначала учетчик в тракторной бригаде, потом тракторист и комбайнер. Пока обрабатывали земли того или иного колхоза, жили мы бригадами в глиняных «тамах», домах без окон и дверей. Спали на соломе, укрывшись каждый своим одеялом, у кого какое было. С раннего утра заводили машины и пахали, пахали до темноты. Часто и ночами работали, если был керосин

и исправный трактор. Пищу нам готовили повара мужчины, как это водилось у узбеков. Мужчин не хватало — фронт съедал все большее их число. В Узбекистане в то время женщин даже с начальным образованием было мало. На трактора они редко попадали… На них работали эвакуированные европейцы.

Мне, трактористу, прислали помощника. Выписавшийся из госпиталя Сергей Моргун был родом из Сумской области Украины, еще занятой немцами. Помню, первые впечатления от прибывших из госпиталей раненых, без обеих рук, без обеих ног, без глаз... Помню, за них выходили замуж женщины, работавшие в столовой нашей МТС, соседи по нашему двору в Заамине. А вернувшиеся калеки рассказывали о боях, взрывах, атаках и отступлениях, об убитых и искалеченных товарищах. Встречи, воспоминания. Мы, почти призывники, жадно слушали рассказы бывалых воинов, как бы впитывали их боевой опыт. Большинство людей того времени жило воспоминаниями о военных событиях...

...Много разных обычаев можно встретить у разных народов Союза. У узбеков и таджиков — свои обычаи. Как-то раз ехал я верхом на ишаке в МТС в Заамин, у моего трактора ночью сломался подшипник заднего колеса. Надеялся получить новый. По гравийной дороге мерно постукивали копытца моего ослика. Вдруг на дороге возникли две фигуры: «Тогта, тогта — остановись, заходи, здесь ТУЙ».

Вошел в дом. Группками вокруг больших деревянных блюд с ароматным горячим пловом, какой могут приготовить только узбеки, сидели люди и неторопливо ели, рассуждая о молодежи, женитьбе и будущем новой семьи...

Насытившись и пожелав молодым, которых мы в этой комнате не видели, счастья в жизни, я сел снова на ишака и «потюкал» в райцентр...

…Когда работал в узбекском колхозе, помню, однажды ночью мы проснулись от крика. Это был голос нашего повара. Его укусил кара курт, ядовитый паук, которых здесь было много и которых мы все боялись. Повара увезли в кишлак. В бригаде работал тракторист Мелентьев. «Кого-кого, а меня кара курт не достанет», — сказал он, заворачиваясь в свое большое ватное одеяло. Но под самое утро я услышал отборный русский мат: это кричал Мелентьев: его укусил-таки кара курт. Мне поручили везти Мелентьева в районную больницу. Это в 20 км. Положили его поперек седла, и я, где рысью, где шагом, поехал в Заамин. ...Там он пролежал целый месяц. Вернулся и через неделю его забрали в военкомат. Уехал на фронт танкистом.

Перед самым уходом в армию я стал заведующим районным домом культуры. Жил на квартире у приятеля, где не то что кровать, а лишний стул поставить было негде. Но мать Кашифа Муртазина оказалась гостеприимной и сердечной женщиной.

Теплые тихие вечера в этом городке запомнились на всю оставшуюся жизнь. Здесь я увлекся девушкой по имени Наджия. Помню спокойные прогулки под луной южной ночи...

Она осталась одна без родителей с двумя младшими братишками, один из которых был глухонемой. А ей самой было 17 лет. Перед моим уходом в армию училась в Самарканде на курсах бухгалтеров. Она влюбилась в меня, позже вместе с родственницей приезжала даже в Москву, где я уже учился в Военном институте иностранных языков. Потом я потерял ее след.

В августе 1944 г. был призван в армию. Военный всеобуч прошел в горах Таджикистана (на границе с узбекским) в снайперском взводе. Стал инструктором. Ребята-киргизы не знали по-русски ни слова. «Стибинь, грибинь, рукаятык» — это все, что они усвоили, изучая материальную часть винтовки. Но меткости в стрельбе киргизских парней все офицеры удивлялись...

ГЛАВА 3
АРМИЯ (1944—1956)

Сегодня, когда говорят о сложности войны в горах Чечни, я представляю себе эти горы не только потому, что видел их в «Стране гор и горе языков» — в Дагестане. В далекие годы войны я проходил допризывную подготовку в горах Таджикистана. Нас учили стрелять из снайперских винтовок, я помню, что расстояние через ущелье сокращается, и ты можешь, правильно прицелившись, не попасть в цель...

…Помню первое разочарование поведением офицера. Как-то мы на учениях поймали несколько рыб. Идем, навстречу верхом офицер — наш инструктор военкомата. «Дайте вашу рыбу, мы изжарим и вместе съедим», — сказал он. Но так мы ее и видели... «Как может офицер так нахально отнять у нас рыбу?» — подумал я. Потом много раз убеждался — среди офицеров невоспитанных людей тоже очень много.

Военные школы. Фергана

Селищенская военная школа авиамехаников в Фергане была эвакуирована из-под Москвы. Размещалась на окраине города, в бывших казармах конного полка еще царской армии. Учебные разрезы авиационных моторов и агрегаты лежали в конюшнях на пыльном полу...

Там я впервые столкнулся с разнохарактерным коллективом молодых людей. У нас у всех была одна судьба, но внутренняя жизнь у каждого была своя, принесенная оттуда, с гражданки. Поэтому были у нас и хорошие, и плохие парни.

Учился я старательно, ведь у меня была и школьная привычка делать уроки вовремя. Практические занятия проходили на улице, а теория — в душных помещениях, мало приспособленных для процесса обучения. Под монотонную речь инструктора, в душной комнате я часто дремал...

Был февраль 1945 г. Мы сидели в землянке на полевом аэродроме недалеко от большой немецкой деревни Ранненбаум

или что-то вроде этого названия. Вдруг объявили тревогу, послышались выстрелы. Один из офицеров громко отдавал команды: на наш аэродром шли немцы. Мы их еще не видели, но часовые стреляли в ту сторону.

Бывалые летчики и механики самолетов быстро сориентировались и бросились в кабины трех стоявших истребителей (потом я узнал, что четыре других были не загружены и не заряжены). Нам, «стажерам» из Ферганского военного училища авиационных механиков, велели подлезть под хвосты самолетов и поднять кили так, чтобы горизонтально, чтобы можно было стрелять из пулеметов по наземной цели. Командовал нашими усилиями один из механиков: «...выше, ниже, так вашу мать…», — слышал я из-под самолета. Треск одиночных винтовочных выстрелов часовых впереди вдруг заглушил стук «Березина» — два крупнокалиберных пулемета, вмонтированных в самолет-истребитель Ла-5, ударили враз. Огонь из трех самолетов, видимо, был плотным. Через короткое время мы услышали команду «отбой», пулеметы замолчали. Немцы выходили из леска с белым флагом. Это было небольшое подразделение, решившее самостоятельно выйти из окружения, но немцы натолкнулись на нас и, услышав звук крупнокалиберных пулеметов, подумали, что попали в засаду. Если бы они знали, как мало нас было на этом небольшом аэродроме, то, уверен, быстро смяли бы нас и ушли. А теперь у нас была толпа пленных, побросав оружие, они стояли в стороне от взлетного поля, и наши ребята окружали их. Отделение охраны собрало оружие в кучу, а один из наших офицеров разбивал немцев в группы, чтобы не собирались вместе. Мы знали, что в это время в Восточной Пруссии разрозненные части немцев, выходя из окружения, стали чаще сдаваться.

Астрахань

После Ферганы я был механиком на истребителе Ла-5. В Астраханской военно-авиационной школе изучали Пе-2 — основной бомбардировщик военного лихолетья. Уже было лето 1945-го. Строем ходили в жару в куртках, темных от пота гимнастерках и тяжелых кирзовых сапогах. Учились и ремонтировали старые самолеты. Зимой заготавливали топливо, вырубая редкий кустарник в пойме реки. Ночевали там, спали на снегу. Надевали меховые рукавицы на замерзшие ноги…

Иркутск

Иркутск — сибирская столица, «слышен звон кандальный...». Здесь находились Иркутская военная авиационная школа и Иркутское военное

училище, в котором изучали управлять бомбардировщиком ТУ-2. Запомнилась ледяная вода Ангары в июле. «Кто поест омуля, тот вернется в Иркутск», — были убеждены местные жители. Мне суждено было вернуться сюда второй раз — переучиваться на другие типы самолетов. Здесь я два месяца лежал в госпитале, переболел желтухой.

После отпуска, г.Тбилиси. 2 августа 1947 г.

Кировабад. Тбилиси

После выпуска из Иркутского училища нас, молодых лейтенантов, послали служить в авиационные части. Я попал в Кировабад Азербайджанской ССР, недалеко от границы с Грузией. Теперь, кажется, Ганджа. Потом нас отправили служить в Тбилиси. Одновременно со службой там я окончил вечернюю среднюю школу, поскольку систематически учиться в школах ранее не приходилось, и получил аттестат на азербайджанском языке. Война… Да и до войны все было не так просто. Учился больше самостоятельно. А тут появилась возможность получить среднее образование. Стране нужны были специалисты со знанием немецкого языка, о чем нам не раз говорило командование дивизией.

С друзьями по армии: Николай, Михаил (Мирза), Дмитрий. Москва. 1947 г.

В это время, начиная с 1943 г., заместителем командующего Закавказским фронтом был назначен генерал-майор Николай Николаевич Биязи. Он был прекрасным военным, но второй страстью (как я узнал позже) Биязи были языки. Он владел 14-ю языками, французский и итальянский знал в совершенстве. Эти знания пригодились ему на посту военного атташе в Италии, который он занимал в 1936—1938 гг. А в 1940—1942 гг. он возглавлял военфак Московского педагогического института. Кандидат военных наук, он начал форсировать подготовку военных переводчиков в стране. О нем прекрасно написали позднее выпускники вуза, который мне предстояло закончить, а пока в 1943—1944 гг. я поступил на заочные курсы немецкого языка в Москве. Но вернемся к нашему генералу, поскольку именно он оказал опосредованное влияние на всю мою жизнь.

«Потомок итальянских переселенцев Биязи провел детство в Одессе. В родословной его были яркие личности: бабке — известной русской певице Дарье Лебедевой-Глинке — посвятили романс, а дед — петрашевец Александр Иванович Пальм — был выведен на казнь вместе с Достоевским.

Казнь была заменена каторгой. После ее отбытия Пальм принимал участие в героической обороне Севастополя в 1854—1855 гг. Как внук отличившегося защитника Севастополя Николай Биязи учился в гимназии бесплатно» (Из книги И. Левина «Записки военного переводчика», 1981).

А позднее в дивизию приехала комиссия по отбору слушателей во вновь созданный Военный институт иностранных языков Советской Армии, и в результате конкурса отобрали 3 человека из дивизии, в том числе был и я…

Военный институт иностранных языков Советской Армии

После отбора для поступления в институт перед нами было поставлено одно условие — дан срок 2 месяца для подготовки к вступительным экзаменам с переездом в Москву. Я готовился вместе с другом — москвичом, который окончил московскую школу и, конечно, имел знания, несравнимые со мной, скитавшимся по городам и весям огромной страны. Игорь Федоров — мой друг и однокашник из Кировабада и Москвы. Отец его был в ополчении и вместе со всеми попал в плен к немцам. Как у нас относились к таким людям, известно. Поэтому и Михаил Федорович, потомственный московский интеллигент, вел себя тихо и скромно даже в собственном доме, а не только в ресторане, куда мы втроем как-то зашли отметить очередной с Игорем экзамен.

Экзамены были удачно сданы, но я понимал, что учиться придется всему и без устали. Меня определили на второй — восточный факультет, поскольку я был мусульманином с восточным колоритом во внешности, а Игорь поступил на китайский. К этому времени институт готовил не только военных переводчиков, но и специалистов более глубокого профиля. Нас 5 лет обучали философии, марксизму, военным наукам, языкам, страноведению, географии, армии сопредельных стран, истории военного искусства и т. д. По десять часов в день занимала учеба. Жил на квартирах в разных районах Москвы.

Большую помощь в скорейшем изучении языков оказывала клубная работа. В институте были созданы кружки — драматический, литературный, вокальный, хоровой и танцевальный, для того чтобы студентам прививать аристократические манеры. Именно в этих кружках я впервые научился танцевать и слушать классическую музыку, а позднее стал заниматься фехтованием. В армии до этого я увлекался боксом. Но в институте мне этот вид спорта запретили, чтобы не испортить внешность…

С друзьями во время учебы в ВИИЯ. Москва. 1950 г.

9 мая 1952 г. я в первый раз участвовал на военном параде на Красной площади. Наша т.н. «коробка» (построение) была четвертая (в одном ряду 12 человек, равнение держали направо). Печатали шаг, держали равнение. Я находился в первом ряду, четвертый справа, близко к мавзолею. А на мавзолее стоял Сталин... Осенью того же года участвовал на военном параде во второй раз. Сталин также стоял на мавзолее…

Миразым (мой брат)

Небольшого роста, красивый парень со светлыми волосами и серыми глазами (заимствовал у мамы). Очень способный и честолюбивый с детства. После школы работал лесником, в Москве стал столярничать, окончил строительный техникум, работал десятником. В 1950-е гг. был прорабом. После службы в армии из Москвы приехал в Казань. Тут стал строителем (в Казани на ул. Павлюхина есть три дома, которые строил десятник

Миразым Махмутов). В 1971 г. окончил КХТИ — инженер-механик. Потом инженер конструкторского бюро, рисовал проекты новых зданий и сооружений. Детей двое.

Миразым — мой добрый, умный, трудолюбивый брат. Он все хотел делать сам и очень любил, когда его хвалили. Как-то раз несли мы с ним две вязанки хвороста из леса. Я был сильнее (и старше) и помогал ему тащить и его вязанку. Но при подходе к дому он никак не хотел ее отдать мне. Сам, говорит, понесу…

Брат Миразым.

Имя Миразым арабского происхождения — от «эмир газым», что означает «великий эмир». Но не стал мой брат эмиром, был просто красивый татарский советский парень, с большими серыми глазами и светлыми немного вьющимися волосами. Просто сердцеед. В свои 14 лет он уже кормил семью (мать и сестра). С двух сторон аула Алтар был небольшой лес, крестьяне вырубали его на дрова. Власти поставили Миразыма охранять лес от своих же. Опасно, угрожали, подкупали. Однажды ночью Миразыма жестоко избили палками, кольями, били по спине и голове, он закрывал голову руками, были перебиты пальцы и кисти рук. Жестокость всегда была в крови у злых и завистливых парней. Но охраняемый лес он «в обиду не давал».

Позднее проявился его жизненный опыт и природный ум. Служил он во флоте. Но служба ему не нравилась и он, симулируя сумасшествие, ушел из армии. Он стал строителем, его уважали старшие, любили ровесники, обожали девчата. Окончил технический вуз, потом стал хорошим проектантом. Талант проявился позднее — он стал изобретателем.

Брат имеет звание «Изобретатель СССР». Но мало что смог «пробить». Много разных хитроумных вещей наделал в мастерских. Но три изобретения были очень серьезными. За границей он стал бы миллионером. Изобрел он ветряной электродвигатель, ездил в г. Гурьев на испытания, но не смог его продать. Изобрел он какой-то оригинальный сварочный аппарат для сварки газгольдеров (емкости для хранения газа). Ездил куда-то под Ригу на испытания. Но заплатили ему копейки, которые он с горя пропил.

Изобрел Миразым самоускоряющийся снаряд, который имел оригинальные технические данные. Долго с ним возился, прочитал массу военной литературы... Не раз и не два ездил в Москву в военные ведомства показывать свое детище. Там его хвалили, но генералы хотели сначала просто примазаться к его изобретению, а потом отнять. Опять брат мой ничего не получил за свой интеллектуальный труд. Тогда и закон почти не защищал изобретателя от бестолковых, но жадных и бессовестных хищников.

Алкоголь лишил Миразыма его природных качеств доброго, отзывчивого человека, который другу всегда готов последнюю рубашку отдать. Алкоголь погубил его жизнь. Мне его всегда было жаль. Мои попытки вылечить брата не дали успеха. Один раз он после лечения более 9 месяцев не пил. Изменился к лучшему, вид у него стал прекрасный. Но на поминках тещи какой-то безмозглый скотина «достал» Миразыма: «Как можно не пить на поминках!», и брат мой снова запил... Страдала семья — жена, дочь и сын, страдала мама, страдали мы все. Он потерял семью, отошел от детей... Но что делать? Безрадостная старость уже подошла...

Балкис (сестра)

Сестра моя родилась в Алтаре в 1932 г. После переезда семьи из Суроватихинского леспромхоза в аул Алтар училась в местной семилетке. Она шустро говорила на мишарском диалекте жителей этого аула, хотя мама гордилась тем, что она знает литературный татарский (казанский) язык. Став взрослее, сестра работала в колхозе и собирала в тяжелые годы, как и все крестьянские дети того времени, колоски. Война всех бросила в невиданную бедность. Подростком в конце 1940-х гг. сестра уехала вместе с мамой в Москву.

Сестра Балкис

В Москве с помощью родственников семья устроилась на работу и жила в коммунальной квартире. Тогда сестра была уже взрослой девушкой, успешно работала на фабрике. Я только потом узнал, что она была передовиком производства, бригадиром, наладчицей, с ней считались как с хорошей работницей.

Как сейчас помню, когда я приехал к ним в отпуск из Закавказья, встретил не подростка, а красавицу девушку на выданье. У нее было много подружек, почти все — дети выходцев из Алтара. Они собирались у кого-нибудь из подружек на квартире, пекли татарские «перемячи», пили чай и пели свои татарские песни и частушки, привезенные из аула или сочиненные уже в Москве. Иногда очень остроумные, иногда смешные, потому что употребляли татарские и русские слова вперемешку.

Сестра в молодости была очень красивой. На ее большие добрые глаза и тонко очерченные самой природой красивые брови, круглое с ямочками лицо, на ее длинные ниже пояса толстые косы мало кто из парней не заглядывался. У Балкис было немало поклонников, в том числе из моих однополчан, молодые лейтенанты делали ей предложение. Но она ждала «своего» — татарского джигита... Она трижды выходила замуж, но счастья ни с кем не нашла… «Судьба», — говорит она. Первый раз замуж вышла за Хакима Мяксиняева, шахтера из Караганды. Он кочевал из города в город.

Сначала Алмалык в Узбекистане, медные рудники, потом Бодайбо, Магнитогорск. Он увез ее туда и только тогда мы узнали, что Хаким — алкоголик, беспробудный пьяница (что очень часто бывает среди шахтеров). Балкис дважды уходила от мужа и дважды возвращалась после его уговоров и клятв. На третий раз она приехала с маленьким сыном Римом к матери.

В Москве сестра поступила на завод, шесть месяцев была учеником токаря, потом доросла до 7-го разряда и мастера в сборочном цехе (собирали генераторы). У завода не было своего детсада для маленького Римули, и Балкис пошла на стройку. Трудолюбивая, смекалистая, быстрая в работе, с чувством долга, ее всюду уважали за эти качества, где бы она ни работала, везде ее высоко ценили за чувство ответственности и старательность.

Большая любовь

Я служил в разных регионах страны и не мог найти себе невесту. Вообще, офицеры, скитаясь по службе по разным уголкам страны, часто вынуждены заниматься поиском невест, особенно пограничники и летчики, сидящие где-то на аэродромах. И не всегда встречают нужную «свою половинку». Поэтому тоже уже на последних курсах слушатели нашей академии начали обзаводиться семьями, тем более те, кто направлялся служить за рубеж, как правило, должны были иметь семью.

Мне сказали о ней, когда я приезжал в аул отца моего — Алтар. Там родственники с восхищением описывали мне ее красоту и внешний вид, деревенские люди были в восторге от девушки из Ленинграда, тем более что ее отец и мать были выходцами из аула и имели там много родственников.

Потом была целая эпопея погони за невестой. Я писал ей письма из Закавказья, где в то время служил в авиационном полку в Шамхоре. Потом из Москвы, где еще учился в закрытом тогда высшем учебном заведении Советской Армии. Потом я, наконец, поехал, чтобы увидеть ее, встретиться и объясниться. Кажется, к этому времени я уже был «наполовину» влюблен, как это пишется в восточных поэмах, увидел во сне и влюбился.

Наши родители в свое время, как я понял из многочисленных рассказов, дружили семьями. Поэтому я приехал прямо к ним домой и познакомился с ее отцом, Зайнетдином Салькаевым, немного суровым и мудрым человеком, лет шестидесяти, с ее старшим братом Айса. Потом под вечер с работы вернулась она, знавшая меня только по письмам и, вероятно, тоже по рассказам родственников.

Помню, она куда-то к знакомым торопилась (не знала, что я приеду), и мы вышли на улицу. Она шла торопливым шагом, я шел рядом и раз-

мышлял, кто же она, моя будущая избранница? Ведь я не был уверен, что мы «сойдемся» во взглядах, мечтах и надеждах... Говорили мало, на общие темы... В этот раз я тоже торопился (приехал только на выходные), и уехал обратно в Москву. Условились, что встретимся там. Как-то она сообщила мне в письме, что будет в Москве проездом в Крым на отдых (отец хорошо зарабатывал и помогал дочери). Мы наметили день и час встречи. Я в это время был под Москвой на Кубинке на учениях.

Договорился с товарищами, чтобы замели следы моего отсутствия в военном лагере, и пошел на трассу, ведущую в Москву. Было уже поздно, и я долго не мог поймать попутную машину. Наконец остановился грузовик, полный кузов булыжников. В кабине места не было, и я сел в кузов. Пошел дождь. Так под проливным дождем часа три с лишним я добирался до города. Весь мокрый приехал на квартиру, переоделся и поехал на место встречи. Оно было в метро, не помню какое. Долго стоял и ждал свою девушку, но она не появилась. С грустью и тоской я уехал домой. Не теряя надежды наутро я снова поехал туда же, просто так, на авось. И через пару часов моего томительного ожидания у самого входа в метро я увидел ее в окружении двух или трех тетушек. Сердце мое радостно забилось. Она не очень раскрылась. Потом объяснила, что тетушки не знали о свидании и для них это было неожиданным… Так состоялась вторая встреча с будущей невестой.

Через некоторое время я снова поехал в Ленинград, на этот раз согласованно с ней. Тогда на набережной Невы я читал татарские стихи и рассказывал о себе и своей мечте. Вроде как бы признавался в любви. Затем была церемониальная встреча с отцом — мы не знали его мнения.

...Балкис была высокого роста красивая женщина, брюнетка, с крупными чертами гордого лица. Это я потом узнал, на себе почувствовал, что у нее был тяжелый мужской характер, в отца, говорили. Честолюбия на троих хватило бы. К сожалению, частенько я замечал ее надменный взгляд в сторону человека, который ей не нравился... Но все это потом. А сейчас...

Отец Балкис дал мне свое согласие на руку дочери. Мы договорились. Братья были довольны, тем более что сестра была уже давно на выданье — ей было 28 лет (мне — 26). В один из дождливых осенних дней мы сходили в Куйбышевский ЗАГС на Невском проспекте и зарегистрировались. Но договорились, что свадьбу будем играть в январе будущего года (не помню, почему). Естественно, я надеялся встретиться с невестой, теперь уже женой, но она меня к себе до свадьбы не подпустила, тем более что не было «никаха».

С женой Балкис

Следующая встреча состоялась в Москве, в гостинице Ленинградская, где она остановилась, приехав в командировку. Там вместе с ней жила соседка по номеру, и Балкис наотрез отказалась стать «женщиной». Так я и ходил, «облизываясь», как кот вокруг масла.

Наконец настало время свадьбы. Я поехал в Москву с родственниками. Там была первая брачная ночь. Помню, по обычаю мне не давали пить спиртного.

Мы уехали в Москву, там я снял комнату в какой-то квартире на Каляевской. Она начала искать работу, потому что зарплата офицера-слушателя академии была небольшой. Потом я подыскал лучшую комнату на Большой Полянке. В роддоме на Шаболовке у нас родилась дочка. Мы назвали ее Ляйля.

Долгое время мы жили, что называется, «душа в душу». Ежегодно мы отдыхали на даче ее отца на Мельничном ручье под Ленинградом. Там было очень хорошо. Вместе с ее старшим братом Айса летом ездили отдыхать на Черное море, в Ахали-Афони.

Но постепенно первые годы дружной жизни стали понемногу омрачаться, любовную лодку стали раскачивать мелочи быта. Я любил жену и страдал от ее резких слов. По всем вопросам жизни она безапелляционно заявляла о своих претензиях на что-либо. Считала себя во всем правой, стараясь ни в чем не уступать мужу. Тяжело стало жить, когда прошла первая волна любовных чувств, любовных отношений. Моей работой почти не интересовалась. Очень любила наряжаться и форсить перед подругами, знакомыми... Свою работу преподавателя английского языка в Казанском госуниверситете любила. Любила студентов, которые хорошо относились к ее предмету и хорошо усваивали материал. Любила рассказывать о студентах и своих занятиях. Ревностно относилась ко всем коллегам, у которых работа хорошо получалась.

Рим (племянник)

На Казанском вокзале в Москве меня встретил на синем «Форде» красивый мужчина лет сорока, высокий, с большими светлыми глазами, одетый по последней моде «крутых» парней. Он состоял в руководстве фармацевтической фирмы «Протек», занимался бизнесом.

…Вроде совсем недавно был красивый мальчик с большими серыми (как у моей мамы) глазами, тихий и послушный. Он рос с матерью, с бабушкой. Один год жил у родственников в Алтаре, потом в Москве учился

Сестра Балкис с сыном Римом

в хорошей школе-интернате (поэтому возили его далеко от дома). После 8 класса я привез долговязого подростка в Казань и устроил в школу № 94, считавшуюся одной из лучших в городе. Но жить у меня дома он отказался (видимо, неласково встретила парнишку моя первая жена, невзлюбившая моих родственников; такое бывает). Рядом со школой был интернат для татарских ребят из аулов республики, почти не говоривших по-русски. Кроме того, я надеялся, что мальчик, выросший в русскоязычной среде, научится говорить на татарском. Но этого не произошло: татарские ребята старались сами практиковать русский язык с «москвичом».

Через два года Рим поступил в Казанский авиационный институт. Инженера-электронщика по распределению послали работать в Зеленогорск под Москву. Здесь Рим влюбился и женился на красивой татарочке, но счастью молодых помешала, как часто бывает, теща, пытавшаяся руководить жизнью молодых. Не выдержав «руководства» тещи, разошелся.

Период перестройки научная молодежь металась в поиске своей «ниши». Рим ездил и в США, но ничего не получилось… С друзьями решили торговать лекарствами… Теперь он уже 5 или 6 лет работает в солидной фармацевтической фирме «Протек»… Говорят, «талант он и в Африке талант»: на фирме дела пошли хорошо. Здесь же Рим познакомился с симпатичной Светой, женился и, кажется, счастлив. У него родился сын, Андреем назвали…

Новый год с сестрой Балкис, братом Миразымом и племянником Римом на даче в Одинцово. 1998 г.

В декабре 1997 г. Рим пригласил нас с Дилярой встретить у него на даче Новый 1998 год. На даче было очень красиво: и белый чистый снег на улице, и красивый двухэтажный особняк с сауной в подвальном этаже... Было очень весело. Там была и Татики. Потом Рим купил нам две путевки в прекрасный санаторий под Москвой — «...Дали». Прекрасно отдохнули и подлечились.

17 августа 1998 г. подкосило и «Протек». Рим немного сник, заскучал. Но надеется на возрождение.

Ляйля (дочь)

В конце 1970-х гг., будучи в Академии педнаук, я как-то спросил у своего президента, моего старого коллеги по педагогике (я выступал его первым оппонентом на защите докторской):

— Почему меня на конференции за рубеж не выпускают?

— Ты теперь невыездной, понимаешь? — ответил мне М.И. Кондаков.

— А чего тут не понимать? — обиженно ответил я. 20 лет выезжал по заданиям ЦК, доверяли, а теперь — «невыездной». Как будто я чего-то совершил!..

…Ляйля родилась в Москве, на улице Шаболовка, роддом недалеко от старого телецентра. Я учился в Военном институте иностранных языков Советской Армии (ВИИЯСА). Мы тогда снимали комнату на седьмом этаже дома напротив кинотеатра «Экран» около Каменного моста (через Москву-реку). Вечерами я часто любовался видом кремля, светом рубиновых звезд на его красивых башнях, смотрел на ровное течение Москвы-реки и плывущие по ней маленькие теплоходы…

Ляйля с детства мечтала о сказочной жизни, хотела стать «принцессой», как в сказках. В семье ее баловали, более семи лет она была единственным ребенком. Может, поэтому она выросла немного капризной, излишне эмоциональной.

Училась в казанской школе № 18 с преподаванием ряда предметов на английском языке. Училась старательно, любила английский язык. Школу окончила с золотой медалью и поступила в Казанский университет. Там проучилась два года, не понравилось, потом перевелась в МГУ, на кафедру биологии. Но биолог из нее не получился. Вышла замуж за американца, приехавшего на стажировку в Москву. Пять лет жили в столице, он работал переводчиком в «Прогрессе», который дал им жилье. У них в доме всегда можно было встретить много парней, «друзей» из КГБ.

Ляйля любила живопись и даже немного практиковалась в написании этюдов. Над ее эмоционально сильно написанными письмами из Америки мать часто плакала... У ее мужа Дадли долгое время не было работы, не было жилья, накопленные в Москве деньги потратили за два года. Ляйля очень любознательна. К моему удивлению, увлеклась православием, изучает историю религии. Так, для себя.

Как-то в беседе с дочкой я спросил ее:

— Ляйля, что ты скажешь мне о Дадли, в двух словах?

— Он очень добрый, незлобивый, — ответила она. — Однажды я ссорилась с соседкой. Дадли сказал:

Дочь Ляйля с супругом Дадли Хейганом. Вашингтон

— Ты смолчи, когда соседка говорит язвительные слова.

— Но не получается!

— А ты учись смолчать. Помнишь, как училась на двухколесном велосипеде ездить? Сначала не получается, потом потихоньку начинаешь катиться, не падая, — сказал Дадли. — Он учитель, одаренный. Очень ценит, когда человек хочет научиться чему-нибудь. Если он сам может что-то добавить — он просто счастлив…

Дадли Хейган — сын американского морского офицера. Высокий рост (под два метра), с большими светло-серыми глазами, очень спокойный, малоразговорчивый. Увлекается музыкой и тюркскими языками.

Отец рано развелся с его матерью. Дадли вырос, по сути, без отца, с матерью и сестрой. Послали писать докторскую в Московский университет, а он влюбился в мою дочь, женился и забыл о науке. Любит книги и музыку. Годами играет на компьютере. Года три уже занимается культуризмом, накачивает бицепсы…

Трудолюбивый, но не целенаправленный. С трудом Дадли устроился на работу преподавателем русского языка сначала в одном, потом в другом городках в разных штатах США. Но кто-то заметил парня, по конкурсу он попал в университет им. Дж. Вашингтона в столице США. Сейчас уже много лет они живут в Вашингтоне, в трехкомнатной квартире, за которую Дадли ежемесячно платит около тысячи долларов из своей зарплаты в две с небольшим…

Преподавал русский язык в некоторых американских университетах, последнее место работы — Университет имени Джоржа Вашингтона. Два года был без работы. Уже в возрасте 48 лет нашел работу в бизнесе. Теперь он работает в какой-то посреднической фирме, ищущей свои доходы в договорах с российскими нефтяниками… Получает немного больше, чем преподаватель университета…

4 июля 1999 г. Дадли исполнится 50 лет. И 20 лет со дня их свадьбы отмечали в ресторане гостиницы «Россия», куда мало кого можно было пригласить. Все боялись «запачкаться». Только Дима Зуев пришел и даже тост произнес. Мы все были ему признательны. А так было несколько «друзей» Дадли — ребята из Комитета КГБ.

Рига

Старый красивый город европейского типа. Улицы вымощены брусчаткой, как в Европе.

Часть особого назначения была расположена за городом. Это войсковая разведка. Радиоперехват привозили по утрам радисты, которые сутками сидели на самой границе и следили за своим сектором — чужого неба и моря. Расшифровывался материал нами, специалистами, и информация шла в Генштаб СА в Москву. Наверно, и в штабе округа получали ее, не знаю.

Иногда бывали командировки… Но я мечтал о другом. И стал настырно рваться из армии. Добился демобилизации при поддержке министерства сельского хозяйства РСФСР! Это была моя хитрость: Хрущев объявил о наборе тридцатитысячников на село. Я пошел в министерство и сказал, что работал трактористом и комбайнером. После войны нехватка кадров была во всем. Мне дали бумагу в Прибалтийский военный округ с просьбой отпустить из армии нужного специалиста (тракториста!). Отпустили после трех месяцев хождений вплоть до 9-го разведотдела Генштаба.

А семья жила в Москве. Жена и ребенок. Было хождение по штабу округа и ГРУ. Предлагали переехать под Москву для работы как знатока арабского языка. Отказался. Хотелось чего-то нового, активного. Демобилизовался.

ГЛАВА 4
В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1956—1957)

Поначалу я ехал из Москвы, вернее, из Риги, по направлению министерства сельского хозяйства РСФСР на должность директора МТС. Мне показали Макуловскую МТС. Увидев развалившуюся материальную базу, ветхие здания, заваленную старыми деталями мастерскую, где два тракториста кувалдой выбивали коленчатый чал из маховика, я сник. Условия были не лучше, чем мы имели в Узбекистане в военное время. На настойчивые просьбы секретаря райкома я ответил отказом... Им ведь был нужен кадр, которого они потом за недостатки будут драть на бюро райкома как сидорову козу. Попросили подождать, когда освободится место директора в другой МТС.

Тем временем кое-кто из татарских ученых прослышал, что в Казань приехал специалист арабского языка, который давно некому было преподавать в КГУ. В минсельхозе однажды появился заведующий кафедрой татарского языка КГУ Хатип Усманов. «Все едут из села в город, а вы почему-то обратно стремитесь», — заметил он.

Усманов *Хатип Усманович (1908—1992), литературовед, доктор филологических наук (1962), профессор (1964), заслуженный деятель науки ТАССР (1968). В 1951—1991 гг. преподавал в Казанском университете: в 1951—1975 гг. заведующий кафедрой татарского языка и литературы. Труды по истории средневековой татарской литературы и литературы XX в., татарского стихосложения. Автор учебников татарской литературы для средней школы.*

После моего отказа перейти в университет Усманов однажды пригласил меня к ректору. «Так, просто ему интересно поговорить с вами», — сказал Хатип-абый. Беседа была интересной. Мне предложили аспирантуру. Я, конечно, согласился.

Кажется, никогда в жизни я не переживал такой большой радости, как в этот день. Выйдя на улицу, я не чувствовал под собой ног, шел не зная куда, в голове было одно слово — «аспирантура»! Через час бесцельной ходьбы вокруг улицы Ленина, я вернулся к себе на квартиру, на улицу Дегтярная. Мне кто-то

рассказывал, что ее до революции знали как место скопления женщин легкого поведения. Верно, эта улица поставляла официанток во все бары и рестораны прежней Казани.

Итак, меня убедили, что мое место не в деревне и переманили в университет. Здесь я начал преподавать арабский язык, больше в связи со старотатарским. Никаких учебников, никаких учебных или методических пособий. Работал по авиационному принципу «делай, как я». Я учил так же, как меня учили в институте. Но с большим энтузиазмом, я верил, что это нужно татарскому народу! Моя первая публикация была «Арабский язык нужен в татарской школе» в журнале «Русский язык в школе» (1958).

Постепенно круг моего знакомства в Казани расширялся. Люди узнавали, что я специалист арабского языка, тяга к которому была не только по традиции отцов: в татарском было много заимствованной лексики, с которой сталкивались при чтении, редактировании и издании старых книг… В издательстве предложили сделать перевод нескольких сказок из «Тысячи и одной ночи», написать предисловие к сборнику повестей арабских писателей. В Союзе писателей Татарии предложили организовать кружок арабского языка для желающих… Таких первоначально оказалось немало, пришли даже маститые писатели Салих Баттал, Риза Ишмуратов, Шараф Мударрис и другие. Они с удовольствием вспоминали свою учебу в медресе и арабские уроки тогда, в молодости… Молодежь же — Саимэ Ибрагимова, Гульшат Зайнашева и другие — с интересом изучали арабские буквы и слова, которые так часто встречались в литературе, но были им непонятны...

Позже, уже на посту министра просвещения, я сделал попытку ввести арабский язык в одной из казанских школ (№ 80) вместо немецкого. Это оказалось непростым вопросом. Во-первых, не было учителя. Во-вторых, не было учебников. В-третьих, в парткомах насторожились — не ислам ли несет арабский язык?! Но ввели арабский в учебный план (вместо немецкого) в школе № 80. Нашли и учителя, мне сообщили, что в одной из школ Арского района работает человек, который знает арабский — он преподавал его в татарской школе в Финляндии! Это был учитель Рахимов, который, попав в плен к немцам, несколько лет жил в Финляндии. Я решил перевести его в Казань. Но запротестовали в КГБ. Но все же мы нашли общий язык и с ними. Родители и директор школы отнеслись с большим интересом. Рахимов начал работать…

Важным достижением стало издание учебника арабского языка Рахимова под моей редакцией в Казани, где ни в одной типографии давно не было арабских букв...

Происходила также борьба за льготные («бронь») места в вузах Москвы и Ленинграда по арабскому и персидскому языкам. Почему узбекам дают места в русских вузах России, а нам нет? Поднял этот вопрос на серьезный уровень и выторговал 5 мест ежегодно. Но многие выпускники устраивались не в Казани, а те, что приехали, не могли найти работу здесь.

Направили Ильдара Аухадиева учиться в Египет (по линии КГУ), где позднее произошла моя встреча с ним в Каире. Теперь, в 2000 г., к нам в ТАРИ пришла преподавать арабский язык его дочь — Алсу.

Татарская кафедра

…Как я очутился в этом знаменитом в СССР учебном заведении? В КГУ среди татарских ученых на филологическом факультете, кажется, не было ни одного человека с серьезным европейским образованием (может быть, кроме Тумашевой Диляры, выпускницы МГУ). Кафедры истории и русского языка отличались в этом смысле. Более образованные ученые на татарской кафедре появились в конце 60-х гг. (окончившие московские вузы) и стали увеличиваться числом в научно-технической отрасли знаний. А гуманитарии долго оставались в идеализме национального языка и истории, не осознавая роли техногенной цивилизации... Теперь сотни молодых людей получают знания в иностранных университетах. И опять — часть учится в Турции, мало выигрывая, часть в европейских и американских университетах... Когда менталитет татарина выйдет на уровень европейского, трудно сказать.

Хатыб Усманов

Хатыб-ага, как его все татары уважительно называли, был доктором филологии, он увлекался историей татарского стихосложения и много об этом написал. Профессор, писатель-фронтовик. В конце 50-х гг. он заведовал кафедрой татарского языка и литературы КГУ. Надо сказать, в то время докторов наук было очень мало, а среди татар — буквально единицы. При общении с ним я всегда чувствовал, что это человек более воспитанный, чем другие: он говорил тихо, уважительно относился к собеседнику, улыбался чаще, чем хмурился. Хмурые лица в России — ее всегдашний показатель низкого уровня культуры отношений: собеседник как бы готов к отпору, к ссоре, к ругани. И правда, матерщина сопровождала многих от колыбели до могилы, бедность языка и сегодня замещается у некоторых «интеллигентов» одним и тем же словом, чаще матерщинным. Даже дети, ничего не подозревая, стали часто вставлять в свою и без того бедную речь слово «блин».

А Хатыб Усманович был «мулла малае». Эта фраза, по которой определялось социальное положение человека в татарском обществе, начиная

с 30-х гг. Хатыб Усманов получил в детстве мусульманское семейное воспитание, скромный, спокойный, упорный в труде и заботе о людях… Он, узнав, что в Казани появился человек, знающий арабский язык, разыскал меня в коридорах министерства сельского хозяйства ТАССР. Узнав о моих планах на будущее, улыбнулся и сказал что-то шутливое. Запомнились его слова: «Все из села бегут в города, а вы из Москвы направились в глухую деревню». Это он меня, решившегося поехать на работу в качестве директора МТС, уговаривал поступить на работу в Казанский университет: кафедре татарского языка позарез нужен был преподаватель арабского языка. А очень мне хотелось уехать подальше от шума и грохота городской жизни…

Однажды Хатыб-ага, так потом стал его называть и я, кажется, при третьей встрече, хитровато посмотрев на меня, с мягкой улыбкой сказал:

— Я договорился с профессором Нужиным, ректором КГУ, о встрече с вами.

— Это интересно для меня, я с удовольствием пойду.

— Если он будет предлагать вам работу, не отказывайтесь.

— Смотря как и что будет предлагать, — пошутил я.

Ректором с начала 50-х гг. был профессор Нужин Михаил Тихонович. Сели, разговорились. Я был еще в военном кителе с погонами капитана. Посмотрев на мои плечи, Нужин сказал:

— Я почти четыре года пропахал, был в артиллерии, вернулся старшим лейтенантом.

— Я служил в основном в авиации, — сказал я.

— После войны взялся за ум, — улыбнулся Михаил Тихонович. — Написал с ходу кандидатскую. Недавно защитил докторскую по «обратным задачам».

— Я о науке еще и не мечтал, все-таки 12 лет под ремнем.

— А хотели бы заняться? — спросил с хитрой усмешкой ректор.

— Так ведь, наверное, надо иметь особый талант, — несколько смутился я.

— Талант не талант, а способности и настойчивость очень нужны.

Помолчав немного и чуть задумавшись, он спросил:

— А что если мы вам аспирантуру предложим?

— Что, и по арабскому языку? — быстро спросил я.

— Можем и по арабскому, только мне надо в министерстве высшего образования договориться. А вот научного руководителя вам придется найти самому, у нас в Казани нет ни одного человека…

— Я найду руководителя в Москве, среди моих учителей были и дипломированные арабисты (потом проф. Баранов Харлампий Карпович дал

мне письмо к проф. Гранде Бенциону Мееровичу, видному арабисту, автору громадного труда по грамматике арабского языка).

— Тогда временно мы возьмем вас на полставки на кафедру татарского языка, а с нового учебного года начнете учиться в заочной аспирантуре. Но окончательно я скажу вам после разговора в министерстве.

Я тут же дал согласие и с того времени стал преподавателем знаменитого в России Казанского государственного университета.

Я посмотрел на довольное выражение лица Хатыба Усманова и вышел. Нет, не просто вышел. Из кабинета ректора я выскочил с какой-то ранее небывалой радостью. Шел вдоль длинного корпуса здания университета, и у меня как будто крылья выросли за спиной: у меня есть будущее! После многих месяцев мытарств я вдруг почувствовал себя счастливым.

Мне просто повезло. В те годы редко кто садился за диссертацию: после войны жизнь была очень трудной, многие жили впроголодь, о науке мало кто из нас, демобилизованных офицеров, думал…

Так я стал преподавателем арабского языка на татарской кафедре. Мои студенты выбрали специальность «татарский язык». Это были ребята из татарских аулов, об арабском они и не слышали, но отрывки из молитв на этом языке кое-кто из них знал — от бабушек. Помню, я спросил:

— Кто из вас знает какую-нибудь молитву?

Студенты смутились: тогда вся страна исповедовала атеизм, приверженность к религии осуждалась на всех уровнях. Но двое или трое студентов сказали, что знают.

— Прочтите, — попросил я.

— Алиф-би-ти-си, — начал один из них.

— Это что же, бабушка научила? — спросил я студента.

— Да, она учила каждый вечер перед сном это произносить, читать как молитву...

Я был крайне удивлен: молитвой тут и не пахло, то, что произносил студент — были первые буквы арабского алфавита в татарском произношении! Конечно, бабушки сами заучили эти слова много десятков лет назад и верили, что раз это арабские слова, значит, это молитва… Ведь Коран — на арабском! Позже, когда студенты немного стали разбираться в языке, мы все вместе смеялись над наивным представлением об арабском языке и мусульманских молитвах…

Часов на мой курс было гораздо меньше, чем на другие предметы, и я старался пробудить у студентов интерес к арабскому языку и арабской культуре, увлечь их историей Востока. На студенческих вечерах студенты

других кафедр читали и говорили на английском, немецком, французском… Мои стали выступать на новом иностранном, со стихами на арабском, чем удивляли и татар, и русских. Изгнанный из образа жизни татар вместе с исламом, арабский был в университете немного странной новинкой. Иногда я чувствовал на себе подозрительные взгляды пожилых татар…

Потом некоторые мои ученики действительно увлеклись, один проучился даже в Аль-Азхаре в Каире и несколько лет работал переводчиком арабского за рубежом. Галиуллин Талгат вырос до ректора Елабужского пединститута, потом стал известным доктором филологии (мы избрали его член-корром в АНТ), третий, Каримов Рим, работал на радио, двое написали свои кандидатские: в 1960-е гг. это начинало входить в моду в университете…

Галиуллин *Талгат Набиевич (р. 1938), литературовед, писатель, доктор филологических наук (1981), профессор (1983), член-корреспондент АН РТ (1998), заслуженный деятель науки РТ (1993). В 1962—1964 гг. в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР. В 1965—1986 гг. в Елабужском педагогическом институте: в 1967—1971 гг. проректор, с 1971 г. ректор. В 1986—1987 гг. в Казанском педагогическом институте. С 1988 г. в Казанском университете: с 1989 г. заведующий кафедрой методики преподавания татарского языка и литературы, в 1989—2000 гг. декан факультета татарской филологии, истории и восточных языков. Труды посвящены татарской поэзии. Автор документальных повестей, детективных романов, рассказов и публицистических статей.*

Михаил Тихонович Нужин

Михаил Тихонович более 20-ти лет был ректором КГУ, на два года дольше самого Н.И. Лобачевского. Он пользовался большим авторитетом не только среди математиков и вообще преподавателей и профессоров университета, но и среди руководителей республики, ведь и первый секретарь Ф.А. Табеев тоже вышел из КГУ. Дружил Михаил Тихонович и с министром высшего образования СССР В.М. Елютиным, который ежегодно навещал Казань как депутат Верховного Совета СССР от Татарии. Помню, мы любили слушать рассказы министра о поездке куда-нибудь в Китай. Тогда ведь редко кто выезжал за рубеж…

Была у Михаила Тихоновича, помню, трагедия в семье: отец его, старовер, люто ненавидел нерусскую сноху (жена ректора — Валеева — была татаркой). Они часто скандалили в отсутствие Михаила Тихоновича, и однажды разъяренный старик… зарубил ее топором. Ректор, видимо, любил ее, на похоронах он, старый воин, плакал… Потом он женился на русской — она была кандидатом биологических наук, разбитная такая, могла и рюмку весело поднять. Под

старость они гуляли под руку по нашей улице. На похоронах М.Т. Нужина было очень много народу, в памяти коллег он оставил добрый след…

Нужин *Михаил Тихонович (1914—1983) — математик, механик, доктор физико-математических наук (1954), профессор (1955), заслуженный деятель науки РСФСР (1964). Участник Великой Отечественной войны. Ректор и заведующий кафедрой теоретической механики Казанского университета (1954—1979). Он один из основателей научного направления в математической физике — обратных краевых задач (ОКЗ) для аналитических функций и их приложений. В годы его руководства Казанским университетом были открыты два новых факультета, более десяти новых специальностей, организовано издательство, открыт музей истории университета. Одна из улиц Казани названа его именем.*

Кроме Хатыба Усманова на кафедре преподавателями были Д. Тумашева, М. Закиев, З. Мазитов, И. Нуруллин, М. Хасанов и еще несколько человек. Была очень симпатичная старенькая женщина, очень вежливая и воспитанная, секретарь кафедры. На четвертом этаже химкорпуса КГУ.

Разговоры всегда велись вокруг татарского языка, студентов, сельские плохо знали родной язык, не говоря уж о русском, и с ними трудно было, особенно Тумашевой, с ее московским критерием грамотности и образованности людей.

Диляра Гарифовна Тумашева

Красивая женщина с четкими татарскими чертами лица. Любит юмор, оптимистка по природе. Окончила вуз в Москве. Кто ее учителя? Родилась в Сибири. Вышла замуж за Равиля, случайно познакомившись с ним в купе вагона в поезде Казань — Москва. Он — капитан польской армии, вернее, наш офицер в конце войны командированный для пополнения польского корпуса.

Тумашева — ученый, по-европейски подготовленный. Крупный специалист татарского языка. Морфология — ее увлечение. Профессор, доктор филологических наук. Консультировала меня при подготовке кандидатской диссертации в 1966 г. С 1992 г. она академик Академии наук Татарстана. Широко образованная и немного по-восточному воспитанная татарская интеллигентка. С ней всегда приятно поговорить, у нее свой стиль разговора с собеседником.

Тумашева *Диляра Гарифовна (1926—2006) — тюрколог, языковед, доктор филологических наук (1969), академик АН РТ (1992), заслуженный деятель науки ТАССР, РФ (1977, 1997). Окончила Московский университет (1949). С 1952 г.*

С коллегами из КГУ (слева направо): М.И. Махмутов, Д.Г. Тумашева, Д.Х.Бакеева, Г.Н.Вульфсон. 1958 г.

в Казанском университете: заведующая кафедрой татарского языка (1966—1989), профессор (1970), заведующая кафедрой восточных языков (1984—1994), профессор Института востоковедения (1991—2001). Изучала диалекты сибирских татар, компактно проживающих на территориях Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской областей. Труды по теории грамматики и морфологии татарского языка, диалектной лексикографии, этнотопонимике.

Мирфатых Закиевич Закиев

Первый раз я увидел его на кафедре татарского языка КГУ в январе 1958 г. Меня, только что демобилизованного офицера, прибывшего из Риги, приняли на полставки преподавателем арабского языка. Это был молодой мужчина лет около тридцати, чуть ниже среднего роста, с большими для татарина темно-серыми глазами, неспешной речью, было видно, что он каждое слово обдумывал, прежде чем сказать. Закиев Мирфатых вел курс татарского языка и много работал над собой.

Мы довольно быстро нашли общий язык. «Язычники!» И вообще, Закиев обладал хорошим качеством, среди весьма нервной интеллигенции он выделялся терпеливостью. Коллеги делили между собой то буквы алфавита, то фонетические проблемы, то общность русской и татарской грамматик.

Мирфатых не вмешивался в пустые словопрения, был по-крестьянски спокоен и уравновешен. Через два с половиной года мне пришлось сменить место работы, но я успел «притереться» к филологам и на кафедру иногда меня приглашали, иногда я заходил без приглашения. Встречался с профессорами Хатыбом Усмановым, Дилярой Тумашевой и Мирфатыхом Закиевым, для меня они были люди интересные сами по себе. Ко мне Мирфатых всегда относился ровно, как мне казалось, с некоторой симпатией, видимо, из-за моего знания арабского языка.

Его небольшая дружная семья ютилась где-то на частной квартире, жена и двое маленьких сыновей. Настоящие татарчата. В то трудное с жильем время М. Закиеву дали квартиру: во дворе университета закончили ремонт. Там были в прошлом (до 1917 г.) университетские конюшни. Их «удачно» переделали под профессорские квартиры. Такова была действительность конца пятидесятых годов.

Советская власть все силы напрягала для «мировой революции», отдавая последние копейки на мировое коммунистическое движение. А миллионы людей жили в нечеловеческих условиях. Жилья просто не было. До переезда в Казань я жил в Москве (учился в военной академии) и видел, что даже коренные москвичи, семьи из пяти-семи человек, ютились в коммунальной квартире в комнате в 10—12 квадратных метров! А рабочие-строители, приехавшие в Москву на заработки, заполняли вместе с семьями деревянные бараки, в комнатах по 20 метров на семью, 20 комнат и один длинный коридор…

Мирфатых вырос в татарском ауле на самом востоке Татреспублики, в Бавлинском районе. Жили они трудно, колхоз мало что давал крестьянам, чаще отбирал. Отец его погиб на фронте, 15-летний Мирфатых перепробовал всякую работу — в колхозе все есть. Запомнилась ему больше всего колхозная кузница. Ему часто слышался тонкий звон молотка — кузнец показывал молотобойцу, куда нанести очередной удар здоровенной и страшно тяжелой для пятнадцатилетнего парнишки кувалдой, неподъемной особенно после первых десяти взмахов.

М. Закиев окончил Казанский университет. Здесь деревенские татары, общаясь с русскими учеными, получали более высокий уровень общекультурной подготовки, чем, скажем, в том же педагогическом институте, где студенты во все времена состояли в основном из деревенской молодежи. Мирфатых Закиевич преподавал татарский язык, точнее, он специализировался по синтаксису татарского языка, в то время как имевшая московскую подготовку Диляра Тумашева разрабатывала проблемы татарской морфологии.

60-летие Мирзы Исмаиловича (слева направо): М.И.Махмутов, ректоры КГПИ М.З.Закиев, КАИ — Ю.В.Кожевников, КГУ — А.И.Коновалов. 1986 г.

Женился Мирфатых Закиевич еще в бытность студентом. Красивая ему досталась татарочка. Ее никто не знал как Елену. Она была для всех Лена, Леночка. Она была стройной и невысокого роста, при встрече всегда мило улыбалась, стараясь первое слово предоставить мужу (дома она, конечно, вела себя жестче). Гостей Лена встречала радушно, мы всегда садились за очень хорошо подготовленный стол, на котором даже по тому времени «чего только не было». Недаром среди друзей Леночка слыла хлебосольной хозяйкой.

В 1966 г. я уже 8 лет работал на должности министра просвещения Татарии. Начальство разрешило мне завершить работу над диссертацией, которая была прервана назначением на этот пост. Вопрос о защите кандидатской диссертации назрел. Мне дали полтора месяца отпуска. Я, естественно, консультировался у моих бывших коллег по кафедре. Много внимания моей теме уделила профессор Д. Тумашева, она хорошо отнеслась к идее защиты по арабским заимствованиям в татарском языке. Первым оппонентом она же рекомендовала просить профессора Мирфатыха Закиева, тогда уже доктора филологических наук.

Закиев *Мирфатых Закиевич (р.1928) — языковед, общественный деятель, доктор филологических наук (1963), профессор (1964), академик АН РТ (1991), академик-секретарь татарстанского отделения Международной тюркологической академии (с 1997), заслуженный деятель науки ТАССР, РСФСР (1970, 1976). В 1951—1964 гг. преподавал в Казанском университете. В 1965—1986 гг. в Казанском педагогическом институте (проректор, с 1967 ректор, одновременно заведующий кафедрой татарского языкознания). В 1986—1991 гг. директор Института языка, литературы и истории Казанского научного центра РАН, в 1992—2001 гг. — Института языка, литературы и искусства АН РТ (с 2001 г. заведующий отделом языкознания там же). Труды по синтаксису татарского языка, этнолингвистике, проблемам межнациональных отношений.*

Мирфатых был очень трудолюбивый и работоспособный, хваткий, настойчивый. Он слыл миролюбивым человеком, но в острых ситуациях умел проявить характер, всегда вставая на защиту своего мнения. Он знал, что сельская школа не могла дать ему солидную базу научных знаний, поэтому даже после защиты кандидатской все время пропадал в богатейшей библиотеке университета. Он писал на обоих языках, правда, чаще на татарском. На посту заведующего кафедрой татарского языка он упорно продолжал свое образование.

Способного и законопослушного ученого вскоре назначили ректором Казанского педагогического института. До этого долгое время на этой должности работал Юсуф Ахметзянович Туишев. Исследования он не вел, расходуя все свое время на решение вопросов укрепления материальной базы института и расстановки кадров преподавателей.

Туишев *Юсуф Ахметзянович (1907—1984) — педагог. До 1931 г. жил в г. Пензе. С 1931 г. в Казани, работал в учреждениях народного образования. В 1940—1945 гг. директор Казанской специальной школы ВВС № 9. В 1945—1984 гг. в Казанском педагогическом институте, ректор. Автор работ о педагогических взглядах Г. Тукая.*

В должности ректора престижного в республике вуза Мирфатых Закиев быстро показал блестящий талант организатора большого коллектива. Он завоевал авторитет заботой о людях, об институте и главное — поднял роль научных исследований, внес «университетский дух» в педагогическую среду. После Туишева Мирфатых оказался находкой для ученых-филологов и педагогов. Здесь был открыт совет по защите докторских диссертаций по педагогике. Но М. Закиев много времени уделял и укреплению материальной базы института. Это по его инициативе и настойчивости прямо в центре Казани, рядом с университетом, выросло новое красивое девятиэтажное общежитие для студентов. По тем временам это было большим достижением.

Мне, как министру образования, удалось «вырвать» у городских властей здание школы № 39 (для нее построили новое здание) и передать его тоже пединституту, единственному центру по подготовке учителей для сельских школ.

Ректора КГПИ профессора Закиева хорошо знали в республике, его уважали не только как руководителя почти национального вуза, но и как образованного, известного своими работами ученого, немало сделавшего для подъема престижа татарской филологической науки. Не случайно его избрали депутатом Верховного Совета ТАССР. Так филолог стал и политиком.

В начале 80-х профессор Мирфатых Закиев возглавил один из старейших научных центров Казани — Институт языка, литературы и истории КФАН СССР. Здесь были сосредоточены основные научные силы: исследователи татарской филологии и истории. Казань во все времена славилась своими учеными — математиками, физиками и химиками. Особое место занимали исследования по гуманитарным наукам: татарские ученые вносили свой вклад в развитие национальной культуры.

В 90-е годы вся научная активность профессора М. Закиева была посвящена распространению татарского языка, повышению его авторитета среди тюркоязычной интеллигенции, у себя в стране и в Турции, где стали часто собираться все, кто душой болел за развитие родных языков. Десятки научных и политических статей в период движения за национальную независимость Татарстана вышли из-под пера Мирфатыха. Он участвовал в разработке Закона о языке, о двуязычии, организовывал научные конференции по проблемам татарского языка, литературы и истории своего народа. Много можно рассказывать и о научных исследованиях профессора Закиева. О его успехах говорит, например, такой факт: он совместно с коллегами создал первую в тюркском мире трехтомную грамматику татарского языка. За этот огромный труд Закиев был удостоен звания лауреата Государственной премии РТ.

…Глухие звуки удара тяжелого молота по наковальне в памяти Мирфатыха все чаще сливаются с громом аплодисментов на международных конференциях, где он теперь участвует.

Словари

Я был увлеченным человеком. Когда работал в КГУ, ко мне обратились с предложением:

— Не хотите ли принять участие в составлении очень интересного словаря?

— Почему нет, — ответил я. — Если это интересно и нужно, согласен.

Это был арабско-татарский словарь заимствований. Хамзин не знал арабского языка, он был преподавателем татарского.

Начал составлять словари. Составлять начал с четырехязычного арабско-татарско-русского словаря заимствований. Персидских слов, заимствованных в татарский, две тысячи, поэтому он не попал в заголовок… Словарь вышел в свет в 1965 г., состоял из 48 печатных листов. В соавторстве…

Были составлены также тематические словари (напр., по физике — с Галеевым и др.).

…А впереди меня ждали очень серьезная карьера и интересная работа почти на целых 20 лет…

ГЛАВА 5
НА ПОСТУ МИНИСТРА ПРОСВЕЩЕНИЯ (1958—1976)

В 1961 г. состоялось мое интервью корреспонденту одной египетской газеты. Статью он так и назвал: «Легко ли стать министром?». Это был суданский писатель Абдуррахман, эмигрант в Египте.

С образованными кадрами в республике было трудно. Со столичным образованием людей было крайне мало. Демобилизованного офицера, преподающего арабский язык на кафедре татарского языка в Казанском госуниверситете, быстро приметили. И совершенно неожиданно поступило предложение… стать министром просвещения ТАССР.

Проблемы просвещения были для меня новыми. Я не только не учился толком в школе, но не имел педагогического образования. Да среднюю школу закончил в Азербайджане, в Шамхорской школе рабочей молодежи. Поэтому сразу начал учиться у своих подчиненных — заместителей, начальников отделов, инспекторов, потом пошел в школу, к директорам, учителям, сидел на уроках и слушал, слушал. Вскоре научился различать хорошие уроки от плохих, хороших учителей от серенъких, малокультурных. А таких в 50—70-е гг. было много.

Меня выручала высокая общетеоретическая подготовка, полученная в военном гуманитарном вузе, знания иностранных языков, литератур, истории и т. д. Кроме того, я имел и среднее техническое образование, в военных училищах стал авиационным техником, имел практический опыт работы на различных типах военных самолетов. До армии работал трактористом и комбайнером в МТС Самаркандской области, Узбекистана, как говорится, пахал, сеял, боронил… Все это помогало быстро ознакомиться с обстановкой и начать влиять на принятие решений.

Школы, программы, учебные планы, национальная школа с ее специфическими проблемами, нехватка учителей, помещений, аварийные школы не только на селе, но и в городах Татарии. А тут сразу попал «как кур во щи» в начавшуюся по

На юбилее Мансура Хасановича Хасанова (слева направо): М.И. Махмутов, Ф.А. Табеев, Ш.А.Мустаев, Д.М. Табеева, ... 2000 г.

инициативе Н.С. Хрущева реформу школы 1958 г. Москва собирала совещание за совещанием, на которых я тоже получал новые для себя знания и с энтузиазмом осваивал их… Закон о реформе заставлял крутиться, тем более что при Хрущеве все крутились, как, впрочем, и сам генсек.

Многому меня научила Д.С. Шакирзянова, прошедшая практику от секретаря Бугульминского райкома комсомола до зампреда Совмина ТАССР. Она хорошо знала всю систему партийного и государственного управления, и Ф.А.Табеев, зав. отделом науки и образования Татарского обкома партии, при мне сказал ей: «Учите молодого министра всему, что знаете сами».

Табеев *Фикрят Ахметжанович (р. 1928) — партийный, государственный деятель, дипломат, кандидат экономических наук (1955). В 1957—1979 гг. в Татарском обкоме КПСС: заведующий отделом науки, школ и культуры, секретарь по идеологии, 2-й секретарь (с 1959), 1-й секретарь (с 1960). В 1979—1986 гг. Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Демократической Республике Афганистан. В 1986—1990 гг. 1-й заместитель председателя СМ РСФСР, в 1992—1993 гг. председатель Федерального фонда имущества при ВС РСФСР. С 1995 г. главный советник холдинговой компании «Нефтек» (Москва). Депутат ВС СССР и ТАССР в 1989—1991 гг.*

Шакирзянова *Дайма Сулеймановна (1923—1990) — административный деятель. Заслуженный работник культуры РСФСР (1972). В 1943—1956 гг. на комсомольской работе в Казани. В 1956—1964 гг. заместитель председателя СМ ТАССР. В 1964—1984 гг. начальник Управления по охране государственных тайн в печати при СМ ТАССР. Депутат ВС ТАССР в 1955—1967 гг.*

С Фикрят Ахметжановичем мы сохранили дружеские отношения на многие годы, хотя встречались после его отъезда из Казани не часто. Помню последнюю встречу на юбилее Мансура Хасановича, она была очень теплой и дружеской.

Стать министром не просто, и человек один не может это сделать. Министром человека делает его окружение, люди, повседневно влияющие на него, они показывают, как надо решать те или иные социальные проблемы, как надо работать с подчиненными и вышестоящим начальством. Когда был министром, меня окружали замечательные люди. Они помогали мне формироваться как личность, они своим поведением, своими оценками жизни как бы советовали мне, как вести себя, как жить среди людей. С образованными, воспитанными людьми я всегда встречался с великим удовольствием. У них я не только учился, с ними я радовался жизни, несмотря на все ее проблемы. Подлецов было так мало, что о них и вспоминать не стоит. Кто же эти люди?

Это офицеры армии. Это чиновники московские и казанские, коллеги и начальники, это ученые — педагоги Академии педагогических наук и т. д. Это журналисты и артисты, в основном татарские. Встречи, беседы... Встречи с известными поэтами и писателями…

Чингиз Айтматов

Среди многих людей, с которыми свела меня судьба, я запоминал тех, которые были не такими, как все. Каждый оставлял в моей памяти свою особенность.

Не раз встречались с Ч. Айтматовым в Москве в гостинице «Москва». Помню, однажды он говорил о том, что очень трудно ему читать старые киргизские книги на арабском алфавите. Алфавит он выучил, но в старых текстах много арабских и персидских слов. Я был рад тому, что захватил с собой Словарь арабских и персидских заимствований в татарском языке (с переводом на русский). Тут же подарил ему, чем его очень обрадовал.

Встретились однажды и в ресторане «Савой», он пришел отдохнуть с одной красавицей. Мы с казанским хирургом Н.И.Чугуновым приехали в Москву: мне надо было делать операцию на кишечник.

В 1974 г. встречались с Чингизом и у него на даче под городом Фрунзе в Киргизии, сад, полный сирени десяти, кажется, сортов. На утро он мне нарезал большой букет, с которым я и явился пред очи своих коллег в гостиницу. У Айтматова мама татарка, отец киргиз, жена киргизка. Вторая жена тоже киргизка, но намного моложе его и очень красивая.

Встречались мы и у меня дома в Казани, когда в Татарстан приехала делегация работников культуры Киргизии. Встречались на Кипре, где мы вместе участвовали в работе Афро-Азиатской конференции солидарности, жили в Никосии в только что открытой гостинице «Хилтон».

Айтматов *Чингиз Торекулович (1928—2008) — русский и киргизский писатель, народный писатель (1968), академик АН (1974) Киргизской ССР. В 1990—1994 гг. посол СССР и РФ в Люксембурге, в 1994—2006 гг. посол Киргизии в странах Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург) и во Франции.*

В центре творчества писателя — проблемы взаимоотношений человека и общества. Мастер психологического портрета. Повести «Джамиля» (1958), «Белый пароход» (1970), романы «И дольше века длится день» (1980), «Плаха» (1987) получили мировую известность.

Бакый Урманче

Удивительно свойство памяти человеческой: она чаще хранит информацию о хороших людях, добрых делах, приятных встречах... Еще в пору моей преподавательской деятельности в Казанском государственном университете я слышал о художнике Бакый Урманче, на кафедре татарского языка знали его биографию. В разговорах о Бакый-ага я чувствовал какую-то настороженность людей при упоминании этого имени. Только потом до меня «дошло», что он был изгоем в своей стране, был и ссыльным, и заключенным, и под подозрением...

Познакомились мы с ним на поприще общественных дел. Работая министром просвещения Татарии, я много уделял внимания развитию татарских школ, переработке учебников литературы, истории с помощью молодых ученых-энтузиастов. Энтузиасты добились открытия памятника Г.Тукаю на площади Куйбышева, учителя и учащиеся татарских школ с помощью художников, на деньги, собранные за сданный металлолом, поставили перед своей школой памятники-бюсты Мусе Джалилю, Галимзяну Ибрагимову. После «оттепели» татарская интеллигенция немного осмелела и стала вытаскивать на свет божий имена своих героев.

...В тот летний солнечный день мы открывали памятник-бюст Галимзяну Ибрагимову. На фотографии мы стоим с Урманче рядом и режем лен-

точку. Памятник этот и сейчас стоит перед зданием средней школы № 26 в Ленинском районе. Тогда это была татарская школа, потом в ней открыли классы и с русским языком обучения, постепенно эти классы пополнялись не только за счет татарских, но и русских ребятишек. Через 15 лет это была уже русскоязычная школа. Так примерно русифицировались татарские школы и сужалось образовательное поле татарского языка.

В те времена не принято было ставить памятники национальным героям, тем более таким, как Г. Ибрагимов, замученный в застенках НКВД в 1937 г. Говорят, что больного писателя, жившего с одним легким в Крыму, привезли и поместили в сырой подвал на Черном озере. Далее изнурительные допросы, полуголодные дни, бессонные ночи...

Бакый-ага был автором этого памятника, бескорыстным, не получавшим ни копейки за свой труд. Он был подвижником, любил свой народ как-то по-своему, глубоко и искренне, «болел» за него, за своих современников и сегодняшнюю молодежь. Но говорил больше о современниках. Он часто заводил беседы об истории татар, об их культуре. Часто с какой-то печалью в голосе рассказывал об известных ему деятелях культуры, которые могли бы украшать нацию, но их творчество было прервано... Он хотел, чтобы люди знали, что в прошлом татары были носителями довольно развитой культуры. Он сидел в Соловках как националист. Учился в Москве в Художественной академии, знал многих именитых художников. В беседах рассказывал о них. Но никогда ни о ком он не сказал ни полслова плохого.

Для меня Бакый-ага казался неисчерпаемым кладезем мудрости и ума. Он помнил многих из 1920-х гг. Для нас, родившихся в 20-е гг., это была уже далекая история. Ее мы познавали из книг. А тут — живой свидетель событий, размышлений, борьба страстей... И беспристрастный, о ком бы он ни говорил.

Для меня он был живой историей носителей татарской культуры. Сам человек высокой культуры, дружелюбный и всегда с чуть насмешливой улыбочкой хитровато прищуренных глаз, он задавал вопросы «на засыпку» по современному положению в стране. И если я начинал рассказывать о своих впечатлениях от поездок в Париж, Каир, Тегеран, Индию или Японию, он слушал с удивительным интересом подростка… Только изредка прерывая рассказ вопросами в тех местах, где я описывал как бы скороговоркой. Он любил говорить об искусстве, истории и людях, с которыми пришлось ему общаться.

Часами мы беседовали на разные темы: история, литература, экономика, организация образования, искусство — все его живо интересовало. Говорил

он и о том, что пишет воспоминания, в которых есть подробности о жизни татарских медресе и их шакирдов.

О своей жизни в Казахстане Бакый-ага говорил с охотой, но о Соловках не любил распространяться, видно, не сладко пришлось живописцу в холодных краях севера России.

Столетие Бакый Урманче встречали без него самого. В сквере на улице Большой Красной теперь стоит бронзовый памятник великому сыну татарского народа, а в музеях посетители долго стоят перед его полотнами и скульптурами…

Урманче *Баки Идрисович (1897—1990) — живописец, скульптор, график. Народный художник ТАССР, РСФСР (1960, 1982), заслуженный художник РСФСР (1972). В 1929—1934 гг. был репрессирован, сослан в Соловецкие лагеря, в 1934—1941 гг. — в Москве, в 1941—1949 гг. находился в административной ссылке в Алма-Ате и Семипалатинске. С 1958 г. в Казани. Автор графических иллюстраций к произведениям известных поэтов, картин живописи, портретов деятелей татарской культуры. Работал над созданием архитектурно-мемориального комплекса Г.Тукая (с. Новый Кырлай, 1976). Награжден Государственной премией им. Г. Тукая (1967).*

Узбек Абдрахманович Биктимиров

Узбек Абдрахманович был моим большим другом. Его жена Амина Хусаиновна — удивительный доктор, человек с большим юмором от природы. Она лечила всех своих друзей и прибегала по первому зову. У нее и мама была с юмором. Мы убеждались в этом не раз во время наших праздничных застолий.

Узбек был директором МТС в Арском районе. Оттуда — зам. министра сельского хозяйства Татарии, в Казань. Потом стал министром. Правда, работал недолго: на этой должности всегда все были виноваты, кроме самой системы управления обкомом КПСС сельским хозяйством.

Биктимиров *Узбек Абдрахманович (1926—1997) — административно-хозяйственный работник. В 1952—1956 гг. агроном и директор Атнинской МТС. В 1957—1958 гг. первый заместитель, в 1959—1962 гг. министр сельского хозяйства ТАССР. В 1962—1964 гг. начальник Мензелинского территориального колхозно-совхозного управления. В 1964—1969 гг. директор Татарской республиканской сельскохозяйственной опытной станции, в 1969—1971 гг. Татарской НИИ сельского хозяйства. В 1971—1987 гг. заведующий кафедрой ботаники и кормопроизводства Казанского ветеринарного института. Автор работ по изучению рационального состава травосмесей и режима орошения лугов.*

Мансур Хасанович Хасанов

Один из заметных представителей татарской интеллигенции конца XX века. Умный, образованный, воспитанный, внешне очень симпатичный человек. Всю жизнь проработал на руководящей работе... Более 30-ти лет работал в обкоме партии сначала инструктором, потом зав. отделом науки и школы. Потом чуть ли не 15 лет — заместителем председателя Совета Министров Татарстана. С этой работы в период перестройки он перешел на пост президента только что созданной Академии наук Татарстана...

Родился Мансур Хасанов в небольшом татарском ауле Бегишево с маленькой восьмилетней школой. Вырос в ауле, работал с детства в колхозе. Женился на девушке, которая была в ауле не то медсестрой, не то врачом. Разыя оказалась мудрой женой. Воспитали двух хороших парней. Они росли у меня на глазах: несколько лет мы жили рядом на правительственной даче в Матюшино...

Учился в университете на татарской кафедре. Начал писать неплохие статьи по творчеству репрессированного в 30-е гг. татарского писателя Г. Ибрагимова. Потом взяли его инструктором в Обком партии.

Еще будучи в университете, Мансур защитил кандидатскую диссертацию по творчеству Г. Ибрагимова. Затем через несколько лет по той же теме стал доктором филологии, специалистом по татарской литературе. Хороший природный ум, отточенный трудом на руководящей работе в советских и партийных органах. Хорошо развито чувство ответственности, знает о чувстве долга. Самовоспитанием добился многого, выходец из бедной крестьянской семьи из аула Нижнекамского района. Любит свой язык, свою нацию, но прежде этого открыто старался не выражать, боялся. Выработал определенные принципы поведения и общения с людьми. Обладает чувством юмора. Уверен, что с начальством надо только дружить.

Маленький штрих. В престижном доме партийным работникам дали хорошую квартиру. До того мы жили рядом на даче, дружили семьями, у друзей собирались на вечеринки… Но было сказано, что лучше не показывать друзьям свою квартиру, опасались реакции живущих в трущобах (и без того на Ф. Табеева в ЦК КПСС жалобы писали). Ни разу никого не пригласил (думаю, что жена Разыя не велела).

Ныне работает президентом Академии наук Татарстана. За долгие годы выработал алгоритм работы в правительстве (30 лет!). Может поддерживать дружеские отношения с людьми, но себе на уме. С начальством всегда ладил. Усвоил критику вниз. Хорошо знает историю многих партийных и советских

В Академии наук РТ (слева направо): академики В.В.Лузгин, М.И.Махмутов, М.Х. Хасанов, Н.С.Ахметов, Р.А.Нугаев, Ф.Г.Хамидуллин

работников союзного, российского и татарстанского масштаба. Всегда испытывал влияние жены. Но в период реформ в круг нуворишей не вошел.

Имея большой опыт руководящей работы, управляет АНТ авторитарными методами. Ко мне лично всегда относился хорошо, все годы совместной работы в правительстве и в академии, как мне казалось, считался с моим мнением и поддерживал. Мы всегда с удовольствием вели неспешные беседы на разные темы.

И сегодня руководители разного уровня в основном выходцы из аулов, но многие потерявшие прежние нравственные ценности, которые были присущи таким, как Мансур Хасанов. Много «сереньких людишек» (М. Горький) заполнило руководящие кабинеты. И Мансуру тоже стало не просто решать свои академические вопросы, да и знакомые по прежней работе люди уже ушли на пенсию, а иные уж и в мир иной...

В целом Мансура отличает честность. Он не очень смелый, но очень осторожно и последовательно решает серьезные проблемы.

Жена еще работает, двое сыновей подарили ему несколько внуков. Семья состоялась, и Мансур оказался хорошим семьянином.

Хасанов *Мансур Хасанович (1930—2010) — литературовед, доктор филологических наук (1971), профессор (1974), государственный деятель, действительный член АН РТ (1992), заслуженный деятель науки РТ (1995). В 1958—1976 гг. преподавал*

в Казанском университете. В 1961—1971 гг. заведующий отделами культуры, науки и учебных заведений Татарского обкома КПСС. В 1971—1983 гг. заместитель председателя, в 1984—1992 гг. первый заместитель председателя Совета Министров ТАССР (с 1991 — КМ РТ). Организатор и первый президент Академии наук РТ (1992—2006). Одновременно в 1992—2010 гг. директор Института Татарской энциклопедии АН РТ. Труды по методологии литературоведения, истории татарской литературы, о творчестве Г. Тукая, Г. Ибрагимова, Ф. Амирхана, Г. Исхаки и др.

Халяф Мирзамухаметович Низамов

Это пример руководителя новой формации. Был секретарем сельского райкома КПСС, старался дружить с президентом М. Шаймиевым, тогда секретарем обкома партии. В обком партии взяли его совсем деревенским парнем, боязливо-застенчивым и страстно мечтавшим зажить городской жизнью...

Пришла пора «демократизации». Став руководителем аппарата президента РТ, возомнил себя «пупом земли». Низкого роста, обильная дармовая калорийная пища сделала его квадратным. Не руку для пожатия, а два пальца подавал степенно, вяло, снисходительно. Даже по телефону к себе не допускал простых людей, даже знакомых, даже тех, к кому он совсем недавно относился вроде бы с уважением. А менталитет остался прежним, рабским.

Прошли годы. Активно участвовал в приватизации, в распределении акций «Татнефти», «КамАЗа» и других индустриальных гигантов. Беспрекословно исполнял волю начальника, даже называя его «хозяин».

Во время избрания председателя Госсовета не сумел добиться беспрекословной поддержки главами районных администраций, депутатами Госсовета Ф. Мухаметшина, кандидатуры президента на пост спикера Госсовета РТ. Президент разгневался на выдвижение альтернативной кандидатуры! (Алтынбаева из Челнов.) Демократия?! Халяф Низамов, уже успевший накопить некоторые богатства, как «халиф на час» полетел с работы. А ведь неплохой был вначале человек, но не выдержал испытания властью и богатством.

***Низамов** Халяф Мирзамухаметович (1941—2013) — партийный, административный работник. В 1968—1985 гг. секретарь Актанышского райкома КПСС. В 1985—1989 гг. заведующий организационно-инструкторским отделом СМ ТАССР, в 1989—1990 гг. — Татарского обкома КПСС. В 1990—1991 гг. секретарь Президиума ВС ТССР. В 1991—1998 гг. руководитель аппарата президента РТ. Депутат ВС РТ в 1985—1995 гг.*

Мой сын Искандер

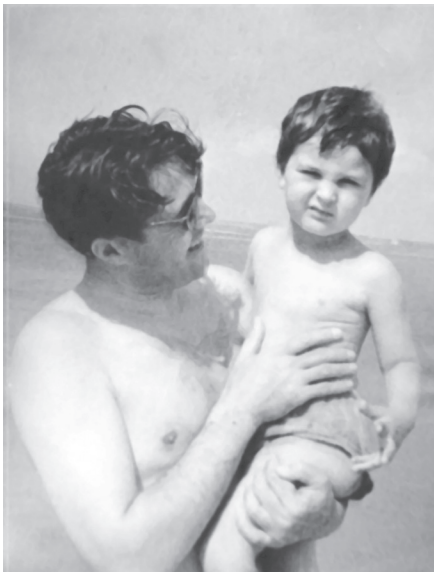
Радостным событием для меня было рождение сына. Я ждал этого дня семь лет после рождения девочки, моей маленькой Ляйлюки. Родился в Казани в роддоме на улице Волкова в 5 часов утра 29 ноября 1961 г. (5 кг весом, 52 см «ростом»).

Была снежная зима. Я позвонил своему другу У. Биктимирову.

…Узбек Абдрахманович не только поздравил меня, но и через полчаса уже был у дверей моей квартиры, об этом известил меня звонок в дверь. Мы, конечно, сели сразу за бутылку коньяка (он стоил тогда 4 руб.). Днем пришел еще полковник авиации Исмагил Кадыров с Мунаваром Закировичем Тутаевым. Они принесли пластинку с песней «Лишь бы был мой сын хороший человек».

Сына назвали Искандером. Это звучное восточное имя мне нравилось, оно было овеяно легендами восточных поэм и в татарских семьях не было редкостью.

Мне после рождения сына дали трехкомнатную квартиру в том же доме на Маяковского. Это была еще одна радость для нас.

С сыном Искандером на Волге в Боровом Матюшино

У здания обкома КПСС с сыном Искандером, 1 мая 1972 г.

Любимое занятие — шахматы. С дочерью Ляйлей и сыном Искандером

Мой сын Искандер моложе своей сестры Ляйли на семь лет. В детстве был очень смазливым светлокудрым ребенком. Жена композитора Н. Жиганова называла его «королевский ребенок». Нам с женой это льстило, конечно.

Редкие часы отдыха с мамой и детьми

Начал учиться он в школе № 18 (с английским языком). Потом перевели в № 131 (математическая школа). Учился мой сын неважно, не хотел. Окончил школу с «тройками», еле поступил в вуз. Окончил Казанский университет, по кафедре научного коммунизма, как раз перед перестройкой. Тогда кому был нужен диплом партийного пропагандиста?

Со временем Искандер изменился, особенно изменился его характер после армии. После шести месяцев «учебки» в г. Котовске на Украине он отслужил полтора года в ракетных частях в латвийских лесах. Я ездил туда к нему, посмотреть и морально поддержать сына.

Искандер женился очень рано. Наташа была красивая девушка на пару лет старше Искандера. Он влюбился, а она нет. Но родился наш первый внук Рустем. Мы все были очень рады. Однако прожили они недолго…

Рост Искандера под два метра. Не разговорчив. Красив как бог. Женщины не давали ему житья и немного попортили привычки Искандера... Кажется, успокоился после 35 лет. Выпивает с юных лет, не досмотрели мы — родители. Все время живу с чувством вины. Это беда моя и матери, и его и второй жены, Светланы...

Как и многие, Искандер оказался без работы. Сначала с женой Светой занялись шитьем, шили джинсы и юбки. Работали чуть ли не круглые сутки, увлеченно и дружно. Дела шли на лад, и парень купил «Москвич».

Потом шитье отступило на задний план, товары кустарного производства не выдерживали конкуренции с джинсами, которые пошли потоком из-за границы. Парень начал осваивать рыночные отношения. Был «челноком», стал индивидуальным предпринимателем. На семью хватает, на большее нет. Истрепав свой «Москвич», он с помощью друзей съездил в США и купил там японский джип «Исузу». Искандер около месяца был в Штатах у сестры. Посмотрел Вашингтон. Но ничего себе не подыскал для работы. Потом он еще раз летал туда, но уже на несколько дней, чтобы купить добротный автомобиль.

Машина хорошая. На ней Искандер из Москвы товар возит и развозит его по городам Татарстана.

После того как я женился на Диляре, я оставил Искандеру свою шикарную по тем временам четырехкомнатную квартиру на улице Горького, а сам переехал к Диляре на ул. Достоевского. Он ее года два ремонтировал, получилось очень хорошо. Но счастлив ли сын мой? Жена его не очень довольна жизнью. Иногда добрый, иногда внимательный, но часто молчаливый и замкнутый. Если попросишь, может в чем-то помочь, не попросишь, звонка не дождешься.

В характере устойчивая индифферентность ко всему. То ли поколение новое такое, то ли у него сломался характер и он потерял интерес ко всему, что нас окружает: ни книги, ни театр, ни музыка, ничто его не увлекает... Мы все годы воюем с ним, пытаясь оторвать его от зеленого змия. Успехами похвастаться не можем, слишком далеко зашло, да и сам Искандер не очень вдумывается, в какую беду он попал. Вот уж в январе 2000 г. укол сделали, месяц как не пьет. Помоги ему Аллах осознать важность этого дела, может быть, он образумится и отойдет…

Света, вторая жена Искандера, дочь полковника советской армии А.М. Зотова, родом из-под Тетюш, с. Нармонка. Света родилась в Лейпциге (ГДР). Высокого роста, красивая, добрая, хорошая хозяйка, терпеливая и настойчивая, но совсем необразованная, хотя и закончила КГУ, юрфак.

Колхозы

В 1960-е гг. не только я, но и многие министры часто ездили по районам Татарии. Я лично осматривал школы, думая об их приспособленности к занятиям. Встречался с учителями, директорами школ, председателями колхозов и, конечно, знакомился с родителями, которые всегда задавали много вопросов по образованию, возможности получить ребятам высшее в городе, если оканчивали свою татарскую...

Тогда председатели больше, чем сейчас, заботились о школе, и не бескорыстно. Как-то в одной из татарских школ сидели мы на уроке с председателем колхоза. Учительница одного за другим вызывала учащихся к доске. Все хорошо отвечали, и мое настроение было приподнятым — я любил хорошо знавших предмет учителей и старательных учащихся. Но председатель мой становился все грустней и грустней. Я потом спросил его: «В чем дело?» «А дело, — сказал, хитро улыбаясь, председатель, — очень простое: те ребята, которые хорошо учатся, все уедут в город поступать в техникумы и институты. А работать в колхозе и так некому. Наверняка, останутся те, кто получает тройки и двойки. Это наши кадры».

Запомнился другой случай. Приехал я в большой аул Изгар Чистопольского района. Был осенний дождливый вечер. Председателя колхоза, к которому я приехал, чтобы договориться о строительстве школы «на паях» (половину средств вносит министерство, вторую половину — колхоз) не оказалось дома. С директором местной школы мы все вроде обговорили. Ждал, пождал и решил вернуться в Чистополь. По дороге недалеко от аула был крутой спуск. На этот раз он был как намыленный размокшей на дожде

желтовато-бурой глиной. Шофер у меня опытный молодой парень, и я не сомневался, что мы выедем.

Начали уже спускаться вниз на своей «М-72» , была такая машина — вездеход на шасси автомобиля «Победа», как вдруг из-за поворота выезжает другая машина. Не вездеход, конечно, буксует и не может подняться. Мы немного подождали и решили выручать встречных, надо было помочь вытащить машину. Прицепили и вытащили. Из нее вышел человек, чтобы поблагодарить нас за помощь. Оказалось, сам председатель колхоза. Пока мы возились на дороге, стемнело, и он предложил нам заночевать у него. Тогда ведь не было современных дорог, а любая проселочная после дождя представляла опасность.

Гостеприимная хозяйка предложила нам поужинать, и все вопросы мы, конечно, обговорили, как смеялись, за рюмкой чая. Но сначала хозяин принес и поставил на стол две бутылки: одну — водки и вторую — шампанское. Я тогда первый раз увидел, как ловко деревенские люди открывают шампанское. Хозяин взял обычное шило и проткнул пробку. С тихим шипением он стравил давление в бутылке и спокойно откупорил ее. Потом так же спокойно разлил водку и разбавил его шампанским. Мол, знай наших!

Хозяйка принесла и поставила на стол большое блюдо, «табак», от которого шел пар очищенной вареной картошки, а на груде картофеля лежала сваренная на картофельном пару курица. То ли мы проголодались, то ли я действительно такого вкусного блюда прежде не пробовал...

В работу министра входит все, что связано с жизнью и деятельностью системы образования, ее учеников, родителей, учителей, руководителей и т.д. Если не проявлять инициативы и не трудиться, то ничего не меняется. А там, где ничего не меняется, там застой и угасание всякого желания работать. Поэтому я занимался и питанием детей-сирот в детдомах, и школьными завтраками, и фондом всеобуча. Жили бедно. Фонд всеобуча помогал втянуть в школу детей, которым не в чем было ходить в школу. Как-то пришла ко мне на прием директор школы Казани.

— Объясните мне, — начала она разговор, — как я должна поступить, если две девочки совсем разутые и раздетые, не в чем ходить им в школу. Но у нас кончился фонд всеобуча.

— Так в чем же дело?

— Не могли бы вы помочь?

— А кто эти дети и их родители? — спросил я.

— Это тоже вопрос, с которым решила прийти к вам. Родители — это дети Василия Сталина. Они здесь, в нашем микрорайоне.

Я знал, что сын Сталина сослан в Казань и общение с ним находится под наблюдением КГБ.

— Для нас, я думаю, — сказал я, — нет разницы, кто родители. Важно, что дети нуждаются в помощи.

— Так, вы выделите нам дополнительно денег?

— Конечно, выделим.

***Сталин** (Джугашвили) Василий Иосифович (1921—1962) — генерал-лейтенант авиации (1949), сын И.В.Сталина. Участник Великой Отечественной войны. В 1946—1947 гг. в Группе советских войск в Германии. В 1947—1948 гг. помощник, в 1948—1952 гг. командующий военно-воздушными силами Московского ВО. В апреле 1953 г. был арестован по обвинению в злоупотреблении служебным положением и антисоветской агитации. В 1961 г. сослан в Казань.*

Другой случай. В Заинском районе три семьи не отпускают детей в школу. Комиссия не могла убедить родителей. Директор ничего поделать не может. Председатель РИК просил меня приехать, побеседовать. Так уж было: трахома или баптисты — мы, члены правительства, ехали разбираться.

Это были баптисты из крещеных татар. Убеждены, что школа отвращает от Бога, воспитывает атеистов. Так оно, конечно, и было.

Говоря то на русском языке, то на татарском, еле убедил родителей послать детей в школу.

Многочисленные письма в адрес ЦК КПСС о вымирании татарской школы и языка вынудили посмотреть на положение более серьезно. Комиссия ЦК ознакомилась в Казани с положением дел. Возглавлял ее зам. зав. отделом науки и учебных заведений Дербенев Василий Никитич, который провел целый ряд совещаний, пытаясь вникнуть в суть дела. Я в это время преподавал арабский и татарский языки в Казанском университете и принял активное участие в обсуждении проблемы на собраниях общественности.

В.Н. Дербенев понял, что ситуация критическая в национальном вопросе и согласился с мнением первого секретаря обкома партии С.Д. Игнатьева. Он поддержал местную власть о проведении пленума обкома партии. В Казани большую активность проявил К.Ф. Фасеев, тогда секретарь обкома по идеологии (Камиль Фасеев. Вспоминая прошедшее. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1999). Он же делал доклад на пленуме. Пленум решил, что надо спасать татарскую школу. Была резкая критика в адрес Татминпроса, министра А.Г. Валиуллиной и руководителей местной власти.

Но в решении было сказано, что татарин должен учить своих детей в татарской школе. Этого было достаточно, чтобы пошли письма от недовольных, которые старались учить детей в русской школе, где были лучше

учителя, здания, учебники и т. д., в школе, которая открывала дорогу в вуз. С этими письмами бывший первый секретарь Татарского обкома партии Муратов Зиннат Ибятович, который в национальных вопросах считал себя специалистом и был правоверне самого Мухаммада, пришел в ЦК КПСС и сказал, что С.Д. Игнатьев нарушает принцип партии на свободу выбора языка обучения, нарушает «демократию».

Игнатьев *Семен Денисович (1904—1983) — партийный и государственный деятель. В 1951—1953 гг. министр Государственной безопасности СССР, секретарь ЦК КПСС. В 1953—1957 гг. 1-й секретарь Башкирского, в 1957—1960 гг. — Татарского обкомов КПСС.*

Фасеев *Камиль Фатыхович (1919—2005) — государственный деятель, философ, доктор философских наук (1972), профессор (1973). Заслуженный деятель науки ТАССР (1979). В 1957—1959 гг. секретарь Татарского обкома КПСС. В 1959—1960 гг. председатель Президиума ВС ТАССР. В 1960—1963 гг. директор Института языка, литературы и истории КФАН СССР. В 1963—1991 гг. преподавал в Казанском университете (до 1979 г. заведующий кафедрой научного коммунизма).*

Муратов *Зиннат Ибятович (1905—1988) — партийный деятель. С 1933 г. на партийной работе в политуправлении Наркомата путей сообщения СССР. В 1943 г. секретарь, в 1944—1957 гг. 1-й секретарь Татарского обкома КПСС. В 1957—1960 гг. в аппарате ЦК КПСС. Член ЦК КПСС (с 1952). Член Президиума ВС СССР.*

ЦК КПСС дал указание отменить решение Татарского обкома партии о защите татарской школы. Нажим на татарскую школу в смысле ее перевода на русский язык обучения ускорился. Особенно после двух событий. Будучи на Кольском полуострове Хрущев узнал, что там есть школы с карельским языком обучения. «Столько лет советской власти и не могут усвоить русский язык. Пора уж всем учиться на русском», — сказал генеральный. Этого было достаточно для партократов и руководителей минпроса России, чтобы серьезно приняться за ликвидацию нерусских школ. Второй случай был в Киеве, там Хрущев выразил недовольство тем, что обучение в вузах идет и на украинском языке.

Хрущев *Никита Сергеевич (1894—1971) — партийный и государственный деятель, первый секретарь ЦК КПСС в 1953—1964 гг., председатель Совета Министров СССР в 1958—1964 гг. В 1938—1949 гг. первый секретарь ЦК ВКП(б) Украины, одновременно в 1944—1947 гг. председатель Совета Министров Украинской ССР. В 1949—1954 гг. первый секретарь Московского областного и городского комитета и секретарь ЦК КПСС. После смерти И.В. Сталина вышел с резкой критикой*

«культа личности». Годы его правления называют «оттепелью» из-за снижения политических репрессий в стране. В 1964 г. на пленуме ЦК был освобожден от всех своих должностей.

Сила «диктатуры пролетариата» была велика: первое партийное «лицо» могло решить судьбу любого неугодного ему подчиненного лица, хотя все решалось «коллегиально» на бюро обкома или ЦК КПСС, где с самого начала традиционно царила военная дисциплина. Поэтому всюду процветали лесть и угодничество, задавленные годами гордость и достоинство были не в почете и чести у начальников («Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак», — говорили сами партократы в кулуарах ЦК).

Опасаясь гнева всесильных партийных начальников, руководители национальных республик, школ и национального образования стали стараться. На Северном Кавказе и в Дагестане не осталось ни одной национальной школы. Там на русский язык перевели с первого класса, открыв для нерусских детей подготовительные классы, где их на родном языке готовили к обучению на русском. Как же меня уважали все министры кавказских республик за то, что я в Москве на совещаниях с трибуны доказывал право татар учиться на родном языке, отстаивал интересы своей татарской школы!

Но перевод татарской школы на русский язык быстро шел в областях России, вне Татарстана, где вообще некому было защитить ее интересы. У меня испортились отношения со многими заведующими областными отделами народного образования России. Особенно с Семыкиным в Оренбурге, где до Великой Отечественной войны было много татарских школ и где сразу все их перевели с 5 класса на русский язык обучения. Почти не защищенная властями на местах, татарская школа постепенно русифицировалась: местные органы образования присылали туда учебники на русском языке, русских учителей и ставили русских же директоров.

Татарская средняя школа была сохранена только в итоге борьбы с линией партократов на русификацию. В качестве примера можно указать на одно из «мероприятий» Минпроса РСФСР, проводившихся с целью перевода национальных школ на русский язык обучения.

Конференция в Уфе в 1962 г. была задумана Минпросом РСФСР как мероприятие по ликвидации двух самых сильных национальных школ, татарской и башкирской, которые учили на родном до 10 класса, лишь в части школ отдельные предметы преподавались на русском языке. Мне была известна программа Минпроса по русификации национальной школы. Перед конференцией в Уфе я беседовал с заместителем министра М.П. Кашиным,

которого хорошо знал как русофила, сторонника ликвидации нерусских школ. От него же я узнал, что ему дана установка на перевод татарской и башкирской школы на русский язык с 5 класса. Да и конференцию наметили в Уфе, а не в Казани, помня попытку татар защитить свою школу и решения пленума татарского обкома КПСС 1958 г.

На конференцию были приглашены все министры национальных республик. Но «легальных» союзников себе среди них я не мог найти — все они давно подняли руки вверх. Единственно, кто мог поддержать меня здесь, был известный поэт Мустай Карим. Мы с ним долго сидели за чашкой чая, обсуждая, как нам сказать, что нельзя татарскую и башкирскую школу просто так ликвидировать. Говорили и с министром просвещения Башкирии Фатымой Мустафиной, которая вроде как бы соглашалась с нами, но...

Карим *Мустай Сафич (1919—2005) — народный поэт Башкирской АССР (1963), писатель, драматург, Герой Социалистического Труда (1979), почетный академик АН Республики Башкортостан (1992). Произведения посвящены гражданской, Великой Отечественной войнам; философскому размышлению о жизни. Его книги переведены на многие языки народов России и мира. Среди популярных произведений «В ночь лунного затмения» (1963), «Салават» (1971), «Долгое-долгое детство» (1976) и др.*

В докладе зам. министра просвещения РСФСР М.П. Кашина речь шла о том, что великий могучий русский язык стал доступен для миллионов нерусских. Благодаря этому они подняли свою культуру и т. д. М.П. Кашин говорил, что армия нуждается в пополнении, знающем русский и могущем легко овладеть современной военной техникой. Докладчик больше нажимал на идею «единого советского народа», провозглашенную как стратегическая линия партии на развитие советского общества. Против стратегии партии никто никогда не возражал, особенно нерусские, помнящие, что такое «националист».

В Башкирском обкоме партии не стали рисковать и спорить с чиновником из Москвы по вопросу о школе, они знали и об отмене решения пленума Татарского обкома. Ф. Мустафиной дали установку на согласие на снижение уровня башкирской школы до 5 класса, введения обучения естественных предметов в 5—8 классах на русском. Получив «ЦУ» в обкоме, Ф. Мустафина в своем докладе стала доказывать, что башкиры давно готовы к переходу на русский язык обучения.

Свое выступление я в основном посвятил истории татарской средней школы, которая начиналась не с октября 1917 г., как башкирская или карачаевская, а много веков назад; татары имели учебники по всем предметам,

богатую методическую литературу еще до революции и у них была большая традиция национального образования. По уровню образования они и до Октября шли впереди многих националов и т. д. По уровню грамотности татарское население не уступало русскому. Поэтому сохранение татарской средней школы является достижением и советского периода и т. д.

Выступление писателя Мустая Карима было логичным и убедительным. «Кто же будет читать наши книги?» — прозвучал вопрос известного в стране нерусского поэта. Эти два выступления испортили «всю кашу», как сказал мне «доверительно» сам Кашин.

Эта конференция сыграла определенную роль в спасении татарской средней школы, она дожила до «перестройки» и быстро стала подниматься с колен на ноги…

Суть реформы школы — преобразования под флагом научно-технической революции. 1950-е гг. все еще несли на себе тяжесть последствий войны как в материальном, так и в моральном отношении. Восстановительный период затянулся до середины 1950-х гг., по существу, школа продвинулась вперед только по строительству зданий. До конца 50-х гг. попытки обновления педсостава, учебных планов, программ и учебников не имели большого успеха. Объявленный в 1937 г. семилетний всеобуч к концу 50-х был выполнен лишь на 30%. Об этом было сказано в докладе Н.С. Хрущева, с большим энтузиазмом взявшимся за реформу школы и образования. Надо сказать, что война ударила и по нравственному поведению молодежи, дисциплине труда и вообще по человеческим взаимоотношениям и культуре народа в целом. Однако начавшаяся на Западе научно-техническая революция торопила: в соревновании с капитализмом советская страна могла проиграть, если систему образования вовремя не реформировать и не поднять общий уровень образования всего населения.

Не без трудностей шла работа по строительству школ-интернатов в Казани. Запомнился скандал с председателем Горисполкома П.Д. Тунаковым по строительству татарской школы-интерната № 10, теперь — татарско-турецкого лицея № 1 Казани.

Помню, ухудшились отношения с ректором КГУ М.Т. Нужиным (которого я очень уважал) из-за того, что он не поддерживал татарские школы и не принимал их выпускников.

Министерство вышло с инициативой предоставления льгот для выпускников сельских татарских школ при поступлении в казанские вузы, которая впоследствии была закреплена решением ОК партии. Если к концу 1950-х гг. в вузах ТАССР обучалось 27% татар, то в начале 1970-х — 43%.

С коллегой Ш.М.Гайнутдиновым (Шайхинур-абый)

Наблюдалось увеличение числа выпускников татарских школ, поступающих в средние и высшие учебные заведения...

В эти годы я много общался с Шайхинур Мухамматдиновичем Гайнутдиновым, который 15 лет проработал в Сармановском районном отделе образования (1956—1971), который позже стал заслуженным педагогом Республики Татарстан и работал до выхода на пенсию учителем педагогики и психологии Арского педагогического колледжа. Мы звали его Шайхинур-абы.

Запись выступления заслуженного учителя Татарстана
Ш.М. Гайнутдинова на Махмутовских чтениях
16 мая 2008 года

Академик М.И. Махмутов — легендарный патриот своей нации

44 года тому назад, в 1964 году, когда я работал заведующим отделом образования Сармановского района, министр образования Мирза Исмаилович приехал к нам провести августовскую конференцию преподавателей. В течение 12 дней он посещал школы нашего района.

Времена Н.С. Хрущева. Проводится русификация. К коренным татарским районам присоединяются русские. Сармановский район объединили с Муслюмовским, добавили еще несколько сел Заинского района (Сармашбаш, Верхний Налим и др.). Школы в этих деревнях находились в полуразрушенном состоянии. Сначала мы с министром посетили именно эти деревни. Показав эти развалины, я попросил выделить денежные средства для строительства новой школы. Вторая моя просьба была весьма щепетильной. Я предложил преобразовать среднюю школу в Федоровке в русскую школу и пригласить туда дополнительно четырех преподавателей: учителя русского языка и литературы, физики-математики, химии-биологии и истории-географии, аргументируя это тем, что выпускники татарских школ плохо знают русский язык и по этой причине не могут поступать в вузы. И даже если поступили, максимальная оценка по русскому языку у них — «3», и, естественно, они не могут получить стипендию, и дальнейшее обучение доставляет им массу трудностей. ...Переговорив и обсудив детали с председателем сельского Совета товарищем Ивановым и председателем колхоза товарищем Хуснимухаметовым, министр для строительства средней школы в деревне Сармашбаш выделил 200 тысяч денег. А строительство школы в Федоровке председатель колхоза имени Чапаева взял на себя. (Заранее скажу, что новый учебный год мы начали уже в новых школах.)

Во время обеда Мирза Исмаилович поделился своими мыслями. Он начал так: «Товарищ Гайнутдинов, с помощью колхозов и совхозов района вы начали строительство школ, интернатов, детских садов, квартир для учителей. Эта инициатива похвальна и заслуживает поощрения. Я выделю денег для строительства школы в деревне Сармашбаш. Школу в деревне Федоровка построит колхоз. Но ваш второй вопрос по поводу преобразования татарской школы в русскую вызывает у меня опасения. Вы подумали о нашей нации, о нашем народе? Татарский народ идет к гибели. Мы сами говорим, что при социализме каждый народ должен процветать, но сами же и не вдумываемся в эти слова. В Казани осталась всего лишь одна татарская школа (имени Г. Ибрагимова). Родители не хотят, чтобы их дети получали знания на родном языке, так как в вузах обучение идет только на русском. Татарский язык все менее активен в жизни, а татарский народ все более становится зажатым. По приезде в Сарманово мы были в бюро КПСС РК. Все 9 человек членов бюро — татары. Один секретарь, товарищ М.К. Мамаков — крещеный татарин. И никто из них не разговаривает по-татарски. Все, имея достаточно скудный лексикон русского языка, с трудом, но говорят по-русски. Этот факт доказывает, что наш родной

язык подвергается притеснениям, и этим мы подписываем смертный приговор и нашему народу. А вы хотите закрыть еще одну татарскую школу и открыть русскую. Сегодня нам, наоборот, необходимо открывать татарские школы в районных центрах, в Казани и повышать качество обучения русскому языку в этих школах. Я постараюсь помочь вашим школам компетентными и надежными кадрами».

За 12 дней Мирза Исмаилович посетил много школ. Он ознакомился с качеством образования в таких передовых школах, как Азалаковская средняя школа (директор Я.Ш. Кормашев), он также побывал в квартирах учителей. Узнав, что в Азалаковскую среднюю школу и в квартиры учителей провели газ из Альметьевска, который находится в 74 километрах от деревни, выразил благодарность председателю колхоза «1 мая» В.И. Рамазанову и директору школы Я.Ш. Кормашеву и сказал, что этот поступок достоин звания «Отличник народного образования РСФСР».

25 августа началась конференция. На этой конференции было одно новшество: министр прочел свой полуторачасовой доклад на татарском языке. Все учителя района были приятно удивлены этим, так как во всех мероприятиях до этого использовался исключительно русский язык. Министр также попросил, чтобы я и все остальные докладчики выступали на родном языке. А в своем докладе он особо акцентировал внимание на том, что основательные и глубокие знания ребенок может получить только на родном языке, а не на переводе. Поэтому, чтобы добиться успеха, нам необходимо в школах повысить качество преподавания русского и татарского языков.

Во время конференции возникла одна щекотливая ситуация. Когда Мирза Исмаилович начал свой доклад на родном языке, зал слушал его, затаив дыхание. Но… но спустя минут 15—20 прозвучал женский голос: «Товарищ министр, говорите по-русски! Мне не понятно, о чем вы говорите…» (Это была учительница биологии Сармановской средней школы М.Ф. Мамакова — жена первого секретаря КПСС РК.) Министр учтиво ответил ей на русском языке: «Извините… Большинство населения Сармановского района составляют татары и большинство учителей, собравшихся сегодня в этом зале на конференцию, — татары, поэтому я продолжу свое выступление на татарском языке, а вам, я уверен, ваши же коллеги переведут мое выступление на русский язык» — и продолжил свое выступление на татарском языке. Зал слушал его в тишине. После того как он закончил, прозвучали громкие аплодисменты. Все задавали свои вопросы на родном языке, министр также любезно отвечал всем на татарском языке.

Через год наш министр М.И. Махмутов в Альметьевске провел специальную конференцию, которая называлась «Проблемы улучшения качества преподавания татарского языка и литературы». В большом зале «Дома техников» Альметьевска собрались учителя татарского языка и литературы со всего Советского Союза. За огромное внимание к родному языку делегаты, которые были приглашены из Сахалина, Камчатки, Нижнего Новгорода, Рязани, выразили М.И. Махмутову особую благодарность, ярко акцентировалось то, что он выдающийся патриот своей нации.

Времена менялись… М.И. Махмутов прославился воплощением в жизнь теории и практики проблемного обучения, стал академиком. Школы Татарстана, благодаря его деятельности, добились признания во всесоюзном масштабе.

Но он, как министр образования Татарстана, в период, когда ЦК КПСС занимался посредством русификации созданием прообраза «советского человека», стремился сделать все возможное для сохранения татарского народа. Например, он не мог сердцем «принять» сокращения татарских школ или их преобразования в русские. Но как член КПСС он был вынужден выполнять поручения и указания ЦК КПСС. Приведу лишь один пример: в 1965 году в Сарманово и Муслюмово, то есть в коренные татарские районы республики, приехала московская комиссия ЦК КПСС и начала работу по преобразованию школ. Комиссия указала, что основные предметы в школе (физика, математика, химия, биология, история, география) должны преподаваться на русском языке. М.И. Махмутов вел сложную борьбу с членами комиссии, однако решением обкома партии Татарии было принято, что основные предметы в школах нашего района должны преподаваться на русском языке.

Под руководством Жиганова приехали 3 секретаря обкомов и дали указание, что мы должны перейти на русскоязычное обучение уже с начала нового учебного года. С одной стороны Жиганов — секретарь по идеологии Мордовской АССР, Кузнецов и еще один секретарь по идеологии, сейчас уже, к сожалению, забыл, кто именно, а с другой стороны те, кто против этой идеи: я, секретарь по идеологии Сармановского района Р.Ш. Шайхалиев, председатель райисполкома Г.Ш. Валиев и директора всех школ района. Мы были против, так как школьники плохо знали русский язык и учителей, которые могли бы вести предметы на русском языке, у нас не было. Председатель комиссии Жиганов был непреклонен и даже сказал: «Мы вас заставим. В Мордовской АССР уже давно все предметы преподаем на русском языке». Я позвонил М.И. Махмутову. Он посоветовал мне не беспокоиться,

объяснил, что выполнить их указания в районе, где абсолютное большинство населения составляют татары, невозможно, и пообещал защищать нас в бюро обкома КПСС. «В Мордовии эта практика хорошо осуществилась, так как там нет единого мордовского языка. Там проживают две разные народности: эрзя и мокша. Друг друга они не понимают и для общения им необходим русский язык. Мордовская АССР и Татарская АССР — это не одно и то же. У нас есть родной татарский язык, и он един для каждого из нас. Мы не только понимаем друг друга, наш язык также понятен и башкирам, и узбекам, и казахам, так как татарский язык является тюркским языком. Сарманово и Муслюмово — исконно татарские районы. Для того чтобы вести обучение полностью на русском языке у нас нет условий. Отстаивайте свою позицию», — сказал министр.

Члены комиссии и мы (заведующий роно и наши инспекторы), посетив уроки биологии в Сармановской средней школе, которые велись на русском языке, остались довольны. Также, побывав на уроках химии Мунибы Кашафовны Хусаиновой, математики Хужа Таземдиновича Таземдинова, физики Махмута Газдаловича Газдалова, истории Миргазата Хусаиновича Гарипова, которые прошли на татарском языке, были в восторге. Но 3 члена комиссии ничего не поняли. В течение 5 дней комиссия посещала школы в деревнях Азалаково, Минзялябаш, Старый Кашир, Нуркай, Салкын Алан, и каждый раз был один и тот же результат. Но, несмотря на это, члены комиссии поручили с нового учебного года преподавать основные предметы (физику, математику, химию, биологию) на русском языке. В период летних каникул учителя-предметники должны были пройти курсы повышения квалификации, то есть за 1 месяц научиться вести предметы на русском языке. Мы пытались доказать, что в наших условиях это невозможно. Но члены комиссии ЦК КПСС пригласили нас на заседание бюро обкома и вскоре уехали. Через 3 дня мы были вызваны в бюро. Мы планировали приехать пораньше и до заседания посоветоваться с министром. Но в министерстве нас встретил наш шеф-инспектор товарищ Миннулла Гиниятович Сибгатуллин. Он поделился с нами новостью. «Заседание обкома КПСС прошло вчера. На заседании бюро министр выступил против решения комиссии. Во время настойчивого спора с Жигановым у Мирзы Исмаиловича стало плохо с сердцем. Его увезли на скорой в больницу. Он болен. Не беспокойте его. Сейчас идите в обком, к заведующему отделом школ товарищу Ибрагимову. Он вручит вам постановление заседания бюро. Заранее поздравляю вас с победой. В постановлении указано, что в Сармановском районе перейти на русскоязычное обучение возможно только тогда, когда будут необходимые условия для этого», — сказал он и пожелал нам дальнейших успехов в работе.

Товарищ Ибрагимов встретил нас с недовольным выражением лица, вручил нам постановление и сказал: «На русскоязычное обучение перейдете не со следующего года, а после того как создадите для этого необходимые условия». Он и не упомянул о болезни министра.

Мирза Исмаилович выздоровел, опять погрузился в работу. Стал великой личностью в области дидактики. Его идеи в области дидактики, как и идеи А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского в теории и практике воспитания, были оценены по достоинству. Он стал знаменитым ученым наравне с великим чешским педагогом Яном Амосом Коменским.

На сегодняшний день он занимает почетное место среди таких знаменитых татарских просветителей, как Шигабутдин Марджани и Каюм Насыри.

Молодое поколение педагогов еще будет использовать бесценные труды академика Мирзы Исмаиловича Махмутова.

Царствие ему небесное!

15—16 мая 2008 года.
Ш.М. Гайнутдинов

Учебные планы

Кардинальная реформа школы началась в 1958 г. (закон был принят в декабре). Основной недостаток школ 50-х гг. — отрыв от жизни. Нет трудовой подготовки. Нужен отход от зубрежки, затеоретизированного обучения и отрыва от жизни, структура системы образования осталась. Тогда вместо семилетнего срока обучения был введен восьмилетний, вместо 10-летки средняя школа стала 11-летней с трудовым обучением в старших классах. Производственные предприятия в промышленности и сельском хозяйстве получили директиву всемерно создавать условия для допрофессионального обучения школьников на рабочих местах. Был принят Закон о всеобщем обязательном восьмилетнем обучении детей от 7 до 16 лет. Под этот закон была подведена и экономическая база: доля расходов из госбюджета на образование выросла в два раза. Из внебюджетных средств (за счет предприятий и колхозов) стали строить типовые школьные здания и интернаты на селе, детские внешкольные учреждения и жилые дома для учителей, которым увеличили заработную плату.

В начале 1960-х гг. Закон о восьмилетнем всеобуче в Татарстане был выполнен повсеместно. Задача вернуть школе важнейшую ее функцию — подготовку выпускников к труду — стала решаться успешнее. В эти годы было много сделано для повышения теоретического уровня содержания

обучения и его активизации. Можно с уверенностью сказать, что в 60-е гг. был сделан рывок в развитии советской школы как по содержанию и процессу обучения, так и по укреплению ее учебно-материальной базы. Уровень образования населения за несколько лет быстро поднялся.

Борьба за татарскую школу и татарский язык

Великая Отечественная война, принесшая неисчислимые бедствия стране, горе народу, каждому человеку: не было семьи, не потерявшей близкого человека. Война внесла изменения во все сферы жизни страны, в жизнь каждой семьи, в образ мыслей каждого человека. Изменилось само понимание жизни, отношение к другому человеку, к труду, к идеологии, к государству... Изменения пришли и в национальную политику партии: былой интернационализм оставался больше на словах, в пропагандистской литературе. Пафос великой победы витал над умами, гордость за победу «русского оружия» овладела всеми: и рядовыми людьми, и лидерами. Это ведь была величайшая в истории битва народов Запада и народов Востока. Генералы стали занимать посты в правительстве в центре и на местах. Русский национализм был естественным состоянием общества. После войны «русский дух» стал проявлять себя все сильнее. Атмосфера похвальбы, хвастовства овладевала умами. Все победы приписывали, конечно, русскому народу, хотя половина населения страны были нерусские народы. И на фронтах сражались не одни русские люди.

Когда хвалили только все русское, нерусские люди чувствовали себя «младшими братьями», людьми не первого сорта, своего рода комплекс «неполноценности» ощущали многие интеллигенты. В разговорах между собой «плакались в жилетку» и старались выжить. Не принято было даже сравнивать свой язык с великим и могучим русским языком — могли просто неправильно понять и указать «на свое место». Даже секретари ЦК союзных республик все чаще в своих речах восхваляли не свою национальную, а русскую культуру, русского человека: он добрее, он щедрее, он умнее и т. д. Шараф Рашидов, первый секретарь ЦК Узбекистана, выпустил книгу «Второй родной язык», где восхвалял русский язык и русского человека. Кто они были — узбеки? По сути, народ, завоеванный русскими в конце прошлого века, колониальный народ, «чучмеки», живущие под покровительством Москвы и неусыпным оком КГБ. Узбекский писатель Шараф Рашидов знал, что такая лесть нужна для «выживания» и какой-то деятельности в защиту достоинства своего народа. Он подал пример. За ним последовали и другие, шло своего рода негласное соревнование — кто кого переплюнет в восхвалении «старшего брата», вообще всего русского.

Средний и мелкий чиновник и партократ старался вовсю. Особенно страдала национальная школа, которую постепенно вытесняли: начавшийся в военные годы процесс перехода школ на русский язык обучения в конце 1950-х, особенно в 60-е гг. ускорился, и этот процесс вверху не только поддерживали, но и подталкивали: хвалили тех, кто переводил национальную школу на русский язык обучения. Все националы возмущались и страдали от того, что их все больше отталкивали в толпу людей второго сорта. Во всяком случае, многие себя так чувствовали.

Борьба за татарский язык происходила с Минпросом РСФСР за место татарского языка в учебном плане национальной и русской школ.

В 1963 г. был выпущен приказ по Минпросу Татарии о введении татарского языка в учебный план русской школы (1 час — сверх лимита, 1 час — за счет урока труда). Это вызвало отрицательную реакцию директоров казанских русских школ. Наблюдался тихий саботаж, поддержанный заведующим гороно Макаром Дашкевичем. Все-таки у многих русских был внутренний протест против, мягко говоря, равенства русского и татарина. Просто боялись советской власти, провозгласившей это равенство и наказывающей за нарушение принципа интернационализма.

Я даже не мог подумать, что русские потихоньку от татар памятник Мусе Джалилю, установленный напротив Горсовета около Кремля, называли между собой «связанный татарин». Потом я узнал, что нас, татар, между собой называли «чаплашка». Так же как и узбеков называли «чушка», азербайджанцев — «чучмеки», бурятов — «заслонка» и т. д. Велико было их высокомерие и снисходительное отношение к татарам!

В конце 1970-х гг. в Казани было 10 татарских средних школ, а в конце 1980-х — три! Я ушел из министерства в 1976 г., получив в четвертый или пятый и последний раз первое место в зоне Поволжья и Урала и переходящее Красное знамя Совмина РСФСР.

На протяжении почти 20 лет я вел тихую борьбу за татарскую национальную школу, пропагандируя ее достижения, стремился поставить ее в один ряд с русской школой. Публиковал об этом статьи в союзной печати, в журнале ЮНЕСКО и т. д. Но меня не всегда понимали, и не каждый поддерживал. Помню, рукопись статьи по истории татар я показал первому секретарю Г.И. Усманову.

Усманов *Гумер Исмагилович (р. 1932) — партийный, государственный деятель. С 1956 г. на партийной работе. В 1966—1982 гг. председатель СМ ТАССР. В 1982—1989 гг. первый секретарь Татарского обкома, в 1989—1990 гг. секретарь ЦК КПСС. Член ЦК КПСС в 1986—1990 гг. Член Президиума ВС СССР в 1984—1989 гг.*

При всем его хорошем ко мне отношении, он все же отдал ее «на отзыв» секретарю по идеологии М.Ф. Валееву, который посчитал ее «невыдержанной в национальном вопросе». Рукопись не рекомендовали публиковать. Все же после сокращения и некоторой редакции я ее опубликовал в русскоязычной газете «Советская Татария» и полнее — в журнале «Казан утлары» (№ 10, 1984).

В отечественных и зарубежных выступлениях на больших форумах и совещаниях, конференциях всегда пытался показать историю развития татарского образования, уровень достижений татарской школы. Перечислял имена известных деятелей, известных только среди татар или в татарской литературе (даже о Мусе Джалиле мало кто знал!), подчеркивал роль героев-татар в войне, в строительстве и т. д.

Джалиль *(Залилов) Муса Мустафович (1906—1944) — татарский поэт, Герой Советского Союза (1956, посмертно). Автор многих стихов, поэм, либретто, текстов песен, публицистических произведений. В 1939—1941 гг. ответственный секретарь правления Союза писателей ТАССР. В 1941 г. призван на фронт, в 1942 г. попал в плен к фашистам. Создал подпольную организацию советских военнопленных. 25 августа 1944 г. казнен в тюрьме Плетцензее. В заточении написал цикл стихотворений «Моабитская тетрадь», получивший впоследствии мировую известность.*

Бюджет республики утверждался на сессиях Верховного Совета Татарии. Он распределялся по районам и городам и там, в свою очередь, его делили на пенсии, образование, здравоохранение и другие нужды. В министерстве оставался небольшой так называемый республиканский фонд, который министр сам распределял по районам и школам. Финансирование школ всегда было сложным вопросом. Но, учитывая слабую материальную базу татарских школ и нищенское их снабжение, министерство пыталось им помочь, в том числе и дополнительными финансами и оборудованием. Иногда находились средства на строительство школ, чаще просто пристроев к старым зданиям. Чаще тратились централизованные средства на подготовку учебников, пособий и переподготовку учительских кадров.

Всемирная выставка в Бельгии (1958)

Я уже был министром, когда в 1958 г. посетил Бельгию. Нас из Татарстана было более тридцати человек, в основном бизнесмены — директора заводов. А всего поплыли до 600 человек — это была советская делегация на Всемирную выставку в Брюсселе. Символом выставки являлась атом-

Учительницы милые мои. Всероссийский съезд учителей, делегация Татарии. Москва. 1960 г.

Беседа с инспекторами Минпроса Татарии. 1970 г.

ная решетка на площади (как Эйфелева башня в Париже).

Мы жили у себя на теплоходе, каждый день выезжали на автобусах в Брюссель на выставку. Моя задача была не только быть переводчиком Алексея Тихоновича Шмарева — председателя Татарского Совнархоза, но и по заданию ГРУ надо было войти в контакт с представителями «Народно-трудового союза российских солидаристов» (НТС), которые ловили наших туристов и пичкали их карманы своими газетами и антисоветскими брошюрами, вели с ними беседы на тему как хорошо на Западе и как плохо в Советском Союзе (как будто мы сами не знали, где мы живем). Состоялась встреча с нтсовцами. Мне попался настырный студент из Англии.

А.Т. Шмарев, переводчиком которого я был, — высокий брюнет с курчавой головой, говорили — цыган, потом стал начальником управления полиграфической промышленности в Москве и помог мне сделать оттиски словаря.

Выступление на конференции 4 февраля 1974 года

Шмарев *Алексей Тихонович (1913—1993) — геолог-нефтяник, административно-хозяйственный деятель. В 1950—1956 гг. начальник объединения «Татнефть» в г. Бугульма. В 1957—1960 гг. председатель СНХ ТАССР. С 1960 г. на административно-хозяйственной работе в Москве.*

Из достопримечательностей Бельгии впечатлили «Писающий мальчик» в Антверпене и «Малиновый звон» в городе Малине. Поражает воображение огромный холм, насыпанный в честь победы союзных армий над Наполеоном в 1815 году в битве при Ватерлоо — небольшой городок Ватерлоо, расположенный на территории современной Бельгии, в 20 км от Брюсселя.

У пирса в Антверпене все время народ толпился. Много было и наших оставшихся после войны. «Гляди, дидятко, это наши», — со слезами на глазах говорила своему маленькому сыну женщина лет тридцати. Она плакала и расспрашивала нас: «Как там, дома?» Это была трогательная картина человека, тоскующего по своей Родине.

Поездка в Индию (декабрь 1959 — январь 1960)

Сообщение о том, что Индия в мае 1998 г., когда все ядерные державы вели разговоры о запрещении испытаний ядерного оружия, стремились ограничить распространение его в мире, произвела взрывы пяти атомных бомб, всколыхнуло все СМИ мира.

История этой страны весьма поучительна в глобальном мышлении человека. Это колыбель человеческой цивилизации. Там были государства и письменность еще тогда, когда в Европе дикие племена ходили в звериных шкурах. Потом народы этой великой страны работали на европейцев — они были колонизованы Великобританией.

Насколько эти народы были ограблены и прозябали в ужасной нищете, можно было увидеть в начале второй половины XX века. В середине века там проживало 360 млн. человек, в конце века — 950 млн. человек. Невиданный рост населения и… не хватает продовольствия…

Встреча со студентами, г.Мадрас. Индия

Индия. 1960 г.

Вишвабкафат. Индия. 1960 г.

В Индии удивляет все: роскошь и нищета, памятники материальные и духовные и все другое… непривычное для нас.

Так, недалеко от Дели возвышается известная на весь мир Кутубова колонна. Легенда гласит, что она изготовлена из нержавеющего железа космическими пришельцами и весит 6 тонн. Она стоит на алтаре в мечети Кувват-уль-Ислам уже 1500 лет под открытым небом. Прославили эту колонну легенды о целительных свойствах, избавляющих людей от различных заболеваний. Нужно только обнять ее на полчаса, как целительный эффект начнет проявляться. Исследования энергетической силы колонны показали, что вмурована она на 50 сантиметров вглубь в фундамент, который представляет собой ромб. Это строение образует поток энергии, достигающий высоты 9 метров и 2 метра в окружности. Подобные энергетические поля можно наблюдать над пирамидами, православными храмами, у которых железные кресты тоже не ржавеют, находясь в этом поле.

Джавахарлал Неру

Об этом человеке написано много книг. Здесь только маленькое воспоминание о встрече с ним. Философ и политик, историк и лингвист. Автор трехтомной Всемирной истории. Сподвижник Ганди, великий патриот Индии и ее первый премьер-министр, просидевший годы в тюрьмах английских колонизаторов.

***Махатма** Ганди (1869—1948) — индийский политический и общественный деятель, один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании. Его философия ненасилия (сатьяграха) оказала влияние на движения сторонников мирных перемен в Индии и во всем мире.*

Неру был вождем индийских народов в борьбе за независимость, это он единственный в мире политический лидер многонациональной страны, который, опираясь на учение Будды, вел борьбу с колонизаторами мирным путем, организовав движение гражданского неповиновения. В возрасте 75 лет (1889—1964) Неру покинул этот бренный мир. По скромности и мудрости это был образец для подражания многим правителям. По индийскому обычаю его сожгли на ритуальном костре, а пепел развеяли в четырнадцати штатах Индии.

У дверей кабинета нас встретил худой человек высокого роста с доброй улыбкой на усталом лице. Он жестом руки показал нам на стулья вокруг его почти овального рабочего стола. С нами был посол СССР в Индии Бенедиктов (бывший министр сельского хозяйства).

Сидя напротив Неру в его рабочем кабинете в Дели, я еще не знал подробностей биографии премьера великой страны, которая лишь 12 лет назад объявила о своей независимости и подняла над Дели флаг с гербом царя Ашоки, правившего три тысячи лет назад самым большим царством в Индии. Помнил только, что Неру был борцом за освобождение Индии, посетил Москву и сделал пересадку в аэропорту Казани.

Заботы премьера большие. Но единый язык для всей многоязычной Индии — одна из важнейших забот. Пока единым оставался английский — язык колонизаторов.

— Как вам удается сплотить такой многонациональный народ? — спросили мы его.

— Очень трудно, — по-русски сказал нам переводчик слова Неру.

— Я удивляюсь, какой большой дружбой живут народы вашей страны, — сказал Неру…

«Мы вынуждены в качестве единого языка страны использовать английский. Многие не хотят, чтобы был, скажем, хинди, на котором говорит более 150 млн. человек. Бенгальцы считают, что их язык наиболее развит, на нем богатая литература, на нем писал сам Рабиндранат Тагор», — рассказывал о своих «лингвистических» проблемах Неру.

Разговор с Джавахарлалом Неру состоялся в январе 1960 г. Но и до сих пор государственный язык Индии — английский. Странно, ни один народ не хочет, чтобы язык другого народа Индии был государственным, хотя сегодня, например, на хинди говорит более 250 миллионов человек, на тамильском — около 100, на бенгальском — более 100, еще на гуджарати, телугу и т.д. Поэтому Неру обрадовался, когда член нашей делегации узбечка Рано Каюмова (учительница языка хинди из Ташкента) подарила ему букварь для школ Узбекистана на хинди.

В Казани мне было поручено передать письмо студентки из Казани для индийских студентов, с которыми она хотела переписываться.

— Мне передали письмо татарской девушки, которая в аэропорту встречала вас хлебом-солью, — сказал я Неру, протягивая ему конверт.

— Я помню эту теплую встречу в Казани, гостеприимство самых северных мусульман, — сказал хозяин кабинета, улыбнувшись. — Мне очень приятно будет помочь молодым людям завязать дружбу на расстоянии.

Он тут же поручил своему помощнику передать письмо в университет.

— А вам на память об этой встрече я хочу подарить вот эту вещицу, — сказал Неру.

Он взял со стола и протянул мне статуэтку герба Индии в виде четырех сидящих спиной друг к другу львов, мастерски сработанную из слоновой кости. Она и сейчас стоит у меня дома на самом почетном месте.

Мы пробыли у Неру более 40 минут. Наш посол Бенедиктов, пользуясь встречей, высказал и свои политические вопросы.

— Предлагаю на память сфотографироваться, — сказал хозяин кабинета.

Это был знак того, что время аудиенции окончено…, но фото нам почему-то не дали.

Впечатления от встречи с великим сыном Индии остались у меня на всю жизнь. Потом наши корреспонденты подготовили книгу о Неру: воспоминания всех, кто встречал его когда-либо. Взяли и мои воспоминания... Фундамент независимой Индии, заложенный Неру, оказался прочным.

Об Индии я позже узнал больше, чем до поездки в декабре 1959 г. Читал книги об этой великой стране после возвращения, поняв, насколько узок мой культурный кругозор. С большим интересом прочитал три тома «Истории мира», написанных Неру в английской тюрьме. Он три года подряд посылал дочери Индире длинные письма по истории мира. Из этих 79 писем и сложились три тома. Индира Ганди с детства была вовлечена в движение за освобождение Индии от английского господства. Она была членом партии Национальный Конгресс, партии Ганди.

Поэтому не случайно, что ее поддержали на выборах нового премьера. Отца сменила на этом посту дочь. Она продолжила дело Ганди — Неру, много сделала для решения проблем голодающей Индии. Индира быстро стала известным политиком мирового масштаба, пользовалась большим авторитетом. Но, к сожалению, недолго правила страной: политические противники, не согласные с ее линией, убили эту прекрасную женщину, дружбой с которой гордились многие известные лидеры ведущих стран мира.

Ее сын сменил мать на посту главы правительства. На глазах всего человечества такая же участь постигла и ее сына Р. Ганди. На этот раз убийцами стали сепаратисты из партии «Тамил-элама». На многолюдном митинге старая женщина подошла к премьеру и стала надевать, по индийскому обычаю, большую гирлянду цветов на его шею. В этот момент женщина

взорвала на себе бомбу. Тело Ганди разнесло в клочья. Такой печальной оказалась история трех поколений премьеров Индии — Джавахарлала, его дочери Индиры и его внука Р. Ганди. Так трагически оборвалась молодая «демократическая династия» правителей Индии нового типа... Восток теперь поступает так же, как и Запад, — неугодных правителей просто убивают...

Обучение молодежи на разных ступенях обучения

Однако недовольство системой образования, медленным изменением некоторых ее элементов оставалось. Быстро развивающаяся наука и промышленное производство требовали приблизить образование к научным и технико-технологическим достижениям. За рубежом с учетом этого сроки обучения были на два-три года дольше, чем у нас. Но страна все время была в дефиците времени и денег. Поэтому школа не могла получить достаточной базы для быстрого для того периода развития. Кроме того, часть правящей и интеллектуальной элиты, особенно в Москве, была недовольна тем, что их детям проходится бывать в цехах заводов, за «грязным» станком среди нелитературной речи рабочего класса. После ухода Н. Хрущева снова отменили профессиональную подготовку старшеклассников и убрали одиннадцатый класс в средней школе. Был усилен акцент на приближение содержания основ наук к достижениям ученых и исследовательским методам обучения.

Тем не менее до середины 1970-х гг. развитие школы шло по восходящей линии. Эта положительная тенденция стала устойчивой настолько, что даже начавшийся в этот период застой в политике и экономике не сразу отразился на стройной системе образования, созданной в предшествующие десятилетия.

Сеть школ и число учащихся в 1970-е гг.

В семидесятые годы основное внимание было уделено введению всеобщего среднего образования. По данным ЦСУ, в республике в 1970 г. по сравнению с 1959 г. специалистов с высшим образованием было в два с лишним раза больше, со средним специальным — в полтора раза, а людей, имеющих общее среднее образование, — в два с половиной раза. 97 процентов населения в возрасте до 30 лет имело семи-, восьмилетнее, среднее и высшее образование. В 70-е гг. в промышленности республики, на транспорте и строительстве работал интернациональный отряд интеллигенции, в котором было более 20 тысяч инженеров, 35 тысяч техников и т. д.

Велика роль общеобразовательной школы в повышении образованности населения ТАССР, особенно его татарской части. Из числа выпускников 8 и 10 классов получили достойное пополнение 13 вузов и 52 техникума нашей республики и учебных заведений других регионов страны.

Если в 1926 г. среди студентов было 11% татар, в 1958 г. — 27%, а в 1970 г. среди студентов первых курсов татар было больше 40%, в техникумах — около 45%. В Казанском университете тысячи студентов татарской национальности слушали лекции ученых-татар, специалистов всех отраслей знаний.

В 1972 г. было принято решение об организации профессиональных училищ, дающих одновременно полное среднее образование и профессию квалифицированного рабочего (СПТУ).

Впоследствии вокруг этих проблем развернулась дискуссия, всеобщее среднее не было принято населением и главным образом производственниками (большие расходы, невостребованность кадров с полным средним образованием из-за нехватки современной техники, задержки с автоматизацией и механизацией производственных процессов, как это требовалось по директивам власти).

Тем не менее охват средним образованием молодежи осуществляли разными типами учебных заведений. Например, к 1975 г. планировалось увеличить выпуск из вечерних и заочных школ в два раза, охватить обучением в них более 60 тыс. человек, в том числе 8 классами — 14%.

В это время значительное число школ республики обеспечивало полное сохранение контингента учащихся старших классов. Например, Краснокадкинская средняя татарская школа Нижнекамского района в 1967 г. приняла в 9 классы школы 65,5% окончивших 8 классов своей и прилегающей к ней восьмилетних школ, в 1968 г. — 78%, в 1972 г. — 80%. Все учащиеся окончили 10 классов. Многие из них поступили учиться в вузы.

За 10 лет школу окончили 390 человек, из них получили высшее образование 119, в том числе: инженеров — 12, агрономов — 24, учителей — 20 и т. д.

В целом по республике в 1971 г. из 40 тысяч выпускников средних школ около 60 процентов поступило на работу в сферу материального и общественного производства, в т. ч. 20 процентов в сельскохозяйственное; 23 процента поступили в вузы, 14 процентов — в техникумы, ПТУ.

Охват молодежи полным средним образованием

Тенденция поиска принципов изменения содержания образования в связи с быстрым изменением в научных знаниях, в технике и технологии

производства, в связи с недостатками в воспитании подрастающего поколения, начавшаяся в 60-е гг., имела устойчивый характер. Педагогическая общественность, так сказать, на себе чувствовала идеологизированность общественной жизни и образования в особенности. Поэтому поиск баланса между сложностью программ и лимитом недельной нагрузки на учащегося представлял большую сложность. Движение учительства за активизацию процесса обучения вызвало к жизни методику развития познавательной самостоятельности учащихся.

В Татарии появилась концепция проблемного обучения и активизации методов обучения. В 1980-е гг., в период начавшегося социально-политического хаоса и стихии в общественной жизни, всеобщее среднее было отменено (вернее, «спущено на тормозах»). С середины 1980-х гг. начинается демократизация в системе образования; педагогическая интеллигенция и прежде была недовольна медленным развитием образования и ее отставанием от достижений в странах Запада. Первые изменения появились в учебных планах и программах...

Все десятилетия школа страдала от догматического обучения, заидеологизированности всей ее жизни, обучения, рассчитанного на «усредненного» ученика, игнорирования интересов личности и ее природных способностей. Конец 80-х и начало 90-х гг. характеризуется демократизацией и возникновением альтернативной системы обучения.

Как я пробивал Дом пионеров для Казани и Чистополя

Ходил с письмами из обкома КПСС по разным инстанциям, доказывая необходимость Дворца пионеров (старый износился, точнее, мы его по просьбе композитора Н.Г. Жиганова передали под музыкальную десятилетку). Помню встречу в ЦК ВЛКСМ с Павловым — первым секретарем (в 90-е гг. — заместитель министра иностранных дел РФ). Когда я вошел в кабинет, ко мне навстречу быстрым шагом уже шел Павлов. Это было показателем более высокого уважения, чем я предполагал. Так оно и вышло. Я понял, что тут некоторое недоразумение. Секретарь сказала ему, что пришел министр Татарии Махмутов. Павлов, видимо, услышал лишь последние слова или ему послышалась другая фамилия, которая была на слуху у всех комсомольцев: он решил, что пришла известный композитор Пахмутова. Фамилия ее действительно происходила от Махмутова. Тем не менее разговор состоялся и Павлов поддержал нашу идею о строительстве двух Дворцов пионеров в Татарии.

Однажды заведующий Сармановским роно пригласил меня посмотреть на восьмилетку в ауле Алан. Был я в ауле Алан, что по-татарски означает «поляна». Директор восьмилетней школы заканчивал ремонт. Министерство помогало деньгами. Я был в соседнем ауле и решил заехать к директору, которого хвалили за успешную работу вот уже более 25 лет. Уже к вечеру за столом он рассказывал о том, как воевал на фронте. Присутствовавший тут же заведующий районным отделом образования Шайхинур Гайнутдинов рассказал мне случай.

Нанял директор школы троих колхозников помочь в ремонте. К вечеру они закончили работу и собрались было уходить. Сели, перекуривают. В это время директор школы залез на крышу, осмотреть, как выполнена работа. Он тихо и осторожно полз по самому коньку и мог свалиться вниз. А недостатки там были, схалтурить хотели мужики. Увидя директора на крыше, плотники тревожно закричали: «Слезай, Вагиз-абый! Мы все сделаем утром как следует!» Они заволновались не за то, что директор на них обидится, а за то, что обмануть хотели человека, который был без обеих ног. Он их потерял на фронте. В ауле все знали это и очень уважали своего директора.

Городская школа

Эпопея проверки математического образования в школе № 81. Казанские школы соревновались между собой по успеваемости и качеству обучения. Качество — это у кого больше 4 и 5. Помню, стали шибко нахваливать Зекцера — директора казанской средней школы № 81 Кировского района. Сам Зекцер был хорошим человеком, заботливым директором, внимательным к учителям и учащимся. Однажды школа получила союзный знак, а в районе — переходящее Красное знамя. Но мне сообщили, что с математикой там не все в порядке. Я послал с проверкой опытного, знающего математику инспектора министерства Молокаева, которого перевел в Казань из Чистопольского района. Он принес плохие результаты проверки: завышение оценок, очковтирательство.

Что делать, я ведь тоже хвалил эту школу? Пройти мимо, погрозив пальчиком директору, или сделать из этого показательный разбор и вынести наказание? Решили все же заслушать директора школы на коллегии министерства и сделать выводы для всей республики.

Как полагалось, я согласовал вопрос с первым секретарем Кировского райкома партии В.П. Пригласили на заседание и заведующего гороно М. Дашкевича. Заслушали, обсудили, осудили неправильное поведение директора и вынесли решение о его снятии с работы.

Но тут вдруг вмешалась Кадырова Алия Гайфулловна — секретарь горкома партии по идеологии. «Почему не согласовали с горкомом?» — был ее первый вопрос. Она потребовала, чтобы инспектор минпроса доложил ей лично. Меня всегда возмущало вмешательство партийных работников, людей обычно неквалифицированных, но имевших власть над всеми, в дела министерства. Над советской властью была еще власть и партии. А в делах получалась двойная власть — советская — исполнительная ответственная, партийная — контролирующая, ни за что не отвечающая… Так и жили, возмущаясь некорректным поведением партработников.

Тут была ясная картина — недостатки в работе школы — это и недостатки в работе горкома партии. Она уже настроила и первого секретаря горкома Р.М. Мусина против меня.

Детдом в Лаишево

В сорока километрах от Казани в райцентре Лаишево был старый детский дом. Ребят там было более сотни, все учились в местной средней школе вместе с сельскими ребятами. Знали хорошо друг друга и жили дружно. Директором детдома уже много лет работал Ильин. Дети-сироты обычно и летом сидят в своем интернате. А тут были созданы все условия для труда и отдыха — детдом имеет хорошее подсобное хозяйство. На высоком берегу Камы, на опушке леса, был большой яблоневый сад (ничем неогороженный). Красивое место. С крутого яра был виден и другой берег реки. Там ребята все лето отдыхали и работали на огороде, который давал им на всю зиму овощи.

Работники министерства просвещения любили это место и, как могли, помогали директору учить и воспитывать сирот. Иногда просвещенцы приезжали всем коллективом отмечать какой-нибудь праздник на природе. Красиво здесь было, помню, — чистый лес, чуть покрытая росой чистая зеленая трава, на самом берегу яблони в цвету. Сами варили-парили, тут же была кухня... Уже через много лет я снова попал в подсобное хозяйство детдома. В это время проводили в Казани какую-то конференцию по профессиональному образованию, и нас пригласили работники республиканского управления профтехобразования во главе с Иляловой. Привезли сюда гостей из других районов. Батыршин, председатель колхоза в большом ауле Новое Ибрайкино, что на самом южном краю Татарстана, на границе с Ульяновской областью, привез в детдом серьезные по тем временам подарки.

Никита Сергеевич Хрущев

О Н.С. Хрущеве у меня двойственное чувство. Он искал пути реформирования СССР, партии, экономики, жизни. Но не один он был хозяином в стране... Кукуруза, морской флот, сельская и городская партии, массовое строительство жилья для трудящихся и многое другое связано с активной деятельностью Никиты Сергеевича.

Хрущев *Никита Сергеевич (1894—1971) -— советский государственный деятель. Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 г., Председатель Совета Министров СССР с 1958 по 1964 г. Герой Советского Союза, трижды Герой Социалистического Труда. Период правления Хрущева часто называют «оттепелью»: были выпущены на свободу многие политические заключенные, по сравнению с периодом правления Сталина активность репрессий значительно снизилась. Уменьшилось влияние идеологической цензуры. Советский Союз достиг больших успехов в покорении космоса. Было развернуто активное жилищное строительство. Вместе с тем с именем Хрущева связаны и организация самой жесткой в послевоенный период антирелигиозной кампании, и значительное усиление карательной психиатрии, и расстрел рабочих в Новочеркасске, и неудачи в сельском хозяйстве и внешней политике. На период его правления приходится наивысшее напряжение холодной войны с США.*

Шел всероссийский съезд учителей. Все ждали Н.С. Хрущева. Пришел, выступил и на весь мир прогремел: сбили американский самолет — шпиона! Запустили баллистическую ракету на 130 тысяч км (сзади громко подсказали: на 13 тысяч! Поправился: «хотел попугать американских империалистов!»).

Потом был большой банкет в Кремле. Я был второй раз на таком банкете под кремлевской стеной. Первый раз это было в 1957 г. — принимали гостей VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Тогда москвичи впервые увидели толпы иностранцев на улицах города...

За столом президиума банкета — все правительство и политбюро. Л.П. Аристова провела часть татарстанской делегации «за кулисы», охранники ее знали. Там мы снова поднимали бокалы, но не столько поднимали, сколько видели, как поднимают и пьют «хозяева» под шум какой-то певческой труппы на подмостках. Там были и Л.И. Брежнев, и др.

Брежнев *Леонид Ильич (1906—1982) — государственный и партийный деятель. Первый секретарь ЦК КПСС в 1964—1966 гг., с 1966 по 1982 г. — генеральный секретарь ЦК КПСС. Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1960—1964 и 1977—1982 гг. Маршал Советского Союза (1976). При его*

руководстве состоялся первый за всю историю советско-американских отношений официальный визит президента США в Москву (22—30 мая 1977). Были достигнуты договоренности между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО). В годы его правления советские войска вторглись в Афганистан (18 июня 1979).

Всероссийский съезд учителей (слева направо): Л.И. Брежнев, Н.С. Хрущев, Е.И. Афанасенко, Е.А. Фурцева, А.И. Микоян. Москва. 1960 г.

Делегация учителей на всероссийском съезде учителей. Выступление Л.И. Брежнева на банкете. Москва. 1960 г.

Группа награжденных участников Всероссийского съезда учителей
Москва. Кремль. 1960 г.

Поездки в Египет, Сирию (1960, 1961, 1964 гг.)

В те годы Египет был у всех на языке. Усилия любимого почти всех арабов Гамаль Абдель Насера увенчались успехом: Египет объединился с Сирией в одно государство — Объединенная арабская республика (ОАР). Меня назначили руководителем советской делегации культуры. Это было ответственное поручение ЦК КПСС. Нас поехало трое — я, преподаватель физики из Москвы, доцент Горьковского пединститута.

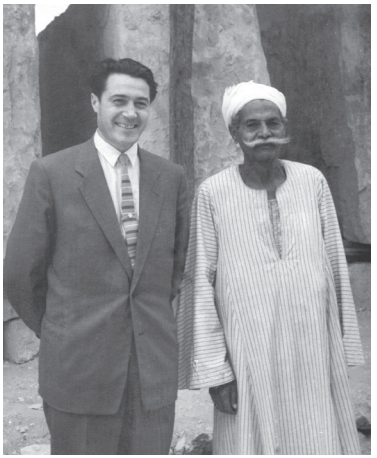
Встретил там своего бывшего студента КГУ Ильдара Аухадеева. Он был на годичной стажировке в университете Аль-Азхар. Встретился с заместителем министра образования Хафизом... Увидел свою тюбетейку, подаренную Аделю Тахиру на фестивале молодежи в Москве в 1957 году… Общался с Сарватом Укаша — министром культуры Египта (тогда Объединенная арабская республика).

Выступление в Александрийском университете. Египет. 1961 г.

Делегация работников просвещения СССР в Египте. 1961 г.

Каир. Египет. 1961 г.

Встреча с министром образования Сирии. Сирия. 1964 г.

Переговоры в Дамаске с министром образования Сирии и президентом Всемирного Совета Мира Элизабет Блюм. 1964 г.

Встреча с премьер-министром Сирии Юсуфом Зуэйином. Сирия. 1966 г.

Гамаль Абдель Насер

После краткосрочного процветания при Мухаммаде Али Египет был завоеван сначала Наполеоном, потом Англией (1882). Он влачил жалкое существование полуколонии. Англичане держали руку на пульсе страны. Король Фарук бездельничал, развлекался и с выездом в Италию. Народ голодал, культура была в упадке. Рядом возникло государство Израиль, стремившееся расширить свои земли за счет арабов. Война 1948 г. принесла победу не арабам (а в основном Египет), а евреям Израиля, поддержанным мировой сионистской организацией и европейскими странами — Англией и Францией. Война показала, что Египет — слабое государство, что король не может поднять страну. Антимонархические настроения особенно сильны были в армии.

Группа офицеров армии «Ад-дуббату-ль-Ахрар» поставила цель — свергнуть монархию и установить демократический режим. Стратегическая цель — объединить всех арабов в одно государство и открыть новую эпоху развития арабской культуры. Король Фарук подписал отречение от престола. Мне показывали копию документа в музее в Александрии. Габду-Насер начал перестройку в Египте. Внимание уделял подъему экономики. Он заключил соглашение с СССР о строительстве высотной плотины на Ниле («Ас-Садуаля»), которая потом дала электрический ток промышленным предприятиям и воду для орошения тысяч гектаров пустынных земель. Освоение пустыни вблизи Каира. Сам видел эти квадратные поля, залитые водой.

Объединение с Сирией произвело впечатление не только на арабские страны. Насторожились. Одни восхищались, другие боялись. Конечно, боялись короли, ведь Египет нес новый режим — демократический. Боялись потерять свою власть и немонархические страны — Ливия, Ливан и др. Авторитет Насера был очень высок, арабы в печати звали его «Загым аль-уруба» («вождь арабов»).

Потом все-таки разъединились, неодинаков был уровень культуры населения и экономики, да и амбиции сыграли не последнюю роль.

Работник минобразования ОАР, сопровождавшая нашу делегацию в Дамаск в январе 1961 г., попросила меня указать таможеннику на ее чемодан как на свой: пошлины были высокие даже между объединившимися странами. Мои вещи не досматривали: был диппаспорт. В поездке в древний город на севере Сирии Халеб нас сопровождал мужчина, про которого мне один сириец как-то доверительно сказал: «Мин аль-фарагына», т. е. «фараон». Из этого я понял, что сирийцы египтян не очень-то жалуют.

И все же некоторые деятели за свою короткую жизнь успевали заложить основы процветания своей страны. Это были, например, Петр Первый и Екатерина Вторая в России, Мухаммад Али в Египте, Елизавета Первая в Англии, Наполеон во Франции и т. д. Насер стоит в одном ряду с ними. Основы развития, заложенные Насером, дали свои плоды. После смерти Насера президентом стал Садат. Если Насер искал союза с СССР, то Садат стал искать поддержки США, которые помогли ему найти согласие с Израилем, уже выигравшим три войны с арабами.

Садата убили во время военного парада. Мимо трибуны с начальством проходили артиллерийские орудия. Вдруг сопровождавшие орудие солдаты с автоматами бросились к трибуне, кинули бомбу и открыли огонь из автоматов. Садат и несколько человек были убиты. Должность президента

Египта на долгие годы занял Хосни Мубарак. У него хватило мудрости не ссориться с Израилем, подружиться с США и не конфликтовать с СССР.

…В ЦК КПСС мне предложили место советника в советском посольстве в Египте. Я не был карьеристом в отрицательном смысле слова. Меня устраивала работа в Казани. Отказался. Предложили настойчиво. Начал собирать документы, фотографии жены и ребенка. Но сам пошел к Батыеву (второй секретать ОК Татарии). Он поговорил с людьми из ЦК. Не сразу получилось. Наконец отстали.

Батыев *Салих Гилимханович (1911—1985) — государственный деятель. С начала 1930-х гг. на партийной работе. В 1943—1947 гг. заместитель председателя СМ ТАССР. В 1951—1960 гг. секретарь, второй секретарь Татарского обкома КПСС. В 1960—1983 гг. председатель Президиума ВС ТАССР, заместитель председателя Президиума ВС РСФСР.*

Осенью 1964 г. мне снова пришлось участвовать в конференции ЮНЕСКО по вопросам просвещения. На этот раз проходила она в Александрии, под председательством тогдашнего заместителя министра просвещения Египта Мухаммеда Хафеза. Мы уже были с ним знакомы, года за три до этого я целый месяц провел в Египте, возглавлял советскую культурную делегацию. Теперь мы встретились по-приятельски, он даже предложил мне самому выбрать, когда выступить с докладом. «После англичан и американцев», — сказал я.

В его взгляде мелькнуло недоумение: стоит ли проводить столь рискованный эксперимент? Как можно надеяться, что удержишь внимание зала после выступления всеми признанных авторитетов?

...Отзвучала с трибуны английская речь, телевизионщики погасили софиты, председатель объявил: «Доктор Махмутов, эксперт ЮНЕСКО, министр просвещения Татарии, Советский Союз».

В Таиланде я читал свой доклад на английском, а тут вышел к микрофону и заговорил по-арабски.

Видимо, этого никто не ожидал. Зал оживился. Снова вспыхнули юпитеры, к трибуне подбежал совершенно растерянный режиссер телевидения и, извиняясь через каждое слово, попросил начать сначала: «Без этой съемки мне на студию лучше не возвращаться!»

Назавтра газеты пестрели фоторепортажами об этом событии. Я стал вообще весьма популярной личностью, даже портье отеля узнавали меня издали: как же, мало того, что приехал из диковинной Советской страны, так ведь еще и говорить по-нашему где-то научился...

Ну, а участников конференции интересовало прежде всего само дело. Ко мне подходили делегаты из разных стран, просили литературу, уточняли детали доклада, выражали желание встретиться в неофициальной обстановке. Я старался никому не отказывать, понимал, что личное общение иной раз бывает полезнее самых подробных рекомендаций на бумаге.

Особенно интересовались успехами делегаты Республики Куба, сумевшей творчески использовать опыт СССР в области ликбеза. Действительно, убедительный факт: всего на третьем году победы революции, в конце 1961 г., Куба официально объявила себя «территорией, свободной от неграмотности».

За годы работы экспертом мне неоднократно приходилось участвовать в самых разнообразных мероприятиях ЮНЕСКО, бывать во многих странах. О масштабах нелегкой борьбы с неграмотностью, которую вот уже четыре десятилетия ведет ЮНЕСКО, может рассказать всего лишь одна программа. В 1965 г. меня пригласили в Париж, в штаб-квартиру ЮНЕСКО. Многолетние усилия этой организации по ликвидации неграмотности успокаивающих результатов не давали. В мире было замечено парадоксальное явление: процент неграмотных уменьшился, а число их при этом постоянно увеличивалось. Эксперты ЮНЕСКО определили причину этого парадокса: оказалось, что количество рождающихся стремительно опережает количество обученных грамоте.

Тогда и была предложена кем-то из ученых идея селективного (выборочного) подхода к ликбезу. Иными словами, назрела необходимость, отказавшись от попыток решить эту проблему глобально, заняться конкретной помощью конкретному народу. Причем в первую очередь тем социальным группам, которые заняты в сфере материального производства, производства с современной техникой и технологией.

Договорились тщательно обследовать несколько стран в разных регионах — в Азии, Африке, Латинской Америке. А по возвращении экспертов (всего ЮНЕСКО собрала для этого десять специалистов, по двое на каждую страну) сравнить полученные результаты и выработать на основе селективного метода цельную программу.

Сначала предполагалось, что я поеду в Кению. В глубине души порадовался, что не будет трудностей в общении (один из официальных языков там — английский), да и горный климат — не тропики... Мы уже начали консультироваться вместе со вторым экспертом, моим предполагаемым партнером на эту поездку. Ле Тан Кой, так его звали, эмигрировал некогда

во Францию из Южного Вьетнама и как специалист по экономике просвещения пользовался в ЮНЕСКО большим авторитетом.

В самый разгар работы вдруг вызывает меня директор департамента по образованию и, заботливо усадив в кресло, произносит следующий монолог: «Извините, мсье Махмутов, но вы не поедете в Кению. Мы еще раз все тщательно взвесили. Если не ошибаюсь, вы изъясняетесь по-персидски, по-турецки, не говоря уже об арабском. Так вот, мы не имеем права этим пренебрегать. К тому же вы из Татарии, мусульманин. В наших интересах, чтобы вы поехали в Алжир».

— Но ведь там давным-давно все «офранцужено», — пытаюсь я возразить.

— И это мы учли. С вами поедет француз Дидье Лёсеф. А знание местного языка, поверьте, откроет вам в Алжире все двери.

Пришлось мне подготовку начинать заново, теперь уже с другим напарником. И через несколько дней, вооружившись необходимой документацией, мы вылетели в Алжир.

Дидье Лёсеф — мой первый парижанин и гид. Настоящий француз по внешнему виду, по характеру и поведению. Образованный (Сорбонна). Он работал в ЮНЕСКО, но был «человеком МИДа» Франции. Жена — Кристина, трое сыновей. Один из них Жак-Оливье полтора месяца жил у нас на даче в Матюшино, дружил с моим Искандером… После возвращения из Алжира Лёсеф показал мне Париж с его музеями, старым еще «чревом Парижа», что около универмага (галерея) Лафоет недалеко от знаменитого музея Лувра.

Заботы разведчика

Мне приходилось не раз выезжать за рубеж по линии Министерства образования или культуры. Почти каждый раз я получал какие-нибудь поручения международного отдела ЦК КПСС. Выпускнику военного института, мне доверяли. Например, когда я ездил в Сирию в составе делегации Всемирного Совета Мира (1966), мне поручили провести довольно тонкую дипломатичную работу, которую нежелательно было поручать официальным дипломатам нашего посольства: дело касалось взаимосвязи по партийной линии.

В руководстве Сирии тогда были «баасисты», т.е. члены партии «Баас» («возрождение»). С тех пор Хафиз Асад возглавляет Сирию. Они недавно пришли к власти, и отношения с ними были непрочные. Коммунистов, естественно, не подпускали к власти, их активность пресекалась. Они старались

не вмешиваться в политические дрязги. Но контакт с Компартией СССР им был нужен. Как поехать в Москву легально, с согласия власть имущих? В международном отделе тогда был ульяновский, который был одно время в ссылке в Татарии и с симпатией относился ко мне. Он сказал, что решили пригласить представителей партии «Баас» и с ними вместе коммунистов. Но правильно ли поймет этот жест и согласится ли правящая партия? Как это сделать, чтобы не получить отказ и не вызвать недовольства коммунистов?

Мне, члену делегации Всемирного Совета Мира, поручили провести эту работу. Во время встреч с арабами я встретился сначала с представителями партии «Баас» и сообщил им, что ЦК КПСС хотел бы видеть в Москве сирийскую делегацию. Можно официальную или неофициальную. Намекнул, что если уж приглашает партия, то она ждет, что в делегации будут и сирийские коммунисты. Баасисты сказали, что подумают. Затем я встретился с коммунистами и сказал им о своем разговоре с баасистами. Те, конечно же, ждали ответа «хозяев» положения. В следующую встречу баасисты дали согласие, но не хотели брать с собой коммунистов. У нас получился напряженный разговор: вначале я убеждал их, что приглашает не правительство, а компартия, и, естественно, она хотела бы видеть своих единомышленников. Наконец баасисты согласились. Потом потихоньку уточняли — сколько будет в делегации с каждой стороны — от «Баас» и компартии. Мне рекомендовалось предложить два и два. Но баасисты настаивали на числе один и три. Переубедить их не удалось. После беседы с нашим послом сообщили в Москву, оттуда дали согласие, и я сообщил при встрече баасистам. Коммунисты, хотя и были несколько разочарованы, но все же получили возможность выехать в Москву. Член ЦК сирийской компартии Мурад Хамиди сказал, что они довольны состоявшейся договоренностью с баасистами. Мне, естественно, пришлось здорово понервничать: задание нельзя не выполнить, а тут не просто уговорить баасистов поехать «в гости» вместе с их противниками коммунистами.

Каково же было мое удивление, когда уже после возвращения в Москву я узнал, что сирийцы написали письмо, в котором обвинили меня в том, что я пригласил троих баасистов и только одного представителя ЦК сирийской компартии. Не ожидал я, что сам первый секретарь сирийской компартии Халед Багдаш, с которым мы в нашем посольстве отмечали в ноябре годовщину Октябрьской революции, сам подпишет «жалобу» на меня. На Старой площади, конечно, понимали, что на кого-то надо было им обиду вылить...

Дагестан

Об этой легендарной стране все знают со школьных лет. Почти 50 лет Россия вела «Кавказскую войну», т. е. завоевание Кавказа. Именно в Дагестане она встретила невиданное в своей истории длительное сопротивление разноязычных народов, исповедующих ислам. Первая Кавказская война закончилась в 1863 г. Потом в 1944 г. было выселение народов Кавказа в Сибирь. Потом было их не менее мучительное, чем высылка, возвращение. Потом была война в Чечне... Потом была третья Кавказская война на горной части республики Ичкерия… Не удивительно, что национально-освободительная война кавказцев окончилась их поражением.

У меня сложились дружеские отношения с министром просвещения Дагестана Магидовым Халитом Гамидовичем. Это был высокого, под два метра, роста, красивый брюнет с хорошим, покладистым характером. Ко мне он относился с уважением и потому, что у меня был больший, чем у него, стаж работы министром, и потому, что видел во мне «родственника»: Халит был по национальности кумык, тюркские языки очень схожи.

Тогда, в 1960-е гг., когда я впервые посетил Дагестан, любители словесности взахлеб читали аварского поэта Расула Гамзатова, сына поэта Гамзата Цадаса. А его стихи стали всеми любимой песней «Журавли». Помню, как читатели обсуждали новую книгу Гамзатова «Мой Дагестан». «Вроде не стихи и не проза, что это?» — спросил я тогда при встрече Чингиза Айтматова. «Это жанр — эссе, — сказал он, — содержит интересный национальный колорит».

Дагестан — «страна гор и гора языков». Так местные люди говорят о своей многонациональной республике, где проживает более 30 народностей и племен. Больше всего аварцев, даргинцев, говорящих на своих кавказских наречиях, и кумыков, язык которых очень близок к татарскому.

Горы здесь крутые, часто ты видишь лишь голые скалы и глубокие ущелья. Мы ездили по районам, были у директора школы в аварском ауле Чох. Большой аул, расположен на склоне горы, издали как будто большой небоскреб, так сакля над саклей расположены дома горцев. Говорят, из жителей аула выросло 150 кандидатов наук.

…Оползень — что это такое? В учебнике для четвертого класса коротко говорится об этом. А тут я увидел «живой» оползень. Примерно двухметровый слой почвы лежит на гладком скальном основании. После обильных дождей основание намокает, и земля под собственной тяжестью начинает скользить по основанию. С крутого склона горы почва с садами,

домами, кладбищами, школами медленно сползает вниз, в далекую долину. Мы пришли в школу, обеспокоенный директор показывал нам большие трещины в стенах здания и ставил вопрос о строительстве другого здания школы. А министр Магидов качал головой и вслух подсчитывал, во что это может обойтись.

В Дагестане особо уважительное отношение к женщине-матери. Когда зашли в комнату, хозяин дома — председатель райисполкома, указывая на лежащего на широкой кровати человека, мягко сказал: «Моя мама», и мы по очереди, не торопясь, подходили к больной и тихо здоровались, в знак уважения... Мама…

Вечер на поляне, прохладный горный воздух, коньяк и шашлык из свежей баранины. Сколько было разговоров у костра на разные темы. Но больше всего о горцах и их истории. До сих пор в ушах звучат гортанные песни горянки-учительницы из соседнего аула, пришла по просьбе министра встречать гостя из Татарии.

Однажды минпрос РСФСР проводил конференцию в Майкопе, столице Адыгейской национальной области Краснодарского края. После конференции я должен был ехать в Ессентуки, в отпуск. Но Халит пригласил меня к себе в Дагестан, в гости. До Махачкалы на машине мы ехали более 12 часов. Нас гостеприимно встретила его жена Тамара (тоже кумычка). Потом Халит повез меня знакомить со своей республикой, которой он очень гордился.

Мы побывали в знаменитом Гунибском районе, в большом ауле Чох, населенном аварцами, самой многочисленной народностью Дагестана (более 300 тыс. человек, потом даргинцы — 200 тыс., потом кумыки —150 тыс.). Халит не просто показывал мне свои «владения», он ехал решать свои проблемы. Здесь в Чохе соседний склон горы стал опускаться, увлекая кладбище и школу на краю дороги. Трещины от оползня были по всем стенам. Директор школы пригласил нас на чашку чая, но Магидов сказал, что мы не успеем засветло вернуться, и не остались. Директор обиделся.

Далее были мы и в ауле, прилепившемся к самому краю глубокой пропасти. Помню мечеть, одна стена которой свисала над бездной. В этом ауле директором школы 40 лет работал Магомед Магомедович, который гордился этим и своим школьным садом, выращенным им на склоне горы. Простые люди всегда гордятся результатами своего труда.

Обратный путь лежал опять через Чох, другой дороги не было. Мы почти проскочили узкий переулок, когда нам загородила дорогу пожилая женщина во всем черном. Это оказалась мать директора, стоявшая раскинув

В горах Дагестана с министром просвещения Дагестана Х.Г. Магидовым
(близким другом Мирзы Исмаиловича)
и директором Института усовершенствования учителей

руки поперек узкого переулка. «Если старая женщина-горянка приглашает в гости, ты не можешь отказаться!» — сказала мать директора школы аула Чох в ответ на попытку Халита отказаться от гостеприимства…

Мы поднялись на второй этаж выложенной из местного камня сакли. Небогатое внутреннее убранство сакли отличалось чистотой, на полу были коврики, на одной стене висел пестрый ковер, на котором блестела старая сабля и крест-накрест старое, может быть даже кремневое, ружье.

Мы тихо беседовали, сидя за длинным строганного дерева столом, без скатерти, но полным кавказских яств. Тут были блюда, острые и вкусные... сухое вино и крепкий чай. Хозяйка оказалась словоохотливой. Она была среди горянок, в конце 1930-х гг. приглашенных в Кремль как активистка советской власти на Кавказе. Этим очень гордилась.

— Вы, наверное, не знаете, я расскажу соседям, что у меня в гостях были три министра просвещения. — На наш немой вопрос она ответила: — В тридцатые годы министром просвещения Дагестана был татарин Аюпов. Его взяли как националиста, и он не вернулся... — печально покачала она головой и добавила: — Но люди помнят его, хороший был человек...

Для меня это была новость, Магидов этого тоже не знал. Интеллигенции среди мусульман в то время было не так уж много, татары же считались самыми образованными среди тюркских народов старой России.

В этом же районе мы побывали и вблизи аула Гуниб, что на вершине горы. Там сдался в плен генералу Баратынскому легендарный Шамиль, который 25 лет возглавлял борьбу дагестанцев и чеченцев за независимость. Это было памятное посещение, я даже попросил кусочек камня, на котором сидел когда-то имам Шамиль. Гора эта как цилиндр, не было подступов к ней. И последнее прибежище Шамиль нашел там. Только узкая извилистая тропа для конного хода вела на вершину, где, как орлы, жили гунибцы. Но охрану из двух нукеров подкупили, и ночью казачья сотня поднялась на плоскую вершину горы. Гонцов послали в аул с предложением сдаться. Усталый от войны и понимавший безвыходность своего положения, Шамиль сдался. Встреча двух генералов была здесь, у этого камня. Говорят, что часть муридов прорвалась и ушла, потом еще долго за ними гонялись казачьи сотни...

…Год назад я послал письмо своему другу в Махачкалу. Ответа почему-то не было. И вот пришло письмо от Салаудина, сына Халита Гамидовича Магидова — министра просвещения Дагестана. Халит умер в 1997 г.

ГЛАВА 6
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЮНЕСКО (1964—1976)

Кто открыл мне тогда путь в ЮНЕСКО, не помню. Выбор пал на меня благодаря знанию языков, моему образованию, некоторой известности среди арабистов и должности министра. Нужен был эксперт по образованию. Выбор делался в ЦК. Но помню хорошо, кто мне помогал освоиться с этим.

ЮНЕСКО — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Если попытаться коротко сформулировать назначение и суть ЮНЕСКО в сегодняшнем мире, то необходимо выделить главное: эта организация — подлинная. Это — лаборатория идей. Здесь нет преувеличения. ЮНЕСКО не только аккумулирует весь мировой опыт в просвещении, науке, культуре народов, но и исследует неотложные проблемы, которые та или иная страна не в силах разрешить самостоятельно. Потом результаты научного анализа, проведенного на местах экспертами (их ЮНЕСКО специально приглашает со всего мира), возвращаются в ту же страну в виде конкретных рекомендаций, методических разработок, целевых программ, финансовой помощи.

Мое сотрудничество с ЮНЕСКО началось в шестидесятые годы. Советский национальный комитет ЮНЕСКО относился к ведомству Комитета по международным связям. Теперь он при МИДе РФ. Там работали хорошие ребята, которые частенько посылали меня на конференции за рубеж, и потому что я знал языки и мог выступить на английском или арабском, и потому что должность моя была «пробивная» при обсуждении с юнесковцами — какого уровня представителем или специалистом будет представлен СССР в той или иной комиссии ЮНЕСКО или комитете. Инструктор комитета Н.М. Канаев уехал в Париж и долго там работал в делегации СССР при ЮНЕСКО. Они выпустили книгу к 20-летию ЮНЕСКО, где и обо мне сказали несколько добрых слов.

В то время многие освобождающиеся от колониализма государства обращались в ООН с одинаковой просьбой: «Помогите одолеть неграмотность, воспитать национальные кадры! Нужны средства, педагоги, учебники». Как создать национальную школу, вернуть народу его язык, если десятилетиями колонизаторы насаждали свой — английский, французский?!

Решение этой проблемы и стало основным направлением практической деятельности ЮНЕСКО. Разумеется, опыт ликбеза в нашей стране пришелся как нельзя кстати.

От Парижа до Токио, от Москвы до Сантьяго в Чили, от Каира до Браззавиля в Конго, от Тегерана до Бангкока. Это сегодня «новые русские» могут ехать куда угодно, лишь бы были деньги. А в те годы за границу мало кто ездил, просто не пускали, только в командировку или на лечение в социалистические страны. Мне удалось посмотреть мир глазами организатора просвещения, в основном по линии ЮНЕСКО, при котором я, еще будучи министром просвещения, с 1967 по 1973 г. числился консультантом.

Таиланд (1964)

Таиланд был одним из первых государств, куда меня пригласили как эксперта ЮНЕСКО на международную региональную конференцию по финансированию образования.

...Летели в Бангкок через Ташкент, с последующей пересадкой в Дели на самолет американской компании. Движемся к трапу «Боинга», и вдруг такая сцена: один из пассажиров, громко обругав по-английски индийца в форме служащего аэропорта, завершает триаду увесистой пощечиной. Меня провожал сотрудник советского посольства в Индии, я и говорю ему: «Странно, что нахалу не ответили тем же». И слышу: «Что поделаешь, тут такие вещи обычны. Ни те, ни другие никак не привыкнут, что это государство уже не колония...»

Послом в Таиланде тогда был Николай Николаевич. Запомнил его рассказ о своей работе. Ходил в престижный клуб Бангкока, где собирались дипломаты.

— Там всегда в «случайной» беседе или из разговоров других дипломатов можно получить интересную информацию, познакомиться с нужными людьми, — рассказывал Николаев.

— Как вы справляетесь с жарой и вечно влажным климатом? — спросил я его.

— Каждый день после обеда сплю более часа. Потом до вечера можно работать. Иначе невозможно, — рассказывал он о своем режиме дня.

Жил я в Бангкоке в маленькой посольской гостинице, общался больше с коллегами-экспертами. А вот с американцем Хиггинсом у нас сразу возник взаимный интерес — и друг к другу и к тому, чем и как живут наши страны.

Вставала в разговорах тема недавнего убийства Джона Кеннеди, тем более что Хиггинс был профессором университета в печально знаменитом Далласе. И вот однажды, насытившись вопросами и ответами, он вдруг решительно заявляет: «Дорогой советский друг! Должен заметить, что наши государства очень похожи: у нас — ваши проблемы, а у вас — наши. Но зато у нас, в отличие от вас, сегодня ты безработный, а завтра можешь стать хоть президентом, хоть миллионером!» «Да-да, — соглашаюсь я. — Действительно страна равных возможностей. Даже для убийц президентов, не так ли?..»

Кеннеди *Джон Фицджеральд (1917—1963) — 35-й президент США (1961—1963). При его президентстве произошли Карибский кризис (1962), строительство Берлинской стены, война в Лаосе и Южном Вьетнаме. Своей главной задачей Кеннеди считал разрядку напряженности между Западом и Востоком. Выступал за улучшение отношений между США и СССР. В 1963 г. в Москве состоялась встреча министров иностранных дел США, Великобритании и СССР, где был заключен договор о прекращении любых испытаний ядерного оружия, кроме подземных. Был застрелен в Далласе в ноябре 1963 г.*

Впрочем, тогда мы еще не могли знать, что Даллас — только начало, что «убийство века» потянет за собой целую цепь загадочных смертей среди тех, кто мог бы пролить какой-нибудь свет на эту трагедию...

Прошу запомнить имя еще одного эксперта — Мишеля Дебюве, мы с ним еще встретимся. Ученый-экономист из Сорбонны, отменный специалист в области просвещения в странах ЮВА, тонкий знаток кхмерской, вообще древней культуры. Он становился предельно осторожен, едва разговор касался политики. Я начал было подтрунивать над этой его особенностью, а потом узнал, что за спиной у Дебюве — два года гитлеровского концлагеря.

В конференции принимали участие делегаты стран Юго-Восточной Азии — Ирана, Индии, Бирмы, Тайваня, Филиппин, Южного Вьетнама (на пути в ООН охваченного войной Северного Вьетнама все еще высился барьер, возведенный мощными усилиями Соединенных Штатов).

...Экземпляры своего доклада я разложил в фойе, на специально отведенных столах. Успел заметить, как охотно начали его разбирать. Но уже в зале заседаний сидевший рядом иранец, человек прогрессивных, как оказалось, взглядов, открыл мне глаза на происходящее: «Мистер Махмутов,

ваш доклад прямо-таки расхватывают целыми пачками, через час там ничего не останется... Правда, на вашем месте я бы этому не особенно радовался, ведь стараются те, кто не хочет, чтобы читали другие».

Что ж, оставалось успокаивать себя тем, что уж на трибуне-то мне не смогут помешать расторопные детективы.

Конференция проходила продуктивно. Выступавшие предлагали разные подходы к системе финансирования, к поиску его источников, к проблеме отдачи от денежных вкладов.

Южный Вьетнам, Тайвань больше нажимали на то, чтобы международное сообщество просто помогло им взять необходимые для развития просвещения суммы у «богатых» государств.

Мой доклад, надо признать, слушали с большим вниманием. Я рассказывал, как мы проводили ликбез в послереволюционные годы, как мобилизовали весь народ, как изыскивали средства. Когда объяснял, что народное образование в СССР существует не за счет налогов с населения, а за счет прибыли с производства, то красноречивей всех цифр оказался процент национального бюджета, централизованно отчисляемый на нужды образования. Моей задачей было показать преимущества нашей системы, и, кажется, удалось этого добиться.

На международной конференции ЮНЕСКО по финансированию образования, г.Бангкок. Таиланд. 1964 г.

На приеме у министра просвещения Таиланда господина Малакуна, г. Бангкок. 1964 г.

Я продолжаю встречаться с информацией о Таиланде то в газетных репортажах, то в телепередачах. Страна, ставшая крупнейшим экспортером риса, старательно подгоняет свою столицу под европейские стандарты. Все неуютнее древнему королевскому дворцу Чахри и храмам в тени небоскребов Бангкока.

А у меня сквозь это смешение экзотики и модерна проступают в памяти картинки того далекого уже апреля. Раскаленные солнцем, и все равно сырые тропики, в тяжелом воздухе неподвижно и низко висят выхлопные газы. Отчетливо слышится запах жареного лука — готовят там прямо под открытым небом, живут зачастую просто в лодке, посреди многочисленных каналов дельты Менам — Чао-Прайя, а если и строится хижина, то доски прибивают через одну, чтобы хоть немного продувало. Забот у тайцев хватало и тогда, но не припомню, чтобы мне встретилось хоть одно печальное лицо, чтобы кто-нибудь посмотрел на меня недружелюбно. Заметно почти культовое служение чистоте. Даже если на ком-то одежда и старая, но уж непременно добела отстиранная, аккуратно подштопанная. И еще одно впечатление от «страны улыбок» — буквально каждая жительница могла бы служить образцом малайского типа красоты.

Таким и запомнился мне Таиланд: гордость и очарование, не меркнущие даже от соседства с откровенной бедностью...

Алжир (1965)

Север Алжира — плодородные красноземы вдоль всего берега Средиземного моря. 30—40 км южнее — гряда гор Атласа. За горами идет бескрайняя пустыня Сахара, сначала каменистая, потом песчаная. Только редкие оазисы точками отмечены на карте страны. В один из таких оазисов мы приехали познакомиться с неграмотностью и работой по ее ликвидации. Для меня это была интереснейшая экскурсия и встречи с арабами пустыни, алжирскими бедуинами.

Оазис Бу-Саада в Сахаре — несколько квадратных километров пальмовых рощ (есть вода!), глинобитные дома в один-два этажа. Широкие улицы с небольшими барханами посредине… Мастерские ремесленников — они обслуживают торговые караваны, идущие из соседних стран.

Трудное, очень трудное время переживала страна. Только что закончилась кровопролитная восьмилетняя война с французскими колонизаторами. В процентном отношении Алжир потерял в ней столько же людей, сколько мы в Великой Отечественной. Надо было поднимать хозяйство из разрухи и, конечно же, готовить для него национальные кадры.

Бен Белла

Бен Белла — первый президент освободившегося после восьмилетней кровавой войны с Францией независимого Алжира. Позади многолетняя война против французских завоевателей, покоривших Алжир в 1830-х гг. Вождем алжирцев тогда был легендарный эмир Аль-Кадр, такой же популярный в народе, как Шамиль в Дагестане.

В 1965 г., когда мы с Дидье Лёсефом прилетели из Парижа в Алжир, там президентом был Бен Белла, человек высокого роста, с широким бледноватым лицом озабоченного человека. Во время войны он сидел во французской тюрьме, затем был в эмиграции в Швейцарии. Оттуда он руководил подготовкой страны и народа к борьбе против французских колонизаторов за национальную независимость.

А здесь в стране, покрытой сетью партизанских баз, руководил Бумедьен… Весьма религиозный мусульманин. Он снабжал повстанческую армию оружием. То ночами вдоль берега Средиземного моря под флагом рыбацких шхун, то верблюжьими караванами через всю Сахару (тысячи

километров!) везли советские автоматы и пулеметы с боеприпасами. Передавал оружие Египет, а поставлял Советский Союз.

Бен Белла дружил с Гамаль Абдель Насером — президентом Египта. Говорили, что он собирается жениться на дочери Насера. Теоретический лидер борьбы алжирского народа за независимость, какой он придерживался теории освободительной борьбы? В кабинете Бен Беллы висел портрет татарского революционера М. Султангалеева, известного на мусульманском Востоке автора теории национально-освободительного движения мусульманских народов России, погибшего в 1930-е гг. от рук Сталина... Портрет я видел мельком, правда, знал в тот момент историю этого деятеля только понаслышке, но имя профессионально запомнил. О Султангалееве я узнал позже, рассказали татарские историки.

Для начала нашей работы требовалась первичная информация о грамотности в стране. Но... нам не смогли помочь ни в одном департаменте госаппарата. С виду там все было как надо: уютные кабинеты, изящные металлические столы, разноцветные телефоны, предельная доброжелательность и огромное желание чиновников быть полезными. А за всем этим — полная некомпетентность в делах. Никто не знает, где что лежит, как обработать письмо, составить документ, как обращаться с тем или иным вопросом... Ведь кто пришел в государственный аппарат после революции? Мы расспрашивали сотрудников и узнавали, что один прежде был врачом, другой — учителем, кто-то — курьером, торговцем или студентом, недоучившимся из-за войны. Столь же безотрадная картина обнаружилась и в министерствах труда и образования.

Итак, мы потратили целую неделю на бесплодные поиски хоть каких-то данных. В результате пришлось вместе с представителями министерства просвещения приниматься за ту «черновую» научную работу, о которой они раньше и слыхом не слыхивали. Поехали по провинциям, префектурам, обходили современные предприятия, кое-где вели социологические исследования, выборочно анкетировали рабочих. Выясняли на местах наличие школ, учителей, учебников. Потом собранные сведения подробно обговаривали с алжирскими коллегами: Лёсеф — по-французски, я — по-арабски; сводные таблицы заполняли по-английски.

Горькие плоды неграмотности встречались нам повсюду. Вспоминаю небольшой завод в Аль-Аснаме. На наших глазах остановилась поточная линия — что-то сломалось в одном станке. Минут двадцать рабочий пытался оживить станок, дергая за разные рычаги, нажимал на все кнопки подряд. Потом полчаса искали механика, единственного на весь завод. А на само

устранение поломки понадобилась всего минута: оказалось, просто разболталась и отскочила гайка, нужно было ее найти и элементарно затянуть болт. Вот такая типичная арифметика простоев на предприятии.

«Рабочий не виноват, — объяснял нам директор. — Оборудование, оставшееся от колонизаторов, — современное, сложное, управляться с ним под силу только грамотному человеку. А наши станочники, хорошо, если одну операцию освоят... Нам срочно нужна программа профессионального обучения! Не пожалеем никаких денег, слишком много теряем на этих простоях.

...Накапливалась усталость. То, чем должно заниматься целое министерство не один месяц, нужно было сделать двум экспертам за восемь с небольшим недель. Собирали информацию с утра до вечера, до двух-трех ночи шла ее обработка. Да еще ежедневные дискуссии, обсуждения с представителем префектуры. В результате наутро — сон с открытыми глазами: тебе говорят о чем-то, а ты не понимаешь слов, начинаешь объяснять сам — и теряешь логику рассуждений.

Вынужденный режим давал себя знать. Из наших отношений с Лёсефом куда-то улетучилась наработанная простота, ясность. То и дело возникали споры, конфликты, разногласия.

Становилось очевидным, что в отпущенный срок нам не уложиться, и министерство просвещения Алжира телеграфировало в Париж просьбу продлить командировку экспертам еще на месяц.

Более двух миллионов квадратных километров занимает Алжир, но обжита только узкая его полоса на севере, по побережью Средиземного моря. Впрочем, мы с Лёсефом очень скоро поняли, что эта освоенная территория не так уж мала, потому что поездить нам пришлось от Орана на самом западе до Аннабы на востоке, через горы, пустыни, по плохим дорогам, а то и без дорог...

В министерстве нас сразу поставили перед фактом: «Автомобили для экспертов еще найдутся, а вот с шоферами совсем туго. Если водите машину, тогда «нон проблем» — вот вам ключи, водительских прав не нужно, пользуйтесь любым гаражом, бензоколонкой, все будет оплачено».

В новеньком «Рено» я поездил ровно два дня, но и этого времени вполне хватило, чтобы убедиться: у каждого из алжирских шоферов свое собственное толкование правил автовождения. Есть, правда, и общая особенность — всем им очень нравится гонять по узким улочкам, как по степи широкой... На третий день пошел в министерство, чтобы поделиться своими наблюдениями, а там меня уже ждал шофер. Наш куратор торжественно представил его мне, и я с удовольствием отдал ключи от машины Рашиду.

Маленький алжирец Рашид. Из очень бедной семьи на окраине алжирской столицы. Все время в машине пел боевые песни партизан. «Уддам, уддам!» (вперед, вперед!) — постоянно припевал он. Он был тяжело ранен в каком-то бою с французами и долго лечился в Тунисе. Братские страны помогали чем могли.

Рашид не только лихо вписывался в то, что мне казалось не по силам, он еще и приблизил меня к пониманию характера простого алжирца. Бесхитростный и вечно чуть подвирающий; легко идущий на контакт, но четко знающий, что такое субординация; не нахальный, но и выгоды своей не упустит...

Как-то по дороге в Оран остановил нас полевой жандарм в форме, при оружии. Рашид вышел из машины и долго, оживленно жестикулируя, что-то доказывал стражу порядка. Я хотел уже было вмешаться, когда Рашид вернулся и объяснил: выехал без документов, а шоссе правительственное, требуют удостоверение.

После секундных раздумий, понимая некоторую комичность происходящего, я протянул Рашиду свой дипломатический паспорт. Но и на этот раз собеседование с жандармом не принесло результата.

— Здесь только ваша фамилия и страна, откуда вы прибыли, — объяснил Рашид.

Нашел в бумажнике визитные карточки.

— Может, это сгодится? Здесь даже мой домашний адрес обозначен.

— А что, вы министр? А то, что профессор? — не унимался Рашид.

— И это есть, — успокоил я его.

Он схватил визитку и помчался к перекрестку.

Через минуту мы снова были в дороге. Рашид долго ерзал на своем сиденье, потом не выдержал и, не снижая скорости, обернулся ко мне.

— Йа, сиди! («мой господин»). Я видел у вас много таких документов. Вы можете подарить мне один?

— Зачем тебе? — удивляюсь я.

Он в ответ загадочно улыбается.

— Ну, если надо, возьми.

Рашид останавливает машину, старательно прикрепляет карточку к ветровому стеклу и, как всегда, мгновенно набрав скорость, довольно произносит:

— Пусть теперь они попробуют остановить машину советского министра!..

Среди намеченных программой адресов были и рудники Уэнзы, стиснутой горами. Машиной добираться туда из Аннабы не день и не два. Пошел

просить самолет. В правительственном ангаре нашлись две авиетки. На французской, трехместной, конечно же, полетел Лёсеф с сопровождающим из министерства. Мне осталось воспользоваться двухместным американским прогулочным самолетиком.

День был пасмурный, облачность низкая. В просветах между тучами проплывали под крылом безжизненные, разрушенные войной деревни... У пилота-алжирца не было в кабине ни приборов, ни карты; он полагался только на память, сверяя ее с тем, что удавалось увидеть сверху.

По времени давно должна быть Уэнза, но вдруг вместо нее прямо по курсу — круто уходящая в облака гора. Летчик едва успевает взять штурвал на себя, и мы свечой взмываем вверх. Вынырнув из облаков, оказываемся в небольшой котловине, как выясняется, пилоту совершенно незнакомой. Со всех сторон горы, а горючего — в обрез.

— Что будем делать? — доносится сквозь шум винтов.

Как же по-арабски сказать ему: «Сажай на пузо»? С помощью слова «живот», наконец, объясняю, какой предлагаю выход.

— Не смогу! — кричит пилот. — Шасси у этого самолета не убираются. Держитесь крепче, попробуем сесть на дорогу!

Стих мотор, только ветер свистит в крыльях. Земля надвинулась внезапно. Резкий удар, оглушительный треск, — и дальше я ничего не помню...

— Йа, сиди! — трясет меня пилот. — Придите в себя, все уже позади.

Оказалось, я потерял сознание, сильно ударившись о стойку при посадке. А самолет наш, прежде чем врезаться в землю винтом, подломил шасси, что нас и спасло, амортизировало удар. Удачным было и то, что вездесущие мальчишки (деревню, скрытую скалами, немудрено было не заметить, поняли, что с нами в воздухе происходит неладное, подняли тревогу).

Можете представить себе нашу радость, когда мы увидели, как по затерянному среди гор проселку, пыля, движется спасительная автомашина.

Воспользоваться врачебной помощью, дозвониться до Уэнзы, мимо которой мы промахнулись на 70 километров, и услышать голос Лёсефа, добравшегося без происшествий, было делом нескольких часов.

В гостях у бедуинов

Как я попал в Сахару? Дело в том, что основную тяжесть алжирской революции вынесли на своих плечах неграмотные крестьяне-батраки и жители песков — бедуины. Надо было учесть их интересы и включить некоторые сельские районы в программу ликбеза, тем более что по ней и денежная

помощь предусматривалась. Поэтому алжирское правительство просило нас не ограничиваться работой в одних только промышленных районах. Итак, мы отправились в оазис Бу-Саада.

...Песок, камни и песок. Действительно, забытые богом места. Правда, дорога вполне накатанная — туристы добрались и сюда. Оазис возникает, как чудо, как мираж. Впечатляющий контраст: желто-серая мертвая пустыня, которая по душе разве лишь змеям да скорпионам, и вдруг — голубая вода ручья, ухоженная зелень «королевских» пальм, людные улочки, оживленные перекрестки.

Все население оазиса Бу-Саада — тысячи три человек. Основное занятие — ремесленное производство почти всего необходимого для жителей пустыни: одежды и обуви, керамической посуды. Ну и, конечно, обслуживание караванов, уже не только верблюжьих, но и с поправкой на век, автомобильных, туристских. Несколько сувенирных мастерских, небольшие, живописные базарчики. Маленькая одноэтажная гостиница со стеганными, ватными, спасающими от неимоверной жары занавесками на окнах, именуется, как и сотни лет назад, караван-сараем.

Переночевав, снова трогаемся в путь. Без Лёсефа. Он, сославшись на головную боль, остался в оазисе, в прохладном караван-сарае. Что ж, его можно было понять... А нас — меня, одного из работников министерства просвещения и представителя местных властей — повез в глубь пустыни все тот же неутомимый, никогда не унывающий Рашид.

Бросаю прощальный взгляд на оазис: крайний дом почти под самую крышу занесен песком. Интересуюсь, почему никто не расчищает.

— Зачем? — слышу в ответ. И специально для меня, недогадливого: — Завтра ветер подует в другую сторону, вот бархан и уйдет. Сам, без нашей помощи.

Дорога становилась все хуже, потом кончилась совсем, упершись в какую-то глинобитную развалюху. В ее короткой тени сидели кружком прямо на песке десятка полтора бедуинов. Увидев нас, два почтенных старца поднялись, неспешно приблизились к машине, поздоровались. Я впервые увидел ритуал местного приветствия весь, целиком. Бедуин правой рукой прикасается сначала к сердцу, затем ко лбу, после чего берет обе ладони гостя в свои и в завершение целует его в плечо. Только после этого происходит собственно знакомство. Нас расспрашивали, кто мы и откуда, а мы, в свою очередь, узнали, что попали к бедуинам, собравшимся на сезонную стрижку овец.

По традиции последовало приглашение разделить трапезу. Как арабист я знал: отказаться — значит смертельно обидеть хозяев.

Бедуины потеснились, освобождая гостям место в кругу, в центре которого на полотне землистого цвета высилась горка сушеных фиников. Со всех сторон потянулись ко мне заскорузлые, изрезанные как такыр трещинами ладони с этими финиками. Старейшина произнес: «Молока гостю!» Полилась из бурдюка белая густая струя в закопченный, один на всех котелок и пошел он по кругу, приближаясь ко мне. Я взял этот липкий от кизячной сажи котелок с овечьим молоком и, отдув от края то ли соринки, то ли пустынных букашек, сделал глоток. Обтер тыльной стороной ладони губы, как это делали все, сказал с поклоном: «Шукран джязилян!» («большое спасибо»), затем добавил: «Хорошее молоко, вкусное».

Бедуины зашептались: «Принял угощение, принял, понравилось!» Дальше разговор пошел совсем легко.

Прощаясь, бедуины подробно объяснили дорогу к ближайшему кочевью. Километра через полтора, когда машина окончательно забуксовала, мы, увязая по щиколотку в песке, пошли пешком. Было как-то не по себе. Казалось, в целом мире только эта зыбкая пустота, раскаленный сухой воздух да варанчики, которые то и дело, прыснув из-под ног, мгновенно снова зарывались в бархан.

Шатру пастухов я обрадовался, как родному дому. Нас принимали на мужской половине. Угостили пшеничной кашей с медом и петухом, подали кофе по-бедуински: в маленькой чашке буквально две ложечки густого ярко-зеленого зелья, похоже, чистого кофеина, так как бодрости хватило надолго. Я разглядывал жилище: ковер на полу — он одновременно служил и скатертью, стены из верблюжьей шерсти, не то катанной, не то тканой. Снаружи доносилось тонкое блеяние козочки, привязанной к колышку возле шатра. А вот с женской половины за два часа общения с мужчинами не услышали мы ни голоса, ни шепота, ни детского плача.

Разговор у нас шел серьезный. О житье, о трудном быте бедуинов и, естественно, о просвещении. Как ни странно, не всем мешала неграмотность.

«Мохаммед был неграмотным, а стал пророком, — то и дело слышали мы. — Зачем нам эта учеба? Чтоб быть выше самого Мохаммеда…»

Убеждать приходилось не только словом. Как ни странно, одним из веских аргументов в мою пользу оказался следующий забавный эпизод.

Едва мы покинули шатер, как мне привели молодого арабского скакуна, горячего даже с виду. Мой оппонент в недавнем разговоре, хитро прищурившись, спросил: «Ты ведь татар?.. Татар на коне ездить не разучился?»

Не мог же я признаться, что мой джигитский опыт ограничивается далеким деревенским детством. Стараясь выглядеть как можно молодцевато,

я пошел к коню, а в голове только одно: позор, если ты, как мешок, свалишься с коня, но не лучше, если будешь карабкаться на него, как старый дед на печку.

А седло — арабское, передняя и задняя луки высоченные... Не скажу, что взлетел на коня птицей, но, судя по то ли одобрительным, то ли ободряющим возгласам, сел довольно прилично. Веселый араб передал мне поводья, и тут мой скакун мгновенно встал на дыбы, видно почуяв чужого. Я осадил, вспомнив все-таки, как это делал когда-то, и сумел более-менее благополучно погарцевать минуту-другую.

Бедуины оценили этот импровизированный конкурс безошибочно.

— Видно, коня ты знал. Но знал очень давно.

Столько сил ушло у нас на подготовку программы, что Лёсеф, как говорится, «сошел с круга». Мне пришлось одному следовать по высоким алжирским инстанциям, доказывая с документами в руках, что программа реальна, а не взята с потолка. В ответ слышал однозначное: «Слишком мало денег вы заложили в смету расходов, с такой мизерной помощью от ЮНЕСКО нам эту глыбу не поднять».

Ничего не оставалось делать, как быть настойчивым, и, в конце концов, победило известное правило: в любом деле важнее всего не опускать руки, верить в успех. Он и пришел — после долгого разговора с моим тогдашним коллегой, министром просвещения Шерифом Бель-Касимом.

Все это время Лёсеф отсиживался в особняке своих земляков — французов, был почти невменяем, ничего хорошего не ждал, ни во что уже не верил.

...И вот в день, когда все решилось, я, радостный, приезжаю к нему. Лёсеф сидит, забившись в кресло, кутаясь в старую кофту. Небритый, похудевший, глаза впалые, невидящие.

— Лёсеф, — говорю, — я программу нашу «продал»!

А он не слышит. Повторяю еще раз. Еще. Тот же результат.

И вдруг вижу, как у этого солидного мужчины из глаз начинают катиться слезы. Он долго не мог успокоиться, и я не решался его успокаивать: понимал, что сейчас просто необходима нервная разрядка. Ведь он ставил на карту свой завтрашний день, благополучие семьи, карьеру троих сыновей. И все-таки я дождался, когда Лёсеф насухо вытер слезы и, пожав мне руку, произнес:

— Спасибо за благую весть, коллега. Я, кажется, готов к дальнейшим действиям.

Итак, алжирское правительство приняло нашу работу. Газеты и телевидение фиксировали едва ли не каждый этап утверждения этого первого в истории республики стратегического плана наступления на неграмотность.

Но... был холодный душ в Париже. Снова пришлось целую неделю доказывать чиновникам ЮНЕСКО, что программа составлена оптимально. Нас терпеливо и внимательно выслушивали, но в ответ звучало непреклонное: «Дорого! Слишком дорого. Доля помощи одной стране чрезмерно велика».

Я видел, как трудно переживает эти неожиданные осложнения Лёсеф. Он не скрывал, что боится потерять работу, если не будет принята программа, его место тут же займет кто-то более удачливый. Когда я предложил ему обратиться за авторитетной поддержкой, скажем, к профессору Дебюве (это имя уже упоминалось в самом начале), он руками всплеснул и сказал: «Как же это мне самому в голову не пришло! Я ведь у него учился в Сорбонне... Да-а, мсье министэр, теперь я понимаю, почему вы — министр».

Шутки шутками, а Дебюве нам здорово помог. Внимательно прочел наши выкладки, убедился, что расчеты сделаны правильно, научно и доказательно, посоветовал кое-какие мелочи из тактических соображений подправить. Столь же ответственно изучив работу, дал положительное письменное заключение и Ле Тан Кой. Видимо, и здесь помог пусть небольшой, но продуктивный опыт нашей совместной работы в ЮНЕСКО. Поддержка таких авторитетов сделала свое дело, программу взяли на повторную рецензию и, в конце концов, приняли.

Две программы, директора департамента и наша, были признаны лучшими из всех подготовленных в тот раз экспертами. Они и легли в основу общего, базового плана деятельности ЮНЕСКО по ликбезу на «коллективном» принципе.

…Как-то зашел у нас разговор на тему «богач — бедняк» с другом, который лет семь работал в Америке. И вот какое печальное открытие я сделал: американскому безработному совсем необязательно умирать с голоду. В одном только Нью-Йорке три тысячи очень дешевых, в основном китайских ресторанчиков. Их «клиентами» можно стать, не имея в кармане ни гроша. Достаточно только утром занять место в очереди за объедками со вчерашнего стола, их выносят на подносах специально для безработных. Да, выжить ты можешь. Только забудь на время о человеческом достоинстве.

...И видятся мне сушеные финики на коричневых крестьянских ладонях, льется овечье молоко из старого бурдюка...

На моем пути повстречался удивительный город. На карте Алжира его легко найти неподалеку от Аннабы. Красивый, экзотический город на высоченной одинокой скале, от подножия которой во все стороны разбегаются зеленые холмы виноградников. Построили его очень давно, еще до нашей эры и было у него совсем другое имя, но в четвертом веке город стал называться Константина — в честь великого римского императора.

Точно посередине Константину рассекает отвесная, будто гигантским топором прорубленная, кажется, бездонная пропасть. Берега ее соединяет аккуратный мост, возникший, вероятно, вместе с городом. Стоя на нем, видишь окрестности, как с высоты птичьего полета.

Привел меня сюда, на античный мост, чиновник из местной префектуры, как оказалось, большой знаток родной истории.

— На той стороне, — показывая рукой, начал рассказывать он, — обитали самые зажиточные люди. Сначала — знать Финикии, Нумидии, потом римские патриции. Следом за ними — деи, которые угнетали народ, но сами при этом были вассалами турецкого султана. Наконец, французские колонизаторы, уж их-то я слишком хорошо помню... А на этой стороне всегда, при всех правителях, и чужих, и собственных, ютилась чернь, беднота. Мост действительно вел через пропасть, он отделял роскошь и сытость от полной нищеты. А теперь, — с гордостью закончил он, — мост ведет от брата к брату!

Война за независимость дорого обошлась этому арабоязычному народу... Восемь лет, полтора миллиона убитых, сотни разрушенных городов и селений… По какой же шкале оценивать «кирямэт» — достоинство человека, народа, человечества?..

Иосиф Брос Тито

Никогда не думал, что, полетев в Алжир, мне придется встретиться с президентом Югославии. Иосиф Брос Тито, герой Югославии, легендарная личность времен Второй мировой войны. Это он, югославский коммунист, создавал партизанские отряды сербов, хорватов, боснийцев, черногорцев, македонцев и вел их на битву с фашистскими оккупантами, которые боялись Тито больше, чем советских генералов. Это он стал ведущим лидером народов Югославии в войне против фашистской Германии, сплотив многонациональный народ Югославии на поистине героическую борьбу, в которой маленькая страна из 12 миллионов населения потеряла полтора миллиона своих сынов и дочерей, в процентном отношении столько же, сколько и Советский Союз.

Полноватый, чуть выше среднего роста человек поздоровался за руку со всеми, кто встречал гостей в этом большом зале префектуры Орана на самом западе Алжира. Пожимая руку Тито, я приветствовал его на русском языке. Он заинтересованно спросил, откуда я. Узнав, что из Союза, из Казани, улыбнулся и сказал:

— Я помню этот город на Волге…

Встречи были в городе Оран (по-новому — Вахран) на западе страны. Мы приехали с Лёсефом в этот город, чтобы собрать информацию о состоянии неграмотности. Одновременно с нами приехали туда два президента — Бен Белла и Иосиф Брос Тито. В здании губернатора нас опросили КГБшники Югославии, личная охрана Тито. Удостоверившись, что «свои», они спокойно пропустили нас в зал, куда должны были войти два президента…

Аскату!

В октябре 1964 г. я был приглашен ЮНЕСКО на научную конференцию по ликвидации неграмотности в арабских странах. Конференция проходила в древнем и красивом городе на берегу Средиземного моря, основанном, по преданиям, еще Александром Македонским — в Александрии, втором по величине городе Египта. К полумиллионному населению города в летнее время добавляется еще два миллиона отдыхающих...

Иностранцы выступали на английском и французском языках. Речь приезжего из СССР министра на арабском языке присутствующие приветствовали аплодисментами, телевизионщики даже попросили меня повторить начало выступления (приветствия)...

Утром следующего дня я встал раньше многих — была договоренность с советским генконсулом в Александрии пораньше выехать в Каир.

Дежурный администратор отеля встретил меня внизу возгласом «Аскату!» («Сбросили!»). Я сначала не понял, он повторил: «Аскату Хрущев!» Я не верил своим ушам, как это «аскату», такого, чтобы сбросили генсека в нашей советской стране, не бывало. Я не сразу нашелся что сказать, ответил что-то вроде не бывает у нас «аскату», он, наверное, ушел по болезни. «Нет, аскату, аскату, — настаивал молодой араб. — Вот увидите в газетах!» — воскликнул он.

Я начал звонить консулу. По телефону не решался сказать, что «аскату», но настойчиво убеждал его, что надо бы выехать пораньше... Мы договорились выехать в восемь часов.

Как только сели в машину, я огорошил его новостью номер один: «Сняли Хрущева», — сказал я. Он, сидевший впереди, резко повернулся ко мне и строго сказал: «Такими словами не шутят!» Мы заспорили. Собственно, у меня не было других доказательств, кроме сообщения клерка. Консул считал, что это невозможно, я настаивал на информации… Слушавший наш спор шофер (обычно работник КГБ) вдруг резко сказал: «Почему невозможно? Давно надо бы!»

Мы решили найти по дороге утреннюю газету и самим узнать новость. Вскоре у придорожного киоска остановились и купили газету. На нас смотрели две физиономии — хмуро опущенной вниз головой исподлобья глядел Хрущев и с поднятой вверх с полуулыбкой смотрел Брежнев. Можно было не читать, все было понятно. Это было сообщение о пленуме ЦК КПСС о снятии Хрущева с поста генсека. Мы переживали новость, необычное для себя состояние: наше прежнее сознание не допускало этого факта.

В посольстве тоже было растерянное замешательство. Люди кучковались в коридорах и кабинетах, не доверяя иностранной прессе, а своей не было. Я слышал, как пытались получить информацию у корреспондента «Известий», полагаясь, что ее редактор — зять Хрущева — мог сообщить своим.

Наконец пришло официальное сообщение из Москвы, подтверждающее факт снятия Хрущева. Посол срочно выехал в МИД Египта, чтобы подтвердить неизменность нашей политики по отношению к этой стране. Такова была его первая обязанность.

Наш консул в Александрии не был похож на дипломата в моем представлении, он еле говорил по-английски и совсем не знал арабского языка, он не был расторопным образованным дипломатом, возраст тоже был давно пенсионный. Пренебрежительное отношение к стране выражалось в такой детали, как посылка в Египет генконсулом такого старичка. Кто-то мне пояснил, что его прислали сюда «на кормление» по блату.

...Как-то ехал он на служебной машине по своим консульским делам в мэрию города. Вдруг жена его, как мне сказали, сварливая по характеру женщина, скомандовала шоферу: «Стой!» И, повернувшись к мужу, сказала: «Слезай! Я забыла, что мне сегодня надо к портнихе заехать». На его недоуменный взгляд и слова о срочности встречи с арабами невоспитанная русская баба, о каких говорят «конь с яйцами», накричала на мужа и вытолкала его из машины со словами: «Слезь, сказала! Пешком доберешься!»

Вот и такие кадры дипкорпуса работали за границей. Года три назад я встретился в Каире с советником по культуре (должность в посольстве) Сметаниным. До приезда сюда он был на руководящей работе, кажется, в Радиокомитете. Хотя Сметанин и не знал арабского, я слышал, как он довольно сносно объяснялся с арабами на английском языке. «Моего» консула невозможно было даже рядом поставить с этим образованным и энергичным человеком, который, конечно же, мог проводить политику своей страны за рубежом, мог создать у иностранцев впечатление о том, что советские люди «не лыком шиты».

МИД часто посылал на ответственную работу за рубеж совершенно некомпетентных людей, да и сами посылавшие не имели чувства ответственности, «на кормление» ехали родственники, друзья, позвонковые и номенклатура. Все-таки за жалованье даже небольшого дипломата можно было за год накопить на автомобиль, который им продавали по льготной цене у себя на родине. Так дипкорпус постепенно пополнялся бывшими партработниками разного уровня, часто недостаточно или же вовсе необразованных людей, которых тогда было множество в управлении страной.

Говорят, что со стороны виднее. Короткая беседа не дает основания оценивать человека. Но иногда он оставляет впечатление, часто просто догадываешься, с кем имеешь дело, каков твой собеседник. Они и сами говорят о дипкадрах. Среди послов, с которыми мне удалось поговорить, я встречал и умных, образованных, опытных дипломатов, таких, как Пегов в Алжире, Е. Афанасенко в Конго (Бразза), А.Б. Аристов в Польше, Бенедиктов в Индии, Николай Николаевич (забыл фамилию) в Таиланде. Их было не очень много. Конечно, в «главных» странах были опытные дипломаты. И сейчас иногда выступают на ТВ «зрелые мужи» типа Воронцова, который теперь пошел служить в ООН заместителем самого Кофи Аннана. Из новых, достойных дипломатов можно назвать, например, Чингиза Айтматова — известного в мире писателя, теперь посла Кыргызстана в Бельгии...

Послы (1964)

Послы — это представители того или иного государства в другом государстве, так сухо можно ответить на вопрос «Кто же такой посол?». Ну а о содержании работы послов? Огромно, сложно, таинственно и очень важно.

Посол СССР в братской Польской республике Аверкий Борисович Аристов был интересной личностью. Один из близких друзей Н.С. Хрущева был «сослан» в Польшу за несогласие с генсеком в вопросах разделения партии на городскую и деревенскую. Когда я приехал в Варшаву, он был с польскими друзьями на рыбалке. Раньше я с ним виделся у него на московской даче, куда нас, казанских педагогов, пригласила его жена Людмила Павловна. Она писала кандидатскую диссертацию в Казани.

Для меня все было интересно: не каждый день простой советский человек может так запросто за обеденным столом общаться с членом Политбюро КПСС. Как тогда, помню, на даче мы сидели пили чай (и не только). Вдруг хозяина дома попросили к телефону. Вернувшись, он кратко рассказал, как в Конго (тогда еще бельгийском) восставшие негры захватывали власть.

Они захватили бельгийский женский монастырь. Чернокожие повстанцы, в основном полудикие, неграмотные, но вдохновленные идеей освобождения от колониальной зависимости от прекрасно живущих в их стране европейцев, начали насиловать белокожих монашек, большинство которых было миссионерами в этой африканской стране. Они приехали для распространения католицизма среди полудиких негров, в душе своей свято веря в благие дела своих соотечественников. Европейская печать подняла шум.

Здесь в Варшаве мы сидели за столом вдвоем, Аверкий Борисович рассказывал о делах в Польше, угощая меня рыбными деликатесами:

— Люблю рыбу как рыбак.

— А как охотник? — спросил я.

— Как охотник знакомлюсь с местными начальством и дипломатами, — разъяснил он мне суть своей «охоты» за информацией.

Париж (1965—1976)

«Пари, се пари», — говорят французы. Как-то летел я в самолете, битком набитом черноголовыми ребятишками от 10 до 17 лет (тинэйджеры). Они галдели на каком-то непонятном мне языке. Потом я скорее догадался, чем узнал, это были армянские дети, вернее, французские дети армянского происхождения. Их вывозили на каникулы в Армению, и теперь они возвращались домой... «Пари, се пари» («Париж, это Париж»), — громко хором закричали дети, когда объявили, что самолет подлетает к столице Франции.

Я попал в Париж после операции, которую мне сделал Вишневский. Он разрешил мне вылететь, я его уговорил вроде.

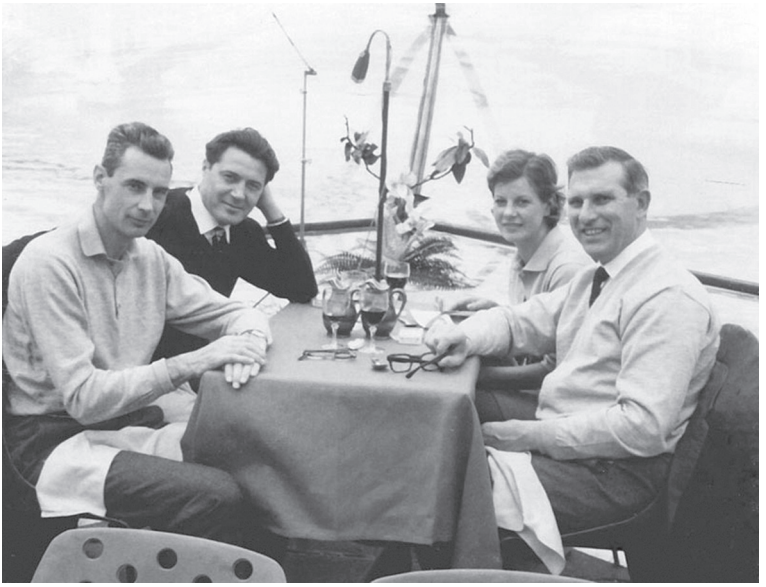
Про Париж я ничего не написал. Знал, что о нем много написано талантливыми писателями и артистами. Еще и потому, что, видимо, во мне родилась какая-то апатия к воспоминаниям. А можно было бы много интересного сказать об этом удивительном городе-музее, увиденном глазами провинциального интеллигента из СССР. Я не был ни в Мадриде, ни в Лондоне, но думаю, что Париж — это тысячелетняя история европейской культуры, одного из лучших уголков ее.

Часть этой культуры я увидел в Лувре, музее, где выставлены только оригинальные вещи, нет ни копий, ни подделок. Даже «Мона Лиза» Леонардо да Винчи здесь оригинал. Этому знаменитому шедевру отведена большая стена, на ней ничего, кроме Лизы, нет, в то время как все другие стены музея битком набиты картинами...

Мне удалось трижды побродить по многочисленным залам Лувра, с восторгом смотрел я на шедевры галереи импрессионистов, интерьеры

церкви Мадлен, на статуи на площади Конкорд, гробницу Наполеона, собор Сакре-Кёр в римско-византийском стиле на самой вершине холма Монмартр. Оттуда виден весь Париж, расположенный на равнине вокруг этого холма и разрезанный пополам медленно текущей Сеной, на одном из островов которой расположен древнейший центр Парижа с Нотр-Дам де Пари (собор Парижской богоматери). Виден и Булонский лес, который во второй половине XX в., после многолетних споров «да или нет» высотному городу, был застроен небоскребами. Незабываемое впечатление от прогулки по знаменитой центральной улице Парижа — Шанз-Элизе (les Champs-Elysees) — библейские Елисейские поля. Один конец этой широченной улицы с рядами шикарных магазинов, редакций газет и журналов, дворцов и диковинных строений упирается в сад Тюильри, на другой стороне которого расположен музей Лувр, конец улицы виден издалека — там стоит знаменитая Триумфальная арка. По телевидению Париж, как правило, показывают именно с этой стороны.

Пари, се Пари... Лучше всего меня познакомили с городом мои коллеги — сотрудник ЮНЕСКО Дидье Лёсеф, с которым мы три месяца разра-

Прогулка по Сене в Париже с профессором Сарбонны Мишелем Дебюве (рядом с Мирзой Исмаиловичем) и его немецкими друзьями из Бонна. 1965 г.

батывали программу ликвидации неграмотности в Алжире, возил меня дня три по городу, и профессор Сорбонны Дебюве. С Дидье мы познакомились на конференции по финансированию образования в странах Юго-Восточной Азии в Бангкоке (Таиланд). Дебюве организовал прогулку по Сене на туристическом теплоходе с прозрачной пластиковой крышей и рестораном на палубе. Дебюве любил свой город и знал его историю, архитектуру. «Вот этот древний замок мне не нравится, он портит общий вид города», — полушутя, полусерьезно говорил Мишель, показывая на какой-нибудь дворец XIV или XVI в. «Я, конечно, и небоскребы не разрешил бы строить, превращая Париж в какой-нибудь американский Манхеттен. Здесь архитектура создавалась многими веками (действительно, Нотр-Дам де Пари начал строиться в XII в.!). Это же живая история культуры градостроения!

...Попрошайкам в Париже по закону грозит штраф или тюрьма. Но закон предпринимательства здесь незыблем. Поэтому полицейские не имеют претензий к французам, которые хотя по всем приметам и бездомны, но все же «работают». Кто прямо на улице поет, подыгрывая себе на гитаре, кто рисует тут же на асфальте, кто для отвода глаз держит в руке коробок спичек, мол, торгую... И неважно, что каждый заранее предусмотрел, куда прохожему закинуть мелкую монету. Главное, что в Париже не может быть попрошаек!

Комитет по ликвидации неграмотности

Рене Майо — генеральный директор ЮНЕСКО. Высокий худощавый француз лет 55-ти долго был на своем посту. Прежде он работал в МИДе Франции. При нем я стал членом международного комитета по ликвидации неграмотности. Он обсуждал вопрос о моей работе в Париже, предложил вначале поработать «в поле» — в Дакаре или Бангкоке. Я отказался, там климат не для меня.

Делион — югославский профсоюзный работник. Долгие годы работал директором департамента образования взрослых. Старался получить от стран-членов ЮНЕСКО дополнительные ассигнования на кампанию по ликвидации неграмотности. Ко мне относился терпимо, но без восторга. Видимо, недолюбливал коммунистов. Почему и не вернулся в Югославию после окончания срока контракта, уехал директором Центра ЮНЕСКО в Дели.

Тегеран (1972)

Сессии комитета ЮНЕСКО раз в два года проходили в Париже. Одно время на счете комитета деньги кончились. Последнюю сессию принцесса Ирана (тоже член комитета) Ашраф Пехлеви предложила провести в Тегеране за счет Ирана. Естественно, все 20 членов комитета были «за». Так я тоже, получив персональное приглашение (с билетом за счет «буржуазии»), попал в Тегеран. Тогда это был трехмиллионный город с современными европейскими высотными домами, ультрасовременными мечетями вперемежку со старинными караван-сараями и медресе...

Нас, приехавших из разных стран на сессию комитета ЮНЕСКО, разместили в новой гостинице «Хилтон» на окраине столицы Ирана. За мной закрепили «Шевроле» с шофером Рашидом и обеспечили бесплатное питание в полуподвальном этаже роскошного ресторана отеля. Меню — на выбор, можно приглашать своих гостей.

В один из дней я так и сделал: пригласил в «гости» африканца. Мне поручено было переговорить с представителем Танзании. У нас не было еще дипломатической связи с этой страной (помнится, там власть сменилась), мы потеряли с ними и торговые отношения.

Заседания проходили в здании меджлиса, иранского парламента. В течение недели члены комитета (а там был, например, и президент японской компании «Сони», который демонстрировал электронный аппарат — пособие для обучения грамоте на английском языке) обсуждали ход Всемирной кампании по ликвидации неграмотности, анализировали отчетные материалы, отмечали успехи и неудачи отдельных стран и меры по оказанию помощи им. В каждой стране росло число обученных грамоте, но никто не мог успокоиться: число неграмотных росло еще быстрее. Мы поняли, что рождаемость в бедных странах обгоняет усилия правительств по ликвидации неграмотности взрослого населения. В каждой стране процесс этот шел по-своему. Помнится, эту кампанию у себя в стране хорошо финансировал шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви. Его молодая, окончившая Оксфорд жена Фархад, как и полагается первой леди страны, занималась благотворительностью. Мы видели ее фотографии в больницах и школах, в богадельнях и приютах для сирот. Об успехах Ирана в ликвидации неграмотности и развитии образования с гордостью говорила принцесса Ашраф. Комитет не обладал особыми полномочиями, он был «консультативным», решения экспертов передавались в штаб ЮНЕСКО для принятия решений и рассылались правительствам стран-членов ЮНЕСКО.

Принцесса Ашраф уль-Мулки Пехлеви и ее брат шах Ирана
Мохаммед Реза Пехлеви

В один из дней нам устроили экскурсию в сокровищницу шахов Ирана. Там было все и в золоте, и в серебре, и с бриллиантами, и все искусство ювелиров Востока…

На второй или третий день заседаний мы были приглашены во дворец Пехлеви на кофе к принцессе. В одной из комнат несколько человек сидели вокруг принцессы, где были и сестры шаха Ирана Мохаммеда Пехлеви. (Фотографировать при встречах такого уровня не разрешалось.) Он за счет нефтедолларов успешно проводил «белую революцию»: в стране росло число школ и больниц, все меньше оставалось неграмотных среди крестьян и все больше училось детей. Часть молодежи с помощью государства уезжала учиться в европейские и американские университеты.

В ходе беседы принцесса Ашраф поинтересовалась моим мнением о работе сессии, о впечатлениях от пребывания в Тегеране. Я, конечно же, выразил искренний восторг от по-европейски застроенного центра Тегерана и особенно от его по-настоящему восточного базара. До сих пор с признательностью вспоминаю принцессу, любезно организовавшую нам с Ахмедом Салимом (работник ЮНЕСКО, представитель Индии) поездку в старую столицу Ирана древний город Исфахан. Все было очень интересно,

настоящая глубинка Востока. Последние дни ноября здесь были солнечными, сухими и еще очень теплыми.

Исфахан почти весь сохранился таким, каким он был, вероятно, и триста лет назад. Мы ходили по городу, посетили старый, но по-новому раскрашенный караван-сарай, осмотрели одну из самых древних мечетей Ирана. Это деревянное сооружение не то VIII, не то IX в. Невысокий минарет мечети наш гид начал раскачивать, показывая секрет долговечности сооружения. Затем мы были в лавке художника-оформителя книг. Он показал нам свое мастерство и подарил обоим по маленькому портрету Омара Хайяма, нарисовав его тут же на наших глазах. «Как же вы рисуете, ведь Хайям умер почти тысячу лет назад?» — спросил я художника. В ответ он артистически выразительно прочитал на своем родном красиво звучащем персидском языке пару стихов Хайяма и сказал, что он всегда видит лицо поэта, читая его мудрые мысли и прекрасные картинки из тогдашней жизни.

Хозяин лавки показал нам книгу почетных гостей, и мы прочитали в ней фамилии Черчилля, Монтгомери, Де Голля и еще кого-то из всемирно известных людей, тоже посетивших каждый в свое время этот прекрасный уголок Востока. В Исфахане я увидел Восток таким, каким он представляется после прочтения сказок из «Тысячи и одной ночи».

Но вернемся к встрече с принцессой в ее дворце. Разговор на английском и арабском не получился — Ашраф хорошо говорила только по-французски. Но в кругу сидящих рядом были знающие и английский. Разговор шел вокруг наших общих проблем ликвидации неграмотности. Но в ходе беседы принцесса поинтересовалась моим прошлым.

— Чем вы занимались до того, как стали министром просвещения своей республики? — спросила хозяйка великолепного дворца.

— Я был профессором, преподавателем арабского и татарского языков в Казанском университете, — ответил я и стал рассказывать об этом одном из самых известных даже в Европе старых русских высших учебных заведений.

— А какую работу выполняли еще раньше? — снова спросила Ашраф.

Не мог же я говорить о своей службе в армейской разведке — это могло вызвать особый интерес собеседников и нездоровое любопытство.

— В молодости я работал трактористом, в начале войны пахал и сеял в колхозах Средней Азии.

— Как могли вас, простого тракториста, поставить на должность министра? — несколько удивленно сказала принцесса.

Она всегда незаметно подчеркивала, что она царских кровей. Но я-то знал, что ее дед был простым крестьянином.

— Так ведь я учился в городской средней школе, потом получил довольно солидное высшее образование в одном из престижных московских институтов.

— Я думала, что вы вышли из какой-нибудь богатой семьи, — задумчиво сказала она, видимо, не зная нашей истории и того, что в рабоче-крестьянском государстве не было дворянского сословия.

Я не стал рассказывать о нашей политической системе, она ведь получила образование в Сорбонне и не знала истории Октябрьской революции. Может, не догадывалась и о том, что мне было известно из ее биографии. В 1923 г. бывший крестьянский сын, начальник шахской гвардии майор Пехлеви, совершил государственный переворот. Он поступил очень жестоко — вырезал всю династию Каджаров (более 200 человек), правивших Ираном более 300 лет, и объявил себя шахом Ирана. Сидевшая передо мной принцесса для многих иностранцев, участников беседы, представлялась родовитой особой. Но мне было известно, что она всего лишь внучка персидского крестьянина; «голубой крови» в ее жилах было, может, даже меньше, чем во мне, праправнуке малоизвестного татарского дворянина, мурзы Янгазы. В общем, как теперь шутят россияне: «Восток — дело тонкое».

Годы борьбы

Рассказать о ЮНЕСКО все не под силу, вероятно, никому. И мне удалось вспомнить очень немногое из того, что увидел, узнал, в чем принимал участие. По крайней мере, я старался сохранить объективность, рисуя детали, которые так или иначе составляют суть целого.

А суть в том, что, решая важнейшие для планеты, для народов, ее населяющих, проблемы, нам всем нужно думать не о конфронтации, а о консолидации: достраивать сообща мост через пропасть недоверия, непонимания, а не разрушать то, что возводилось с таким трудом.

Тем непонятнее демарш правительства страны, которая в послевоенные годы была одним из инициаторов создания ЮНЕСКО. Да, я имею в виду Соединенные Штаты Америки. Как вы знаете, они, демонстративно хлопнув дверью, вышли из этой организации в самый канун ее сорокалетия.

В каких только смертных грехах не обвиняла ЮНЕСКО администрация США: «политизация», «выступление против системы свободного предпринимательства», «тирания безответственного большинства», вплоть до ярлыка «арена бессмысленных споров».

Вспоминаю скандальную дискуссию, разгоревшуюся как-то на сессии по тому же ликбезу. В печати только что промелькнуло сообщение: ЦРУ,

как удалось выяснить прогрессивным журналистам, подкармливало группу студентов Гамбургского университета, подбивая их на массовые шествия с проамериканскими лозунгами, клеймящими ЮНЕСКО. Представитель США стал в ходе сессии публично поносить «репортеров, купленных Советами». Я, естественно, не мог не возразить и начал доказывать абсурдность его нападок, но меня оборвал на полуслове посланец крохотной страны Сьерра-Лионе: «Не надо превращать деловую дискуссию в политическую демонстрацию».

Американское давление на ЮНЕСКО принимало тогда самые неожиданные формы, прикрываясь зачастую камуфляжем объективности, лишь бы «поставить на место» Советский Союз.

Вот характерное для того времени суждение директора одного из департаментов ЮНЕСКО:

— Великие державы — США, Англия, Франция, СССР — обязаны на равных помогать всем развивающимся странам. Когда-то они беззастенчиво грабили Азию, Африку и Латинскую Америку. Пришел час платить по долговым векселям!

— Вы что-то путаете, уважаемый, — сказал я ему. — Как можно столь легкомысленно мешать всех в одну кучу? Разве СССР был когда-нибудь колониальной державой?..

Нельзя было уступать циничному нажиму американцев, нельзя было сдавать позиции. Сотни людей различных профессий и должностей прошли за эти годы через аппарат организации, избравшей средством для сближения народов не только просвещение, но и науку, культуру. И в том, что демократичнее, последовательнее, объективнее в своих решениях и рекомендациях стала ЮНЕСКО за прожитое сорокалетие, я вижу результат честных усилий моей страны.

Разумеется, Америке хотелось бы прибрать к рукам эту организацию, не имеющую аналогов по мощности воздействия на общественное мнение: США не прочь снова диктовать свои условия, проводить все ту же экспансионистскую политику. Но мир изменился. Единственный диктатор в нем сегодня — добрая воля миллионов.

…На столе в моем кабинете лежит стопка бумаг и на последнем листе хорошо знакомая подпись: «Генеральный директор ЮНЕСКО Амаду Махтар М’Боу». Это наброски очередной программы, на этот раз — профессионально-технического обучения в развивающихся странах, присланные мне на рецензию.

Амаду *Махтар М'Боу (р. 1921). Получил высшее образование в Париже, затем преподавал историю и географию в Сенегале и с 1952 по 1957 г. работал на руководящих должностях по вопросам базового образования в этой стране. В период внутренней автономии (1957—1958 гг.) — министр образования и культуры. С провозглашением независимости Сенегала становится министром национального образования (1966—1968 гг.), затем министром по делам культуры и молодежи (1968—1970 гг.) и депутатом национального собрания. В 1966 г. избирается в состав Исполнительного совета и в 1970 г. назначается на должность Генерального директора ЮНЕСКО по вопросам образования. В 1974 г. становится Генеральным директором ЮНЕСКО, а в 1980 г. избирается на второй срок.*

А я листаю сегодняшние газеты: «До конца столетия 200 миллионов людей умрут от голода, ибо есть причинно-следственная связь между стремительным сверхвооружением развитых государств и агонией многих народов Африки, Азии, Латинской Америки...».

«Проблема ликвидации неграмотности остается одним из основных направлений деятельности ЮНЕСКО. Однако за истекшие годы эту проблему решить не удалось. Процент неграмотности по отношению к быстро растущему населению мира уменьшается, но в то же время количество населения в абсолютных цифрах увеличивается. Если эта тенденция сохранится, к 2000 г. число неграмотных достигнет миллиарда человек...».

«В действительности ЮНЕСКО не все удается, на ее пути немало трудностей. Но она не стоит в стороне от требований эпохи. Началась разработка стратегии деятельности ЮНЕСКО на 90-е гг. и более отдаленную перспективу. В нее будут включены план воспитания в духе мира, борьбы за ликвидацию неграмотности к двухтысячному году, провозглашение Всемирного десятилетия развития культуры».

Работа ЮНЕСКО продолжается!

Япония (1973)

Делегация АПН СССР в Японию на конференцию по эстетическому воспитанию детей и молодежи. Нас было более 10 человек — педагоги, поэты, художники (из Армении). Мы привезли картины, нарисованные нашими детьми. Японцы выставили картинки своих детей. Тематика разная — кто-то нарисовал город, лес или школу, японцы — море, корабли и рыбаков.

После конференции мы несколько дней ездили по Японии, побывали в Хиросиме, Осаке и Токио. Видели последствия атомной бомбардировки

Никко. Япония. Декабрь, 1971 г.

Со школьниками в Токио. Япония. 1971 г.

В специализированной школе для одаренных детей Киото. Япония. 1971 г.

Хиросимы и журавликов, присланных детьми из разных стран девочке, которая боролась со смертью.

Бродя по музеям, я вдруг понял, что Япония совершено другая страна, другой народ с другой историей. Одеяние рыцарей-японцев ни на что не похоже.

Чили (1970, 1973)

В январе 2000 г. британский суд вынес решение: по состоянию здоровья 84-летнего генерала Пиночета отпустить домой в Чили. Это он осенью 1973 г. совершил военный переворот и потопил в крови движение за демократизацию Чили и социалистическую ориентацию страны. Это он бомбил дворец президента «Ла-Монеда», это его офицер застрелил из пистолета Сальвадора Альенде. Но... По порядку.

...Оратор как бы дирижировал оркестром, управляя настроением огромной толпы людей на самой большой площади столицы Чили — трехмиллионного Сантьяго. В наступающих сумерках оратор, освещенный прожекторами, говорил с балкона второго этажа президентского дворца.

Его речь не была плавной и монотонной. Наоборот, как скрипка в руках опытного музыканта рождает мелодии тоски и печали, бурной радости и

торжества добра над злом. Слова оратора, казалось, то нежно гладили толпу по голове, и она притихала, смиряясь, то бросали в нее тяжелые глыбы фактов, и она бурлила, клокотала, мощно выражая свой гнев, свою ненависть и свою решимость поддержать любые действия оратора.

Я не знаю испанского языка, и смысл сказанного доходил до моего сознания не столько через торопливую и обрывистую дробь взволнованной переводчицы, сколько через настроение окружающих меня то восторженно, то дико орущих людей, через мелодичность и эмоциональность речи оратора. Смысл слов оратора доходил до моего сознания не через их значение, а через звучание, в которое оратор вкладывал всю свою душу, передавая людям свое настроение радости и ненависти, торжества и надежд... В моей голове почему-то мелькнула мысль: почему моя бабушка благоговейно слушала неизвестные, непонятные ей слова арабского языка, когда дед читал стихи Корана, сам тоже не понимая смысла сур на арабском. Даже обыкновенное слово «сират» (путь, дорога) он произносил с особой торжественностью...

Особенно запомнились мне раскатистые «р» в слове «травахадоррас». Травахадоррас — трудящиеся, рабочий люд, травахадоррас — те, кто своими мозолистыми руками создает все, что люди потребляют: жилища, книги, дороги, автомобили, одежду, обувь, посуду и продукты питания... Травахадоррас — это те, кто живет полуголодной жизнью в дырявых лачугах огромного города Сантьяго; это те, кто в знойной пустыне Атакама гнет свою спину на медных рудниках; это те, кто выращивает миллионы голов коров на пышных травах южного Чили и хоронит своих умерших от голода малолетних детей. Это они, травахадоррас, пришли сегодня на площадь перед Ла-Монеда.

Слово «травахадоррас» чаще других гремело над площадью как боевой клич. «Травахадоррас» — и толпа неистово отвечала: «Венсеремос!» Слушая звучание раскатистого «р» и торжествующе-победный клич бушующей как море толпы, я тоже разволновался...

«Травахадоррас» гремело над площадью так часто, что я, даже не зная смысла слова, запомнил его на всю оставшуюся жизнь, и через тридцать лет оно нет-нет да и напомнит мне теплый вечер у президентского дворца Ла-Монедо. И когда оратор сказал: «Травахадоррас чиленос венсеремос!», подхваченный мощной волной людского прилива, я с большим волнением вместе со всей площадью прокричал троекратное «Венсеремос!» (Мы победим!).

...Земля Чили была завоевана испанскими конкистадорами как раз в год падения Казанского царства — в 1552 г. С тех пор она стала испаноязычной

страной с небольшими остатками индейского населения племени арауканов. После долгой борьбы в 1822 г. Чили перестала быть испанской колонией. Она стала демократической республикой. Самым большим богатством Чили стала медь (третье место в мире по добыче в 1970 г.). На севере страны — пустыня Атакама с богатейшиии залежами меди, на южной оконечности страны — ледяная шапка Огненной Земли. На узкой полосе между Тихим океаном и Кордильерами южнее столицы лежала богатая травами земля, на которой жили самые бедные на планете крестьяне, с самой высокой смертностью детей; у иных малыши никогда не знали вкуса молока.

...А на площади свет прожекторов выхватывал из темноты блестящие золотом каски на головах рабочих с медных рудников и переливающиеся на ветру знамена профсоюзов…

— Куда идут ваши деньги? — гремел голос Альенде над плотно стоявшей толпой. — Они уходят в сейфы миллионеров Уолл-Стрита. С 1930 г. империалисты вывезли из Чили более пяти миллиардов долларов чистой прибыли! На эти деньги можно было бы построить тысячи домов для трудящихся, школ для их неграмотных детей и больниц для престарелых и страдающих от профессиональных заболеваний. На эти деньги можно было бы накормить

В центре повышения квалификации учителей Чили. Сантьяго. 1970 г.

голодных стариков и детей. На эти деньги, — продолжал оратор, — североамериканцы строят заводы и делают оружие, которым снабжают всех, кто подавляет борьбу трудящихся за свои права. Травахадоррас Чили угнетают силой, которую вы сами порождаете!

...Это было в декабре 1970 г. Небольшая советская делегация просвещенцев знакомилась с системой образования Чили. Но беседы на встречах с только месяц назад избранным президентом Чили Альенде касались в основном политики и экономики. Тогда им было не до школьных проблем... На одной из площадей рабочей окраины Сантьяго уже стоял монумент Че Гевара с автоматом в поднятой руке. У меня сохранилась картина — портрет Че Гевары на дереве, выжженном с одной стороны. Я очень увлекался историей этого несгибаемого борца за справедливость.

Прошло всего три года, и североамериканцы, опасаясь второго Фиделя Кастро, отомстили Альенде: они финансировали мятеж генерала Пиночета, свергнувшего только еще встающую на ноги народную власть. Самого вождя чилийских травахадоррас — Сальвадора Альенде, пламенного борца за права и свободы чилийского народа, с автоматом в руках, в бою защищавшего дворец, просто убили. Три тысячи чилийцев и их зарубежных друзей — испанцев, кубинцев, французов, англичан — погибло в застенках пиночетовской охранки...

...Прошло еще 25 лет. 80-летний узурпатор выехал в Англию. Тут его ждал «сюрприз»: испанское правосудие потребовало у Англии выдать ей Аугусто Пиночета как преступника, погубившего тысячи невинных людей, в том числе и испанцев. В конце 1998 г. в английском парламенте разгорелись споры: выдавать или не выдавать Пиночета. Даже «железная леди» вступилась за своего приятеля, помогавшего ей в войне с Аргентиной за Фолклендские острова. А на улицах Лондона с плакатами стояли те, чьи родные и друзья погибли под пулями черных полковников Пиночета... Пиночета испанцам не отдали, он улетел обратно в Чили, где ему была обеспечена почетная и безбедная старость... Однако в 2006 г. он был обвинен в похищении людей, применении пыток и одном убийстве на Вилле Гримальди. Также Пиночет обвинялся в наркоторговле, торговле оружием и уклонении от уплаты налогов. Хотя преступность срока давности не имеет, Пиночета освободили по состоянию здоровья. И он умер 10 декабря 2006 года.

Всеафриканское совещание в Нигерии (весна 1976 г.)

Еще до перехода на новую работу мне пришлось в 1976 г. трижды выехать за рубеж. Мне с одним мидовцем предстояло лететь в далекую Нигерию, страну, где недавно окончилась тяжелая гражданская война.

В последний момент в один из дней позвонили из международного отдела ЦК и велели прибыть в Москву на два дня раньше намеченного срока.

Я срочно сделал прививку от холеры в Казани. За день до отъезда в Москву всю ночь промучился, бегая в туалет. Под утро, обессиленный, я скатился с дивана и еле дотянулся до телефона. Врачи, был и Николай Иванович Чугунов, поставили диагноз: холера. Приняли меры, она привилась, и ее они за два дня заглушили.

В Москве мне, бледному и еще больному, сказали, что надо лететь не в Нигерию, а в истерзанную гражданской войной Анголу, сопровождать первого министра иностранных дел молодой республики Антонио Душ Сантуша — ныне президента Анголы. Самолет из Москвы до Браззавиля летел целых 14 часов. Долгие беседы с Душ Сантушем прерывались его сном: устал за три дня непрерывных совещаний в Москве.

В аэропорту нас встречали. Послом оказался мой бывший министр РСФСР Евгений Иванович Афанасенко, обнялись.

Мы вдвоем с мидовцем прилетели из Браззавиля (Республика Конго) в Лагос. Летели вдоль побережья Атлантики и над песками Юго-Западной Сахары. Посол (какой?) угощал нас у себя. Была икра. Он показал, как жуликоватые мидовцы-хозяйственники присылали ему подложную икру. Искусственная икра… Удушающая жара и влажность.

Нигерия — всеафриканское совещание министров образования африканских стран. Я послан вместе с Семеном Амазасповым (работник МИД) для участия в конференции. Там были наблюдатели от США и других стран. Арабы (весь север Африки — арабские страны) говорили на своем языке, остальные на английском и французском.

Лагос — гиблое место — жаркий климат, душный воздух Атлантического океана, ночью улицы не освещаются… Позже Нигерия перенесет свою столицу на север, в сухой степной климат (Абиджан). Столица Нигерии Лагос расположена в какой-то низине на берегу Атлантики, окружена болотами… Болгары построили здание театра — символ независимой Нигерии. Министр просвещения — полковник в фуражке с высокой тульей.

Я тщательно готовил свое выступление. Первый вариант отпечатал еще в Казани. Слушая выступающих, непрерывно делал пометки. Потом неразборчивый текст надо было отпечатать. Здесь заканчивалось болгарами строительство здания театра. Там я нашел негритянку, печатающую по-английски. Она мне два раза перепечатывала мой текст, по которому я выступил о системе образования в СССР, наших проблемах и способах их решения.

Куба (1980)

В капстраны меня уже не выпускали: дочь вышла замуж за американца, приехавшего учиться в МГУ, писать докторскую диссертацию. Но в соцстраны мне можно было ездить. Академия наук командировала меня на Кубу с вопросами профессионального образования. Куба — страна с чудесным климатом, не поверите, там нет змей, зато много сахарного тростника, тростниковый сахар — основная статья экспорта страны. Друзья поместили меня в отеле «Хилтон» и дали карточку на шведский стол. Тут я узнал, что кубинцы перед обедом едят фрукты. Мне показали не только красавицу Гавану, главная улица которой полукольцом охватывала море. Директор Института педагогики Кубы сам возил меня на знаменитый курорт Варадеро. Это огромный песчаный пляж, на котором когда-то грели пузо американские миллионеры. Есть даже домик Дюпона. Теперь там пусто, потому что Куба живет в блокаде. Страна живет в тяжелых условиях, в магазинах ничего нет, на все карточная система.

Советское правительство пыталось сделать из Кубы ракетную базу. Но президент США предупредил, что начнет ядерную войну. Никита Хрущев благоразумно вывез советские ракеты. На это обиделся Кастро, и отношения между СССР и Кубой ухудшились.

Советские люди восторгались борьбой Фиделя Кастро за независимую Кубу, с уважением относились к этому бородатому «команданте». Несогласные с ним кубинские эмигранты, «контрас», поселившиеся во Флориде, в Майами, вели подрывную работу против Кубы и ее правительства. В 1978 г. они сделали попытку захватить власть в Гаване. Кубинской армией в то время командовал Фернандес, офицер из армии Батисты, перешедший на сторону революции и верно служивший ей. Ко времени моего приезда в Гавану он был министром просвещения Кубы. Меня ему представил мой приятель по Международному комитету ЮНЕСКО по ликвидации неграмотности Авель Прието-Моралес («Я не Моралес, а Прието-Моралес!» — сказал он как-то на заседании. У кинцев мальчик получает имя (Авель), а фамилия состоит из фамилии матери и отца). Враги высадились недалеко от столицы страны в «заливе свиней». Они начали наступать на столицу. Но как раз в это время прибыл советский корабль как бы с «сельхозтехникой». Советские танки ринулись к месту высадки врагов. С восторгом кубинцы говорили о роли Кастро в разгроме врагов. Авторитет вождя был у кубинцев огромный. К моему приезду на многих белых стенах домов Гаваны красной краской огромными буквами было выведено «Вива Фидель!». Это

после провокации американцев. У министра Кубы Фернандеса я рассказывал о системе профессиональной подготовки в СССР, его это очень интересовало.

Монголия (1988)

Позже по предложению ЮНЕСКО меня послали на семинар по ликбезу в Монголию. В Улан-Баторе я пробыл больше недели. В музее я и советник премьер-министра Индии познакомились с древними свитками рукописей на тибетском, санскрите и др. языках. Их бережно хранили, завернув в полотенца. Там же я увидел, насколько низка была бытовая культура монголов того исторического периода, когда они владели почти половиной известной тогда Земли.

…После 18 лет работы на посту министра просвещения ТАССР мне, тогда уже доктору педагогических наук и члену-корреспонденту АПН СССР, предложили возглавить новый институт в Казани. Но его надо было еще создать: институт АПН СССР по исследованию проблем профессионального образования.

ГЛАВА 7
В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ (1976—1989)

Ум, не отточенный наукой,
не стоит и ломаного гроша.

«Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше». Может, этой поговоркой и можно объяснить мои стремления уйти из министерства. Проработав министром просвещения Татарстана более 18 лет, я устал от массы всевозможных совещаний и заседаний, от многочисленных командировок, чиновничьих бумаг, на которые уходила моя жизнь. К тому времени я уже познал вкус к научной работе и стремился уйти в науку... Я имел кандидатскую степень по (восточной) филологии и много печатных трудов, в том числе и по педагогике, за это и был избран членом-корреспондентом в Академию педагогических наук (АПН) СССР. В 1972 г. я защитил докторскую диссертацию по педагогике — теории проблемного обучения. Было опубликовано несколько книг по теории и практике организации учебного процесса, современного урока и т. д.

АПН СССР была создана в 1944 г., еще во время войны, указом Сталина. Здесь развивалась педагогическая наука СССР. Даже в этот период думали об образовании народа, о педагогике и молодом поколении. А сейчас... забыли.

Академия состояла из нескольких исследовательских институтов, и каждый занимал свою нишу среди проблем образования. В них работали и цвет нашей педагогической науки, и молодежь, идущая в науку.

В связи с реформой школы мы чаще стали обращаться в АПН, тогда она называлась российской. Президентом был И.А. Каиров, вице-президентом — Н.К. Гончаров.

Каиров *Иван Андреевич (1893—1978) — педагог, доктор педагогических наук (1944), президент АПН РСФСР (1946—1967), действительный член АПН СССР (1967), Герой Социалистического Труда (1963). Министр просвещения РСФСР в 1949—1956 гг. Автор учебников по педагогике.*

Гончаров *Николай Кириллович (1902—1978) — педагог, доктор педагогических наук (1946), действительный член АПН РСФСР (1955), АПН СССР (1968), профессор (1947). В 1955—1963 гг. вице-президент АПН РСФСР. Автор работ по методологии педагогики.*

...В 1972 г. она была преобразована в союзную. Тогда же было создано Министерство просвещения СССР — шел процесс централизации власти, часть которой отнимали у союзных республик. Тогда конкурс ученых был жесткий. Я был кандидатом филологических наук, но у меня уже были серьезные словари, меня заметили и по деятельности на посту министра: частые выступления на совещаниях и конференциях по проблемам реформы школы.

В 1968 г. меня избрали членом-корреспондентом Академии, а в 1978 г. — академиком. Помню, рядом со мной в кабинете президента АПН стоял человек маленького роста, с большим носом на худом узком лице. Это был Сергей Апполинариевич Герасимов, знаменитый в то время кинорежиссер, киноартист, общественный деятель, и вот теперь — академик Академии педагогических наук СССР...

А вот еще эпизод из моей научной жизни периода перестройки: формировали новый состав президиума АПН СССР. Заместитель министра просвещения СССР В.Д. Шадриков выдвинул мою кандидатуру на выборах президента АПН СССР. Было пять претендентов. Среди них один я — с периферии. Видя, что меня не все поддержат, я после краткого выступления снял свою кандидатуру. Татарина тогда все равно не выбрали бы — это я «кожей чувствовал». Так я не стал президентом АПН.

В 1975 г. в Казани проходила научно-практическая конференция по профессиональному образованию. Приехал А.А. Булгаков — председатель Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию СССР. Он был деловым, амбициозным человеком и внес предложение в Правительство СССР, чтобы комитет перевели в разряд министерства. Слово «министр» звучало солиднее. У комитета был один исследовательский центр в Ленинграде, который занимался проблемами профессионально-технических училищ.

Булгаков *Александр Александрович (1907—1996) — государственный и партийный деятель. В 1964—1983 гг. председатель Государственного комитета по профессионально-техническому образованию Совета Министров СССР.*

Вводилось общее среднее образование в системе начального профессионального образования. Эта проблема была нова для нашей страны и требовала научных исследований и экспериментальной апробации во всех

регионах СССР, решался вопрос о создании специального института под эгидой Академии педагогических наук СССР в Казани. В областном комитете КПСС вопрос с директором согласовали, и выбор пал на меня. Академик-секретарь Отделения профтехобразования АПН СССР С.Я. Батышев первым в беседе у Ф.А. Табеева высказал идею создания Института профессионально-технической педагогики в Казани «под Махмутова».

Батышев *Сергей Яковлевич (1915—2000) — педагог, доктор педагогических наук (1969), профессор (1970). Член-корреспондент АПН СССР (с 1968), действительный член АПН СССР (с 1974), действительный член РАО (с 1993). Участник Великой Отечественной войны. В 1967—1973 гг. заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию. Автор работ по методике подготовки производственных кадров.*

Много было трудностей на пути создания нового союзного института в Казани. Кто-то помогал, кто-то мешал… Почти год ходили в Москве вместе с С.Я. Батышевым в Госплан и Минфин РСФСР для утверждения статуса (категории) института. Новым учреждениям такого типа давали только четвертую категорию, а это предполагало маленькую зарплату для сотрудников. В 1944 г., когда создавали Академию педагогических наук СССР, И. Сталин подписал указ, дающий всем институтам АПН СССР 3-ю категорию. Мы просили то же самое.

…Когда я впервые заговорил об уходе с поста министра просвещения ТАССР, многие мои руководители, в т. ч. Г.И. Усманов — председатель Совета Министров ТАССР, меня не поняли: что случилось, ведь все идет успешно, да и готовой кандидатуры на пост министра у ОК КПСС не было. Поэтому в январе 1975 г. я был назначен приказом президента АПН СССР В.Н. Столетова директором нового института в Казани (который предстояло еще создать!), а с должности министра освобожден только в августе 1975 г. Все эти месяцы сидел на двух стульях.

Усманов *Гумер Исмагилович (р. 1932) — советский партийный и государственный деятель. В 1953—1954 гг. первый секретарь райкома ВЛКСМ, с 1954 г. преподавал в техникуме; с 1961 г. лектор, секретарь, второй секретарь, первый секретарь Чистопольского горкома партии, с 1962 г. начальник производственного колхозно-совхозного управления, первый секретарь Буинского райкома партии. В 1966—1982 гг. председатель Совета Министров Татарской АССР.*

Мне было 50 лет, когда я ушел с поста министра просвещения. Возраст еще хороший для активной научной работы, к которой я так стремился…

Во время международной конференции по образованию. Академия наук РТ (слева направо): М.И.Махмутов, М.А.Чошанов, Д.М. Шакирова, В.И.Липужина, Ф.Ф.Харисов. 2001 г.

В Академии наук РТ с академиком РАН А.И.Коноваловым. 2000 г.

Отмечали мое 50-летие тихо, в кругу ученых института. Были Валентина Липужина (секретарь Бауманского райкома КПСС), ректор КГУ А.И. Коновалов, мои заместители и еще несколько человек. Мы говорили о делах, успехах и моей новой должности. Наши дружеские и уважительные отношения сохранились на многие годы.

Липужина *Валентина Николаевна (р.1943) — административный, государственный деятель. В 1966—1973 гг. секретарь по работе с учащейся молодежью Татарского обкома ВЛКСМ. В 1973—1981 гг. заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений Татарского обкома КПСС. В 1981—1990 гг. первый секретарь Бауманского райкома КПСС, в 1990—1992 гг. председатель Бауманского райсовета народных депутатов, в 1992—1995 гг. глава администрации Бауманского района Казани. В 1995—1998 гг. заместитель председателя постоянной комиссии по социальным вопросам и делам молодежи, в 1998—2009 гг. секретарь ГС РТ. С 2009 г. председатель Комитета по государственному строительству и местному самоуправлению.*

Коновалов *Александр Иванович (р. 1934) — химик-органик, доктор химических наук (1974), академик РАН (1992) и АН РТ (1991). В 1957—1990 гг. в Казанском университете, ректор (1979—1990). С 1990 г. в Институте органической и физической химии КНЦ РАН, директор (1990—2001).*

Первым делом надо было решить, где размещать институт. Обком КПСС Татарии обещал А.А. Булгакову помочь, было выпущено распоряжение, в котором предписывалось председателю комитета профтехобразования ТАССР Ф.Ш. Иляловой освободить здание ПТУ на ул. Ленина.

Илялова *Фавзия Шагимардановна (1924—1991) — деятель народного образования, заслуженный учитель школы ТАССР (1980). С 1948 г. в Министерстве юстиции СССР. С 1957 г. в Татарском СНХ. С 1963 г. инструктор Татарского обкома КПСС. В 1966—1982 гг. начальник Татарского республиканского управления профессионально-технического образования. В 1982—1987 гг. в Институте профессионально-технической педагогики АПН.*

Она задание выполнила, распорядилась провести там ремонт и обеспечить институт мебелью. Однако помещений не хватало. Здание было старым (1823 г.), маленьким и не решало проблемы размещения всех создаваемых лабораторий… Много лет и сил ушло на поиск дополнительных помещений. Казань была очень старой в те годы и проблемы материальной базы научных учреждений, вузов и школ решались с большими трудностями.

Научно-исследовательский институт профтехпедагогики (позднее — среднего специального образования). 1984 г.

После субботника в честь ремонта нового здания НИИ профтехпедагогики

Коллектив НИИ профтехпедагогики на праздновании 9 мая 1985 г.

Второе здание институту помог получить заместитель председателя Государственного комитета профессионального образования СССР В.А. Саюшев.

После долгих хождений в Москве Вадим Саюшев дал мне маленькую бумажку на имя директора строительного техникума в Казани — «Передайте здание на ул. Исаева М. Махмутову». И все. Вся бюрократия. Сейчас никто и не поверит. Мы года три ремонтировали это большое четырехэтажное здание (более 3 тыс. кв. метров). С.Я. Батышев восхитился им и сказал, что такого богатства нет ни у одного НИИ АПН СССР. Моим заместителем по хозяйственной части стал Вагиз Зарифуллович Гафуров. Человек очень трудолюбивый и исполнительный. Ведь нам надо было найти общий язык не только со строителями, например, мебель пришлось вывозить из Марийской республики, Белоруссии и Прибалтики. Это было время всеобщего дефицита. Кабинетную мебель для директора мне выделил Александр Петрович Бушнев — начальник хозяйственного управления ОК КПСС и мой сосед по дому. Он был тогда всемогущим человеком по материальной части и добрым, веселым соседом, с которым мы обсуждали многие политические вопросы… Но высказывался больше я, а он осторожничал — все-таки обкомовский работник.

Надо было собирать библиотеку института. Книг было много, но по проблемам общеобразовательной школы, а для ПТУ издавались только учебники.

Постепенно институт становился на ноги. Нам никто не мешал, но помогать стремились, особенно Ф.Ш. Илялова, она понимала установку ОК КПСС и сама болела за дело (позднее она стала сотрудником нашего института). Тематику научных исследований долго вымучивали на основе проекта С.Я. Батышева, более 9-ти лет проработавшего до того на посту заместителя председателя Комитета по профтехобразованию СССР и знавшего проблемы подготовки рабочих кадров из практики.

Уходя с поста министра, я надеялся на то, что получу свободное время, я мечтал о нем для научной работы, а оказался в еще более трудном положении: надо было не только подобрать квалифицированные кадры, которых не было в Казани, но и заниматься ремонтом зданий, приобретением оборудования, мебели и массой других бытовых вопросов, которые навалились на меня с первого же дня работы… Однако научные проблемы все же были на первом месте.

Научные проблемы и кадры

Какими были объективные предпосылки создания нового института? В связи с быстрой сменой техники и технологии производства необходимо было поднимать и квалификацию рабочих. В 1972 г. Правительством СССР было принято решение о повышении уровня образования рабочего класса. Так возникла задача введения общего среднего образования в системе профессионального образования. Эта проблема была нова для нашей страны и требовала новых исследований. Сразу же возникло несоответствие: двухгодичная программа ПТУ дополнялась двухгодичной программой старших классов средней школы. Вместо 4-х лет предполагалось обучать в средних ПТУ всего 3 года.

В ПТУ набирались учащиеся, которые не справлялись с программой общего образования в школе (отстающие, двоечники, неспособные и лентяи). В ПТУ они получали теперь непосильную нагрузку. Новому институту предстояло исследовать социальные, педагогические и психологические проблемы и дать научно обоснованные рекомендации профориентации, обучения, воспитания и адаптации к производству.

Постепенно сформулировали цели и задачи нового НИИ. Исходили из состояния практики. Еще в 1970-е гг. в стране активизировался курс на модернизацию индустрии. Чего не хватало в профессиональной подготовке рабочих? Какие умения и навыки (сегодня говорят компетенции) будут обязательны, а какие желательны? В условиях резкого дефицита рабочих для индустриального производства эти проблемы и сегодня не исчезли. Более того, они обострились из-за потока новых (зарубежных) технологий, с одной стороны, и потока полуобразованных и функционально неграмотных иммигрантов (в 2007 г. в России их было более 10 млн. человек) — с другой. А кто ими занимается в системе образования, в том числе и в РТ? Если руководство РТ хочет поднять экономику, то должно вплотную заниматься и этими проблемами, а не насаждать в систему управления образованием профессионально некомпетентных, функционально неграмотных людей, что, к сожалению, наблюдается в последнее десятилетие.

Итак, какие проблемы и задачи были поставлены перед новым институтом? Две проблемы были основными для исследования: взаимосвязь общего и профессионального образования и основы подготовки рабочих широкого профиля. На основе Закона о среднем образовании обычные двухлетние ПТУ преобразовывались в средние учебные заведения, но не было ни научного обоснования, ни смешанных учебных планов, ни программ общеобразова-

С бывшим заместителем министра просвещения Татарии и коллегой по институту Зинаидой Евменовной Михайловой

тельных предметов в условиях средних ПТУ. Эти две задачи сопровождались экспериментальными поисками по внедрению в систему профтехобразования и новых методов и форм обучения, и новой структуры урока в ПТУ.

Внести в учебный план СПТУ общетехнические и общеобразовательные предметы было полдела. Надо было искать взаимосвязь на уровне содержания предметов, а не только их номенклатуры. Математику и физику легче связать с предметом «технология машиностроения» или предметом «материаловедение». Но как связать с гуманитарными знаниями? Ведь курс литературы в средней школе занимает не последнее место. А здесь он был как бы в придачу к технологии строительства домов или укладки бетона. Нужны были опытные специалисты по каждому циклу предметов. И такие специалисты были, но многие из них лучше знали общеобразовательную школу и начали быстро адаптироваться, а иногда и переквалифицироваться на профессиональную. С благодарностью вспоминаю моих бывших заместителей по министерству — Зинаиду Евменовну Михайлову и Роберта Вафича Шакирова. Их уважали и ценили и практики и ученые, а для меня они были надежными друзьями.

Институт профтехпедагогики АПН СССР. Выступление Р.В.Шакирова (слева направо): М.И.Рожков, А.А.Кирсанов, З.Е.Михайлова, А.А. Вайсбург, Р.В.Шакиров, М.И.Махмутов. Май. 1985 г.

Как уже говорилось выше, кроме перевода ПТУ в СПТУ возникла задача разработки основ перестройки программ на подготовку рабочих широкого профиля. Теперь производство требовало не просто слесаря по ремонту станков, но и слесаря-наладчика станков с числовым программным управлением (СЧПУ), которые постепенно внедрялись в производство. Например, таких станков даже на 22-м заводе было всего два. Один станок стоял без дела, на другом работали, как на обычном, без автоматики программного управления. Так что и практика не могла нам помочь.

Многое мы почерпнули несколько позже, когда стали выезжать на конференции в Прагу и Восточный Берлин. Там изучали и новые станки, и технологии и методы подготовки рабочих. В Германии, например, мы познакомились с системой «дуальной» подготовки рабочих. Выпускников неполных средних школ заводские администраторы набирали на работу на завод, определяли их место в цехе, уровень зарплаты и назначали мастера производственного обучения. Там они начинали свою работу — практическое обучение. Потом их направляли в техническое училище, где они получали знания по общетехническим дисциплинам.

У нас профтехучилища были закреплены за предприятиями, учащиеся ПТУ ходили туда на практику к закрепленным за ними мастерам произ-

водственного обучения. Но это была другая система. Предстояло провести сравнительный анализ и поиск взаимосвязи систем.

В задачи института входила и подготовка ученых по тематике профтехобразования. Это привлекало к нам молодежь, практиков из ПТУ, мечтавших защитить кандидатские диссертации, стать специалистами в вопросах подготовки рабочих.

За сравнительно короткий срок институт получился. Уже через три года в нем работало более 150 человек. Но, оказалось, поспешили: научный коллектив становится медленно, ведь каждый должен был созреть в роли исследователя. Поэтому много было и пустоцветов из разных наук. Их «уходили», но не всегда мирно. Это трепало мне нервы, отнимало время, которое полностью уходило на организационные проблемы. Свои исследования стали хромать, я стал меньше публиковаться. А ведь мечтал, уйдя с поста министра просвещения, заняться исследованиями.

Кадры

Кто же будет вести научные исследования? Это был первый вопрос после создания института. Кого приглашал, кто оправдал? Я пригласил с собой несколько своих проверенных в министерстве ребят. Так, Ильгизар Валиуллин стал ученым секретарем института, первым заместителем директора — медик Ирек Аухадиев, красавец, образованный и воспитанный, все женщины АПН в Москве только о нем и говорили… Пригласил И.Я. Курамшина из КГУ и т. д. Из пединститута пришли один или два человека, из других областей: из Иркутска — Таланчук, из Киева — Шакуров. Я один был доктором наук. Остальные кандидаты или кандидаты в кандидаты... Л.А. Воловича, читавшего философию в Казанской консерватории, Нажиб Жиганов — ректор консерватории и известный композитор — нехотя отпустил, «на перспективу», сказал он на прощание.

Из ПТУ пришли три-четыре практика. Потом состав стал пополняться. Вакансии были, АПН хорошо финансировала новый институт. Конечно, спешно набирая кадры, я делал немало ошибок — в этом деле торопиться нельзя. Много слабых пришло. О слабых кадрах, неповоротливых исполнителях С.Я. Батышев говорил: «С Нестером шестеро и без Нестера шестеро».

Почти все специалисты пришли из школьного образования, поэтому я уделял очень большое внимание обучению, стажировкам и очень часто сам ездил с сотрудниками. Чаще всего бывали в Ленинградском институте профессиональной подготовки, директором которого в те годы был чл.-корр.

АПН СССР Думченко. Он позднее стал членом Совета по защите диссертаций в нашем институте и не раз отмечал высокий уровень исследований, но это было позже… Проводили вместе с органами ПТО конференции (Ростов, Харьков, Москва, Московская область и т. д.). Писали доклады и проводили дискуссии. Конференция в Москве, в политехническом музее научная дискуссия прошли очень хорошо. Помогал Александр Владиславлев, тогда зам. председателя Всесоюзного общества «Знание». В состав института включили одну лабораторию в Москве, там были квалифицированные специалисты — Мельников, Яворский и Пинский — физики и прекрасные методисты.

В чем я видел успехи первых лет?

1. Энтузиазм, связанный с тем, что каждый приходил с надеждой защитить диссертацию и найти хорошую работу. Мой собственный энтузиазм: бывший министр с большим авторитетом среди учителей и просвещенцев, я — самый старший по возрасту, принимал на работу только тех, кто моложе меня. Это создавало особый климат в коллективе.

Как мы организовывали субботники в первые годы! Активно работали на ремонте здания на Исаева, желание построить свой дом было очень велико. Потом, в начале 90-х гг., этот энтузиазм погас, каждый хотел что-то получить, а не сделать. Как быстро меняется ментальность людей с изменением социально-экономической ситуации!

2. Это союзный институт АПН СССР. Начальному настроению способствовали ленинградские ученые, зажигательные речи Сергея Яковлевича, да и профтеховцы были рады тому, что АПН СССР начала ими заниматься. Поддерживали меня и в Комитете профтехобразования СССР и РСФСР, там прежде с наукой не были знакомы. И возлагали на нас большие надежды.

Была открыта аспирантура и создан Совет по защите диссертаций. Мы стали готовить кандидатов и докторов наук по новым проблемам. В работе совета принимали участие ученые из Москвы и Ленинграда. Авторитет НИИ быстро вырос после открытия совета. Хотя у нас не было своих докторов наук, мы приглашали из других НИИ АПН и вузов. Почти все они выступали на наших семинарах, мы росли. К нам ехали профтеховцы из разных городов и республик. Да и сам процесс защиты диссертаций был хорошим семинаром.

Аспирантура включала в себя более 30 человек из всех союзных республик. Аспиранты были обязаны посещать заседания Совета по защите диссертаций. Здесь развертывались самые интересные дискуссии по проблемам ПТО. Совет был школой профтехпедагогики — там были и академики,

С бывшей аспиранткой и сотрудницей лаборатории компьютеризации НИИ профтехпедагогики АПН СССР Людмилой Струковой. ТАРИ. 2000 г.

и профессора из технических вузов, руководители предприятий. Сегодня статьи выпускников этого совета можно встретить на страницах многих научных журналов. Они присылают их мне с посвящением, и это самая большая радость для ученого.

В НИИ ПТП мы начали первыми в Казани осваивать компьютеры и разрабатывать программы по различным предметам для школ, ПТУ, техникумов и вузов. Создавала лабораторию компьютерного обучения Д.М. Шакирова — кандидат химических наук, при поддержке своего университетского коллеги А.Н. Таркаева. Она пригласила из университета очень грамотных и уникально трудолюбивых молодых специалистов — Л. Струкову и Ф. Суфиярову. Они совместно подготовили и опубликовали в издательстве «Просвещение» учебные пособия 100-тысячным тиражом с программными приложениями. С ними тесно работал и член нашего ученого совета проф. Н.С. Ахметов — автор многих учебников химии для школ и вузов. Позднее в лабораторию пришли

из КАИ доктор технических наук В.А. Белавин и молодые ребята. В АПН очень высоко оценивали их работы.

А Людочка Струкова, как ее ласково называет Диляра (она была нашей совместной аспиранткой, ведь компьютеризация и для меня была новым делом…), и по сей день очень близкий для нашей семьи человек. Она была с нами и при создании позже нового вуза. Ее супруг — бизнесмен Артур Абдуллазянов — ввел традицию приглашать нас в театр на шаляпинские гастроли. Пока сил еще хватает, ходим…

…К концу 1980-х гг. мы создали научную, технологическую и методическую базу, позволившую не только в экспериментальном обучении, но и в широкой практике изменить систему подготовки рабочих. Общий уровень образованности и квалификации выпускников, по данным социологических исследований, возрос, но с началом перестройки ситуация стала меняться и в нашей науке.

Кто учился в двухлетних ПТУ и годичных ремесленных училищах? В них учились дети, которые не смогли учиться в средней школе. Они бросали ее с 5—6 класса и шли в ПТУ. Там одевали, кормили, учили. Среди них были и толковые дети, и с рождения неспособные к усвоению теоретических знаний. Создание средних ПТУ игнорировало эти факты, всех стригли под одну гребенку. В техникумы брали ребят с семилеткой, учили три-четыре года, их уровень был гораздо выше, да и престиж определенный имелся.

Я считаю, в принципе, ошибочным решение правительства о создании СПТУ на базе ПТУ с трехлетним обучением. Практика показала, что это мало повышало квалификацию рабочего класса. Лучше было, когда после окончания 10-ти классов часть молодежи шла в СПТУ. Этим были по плечу и взаимосвязь, и широкий профиль. Но таких учащихся было мало, они шли только на самые интересные рабочие профессии, связанные, например, со станками с ЧПУ или даже с компьютерной техникой.

Кто защитил докторские в НИИ ПТП? Из Молдавии — Михаил Афанасьевич Терентий, Георгий Алексеевич Рудик, из Таджикистана — Ибрагим Обидов, из Киргизии, по представлению академика Измайлова Азиза Эминовича, в Алма-Ате защитил Балтабаев (я оппонировал). Были великолепные ученики, я с ними поддерживаю связь до сих пор, но были и «проходные», которых не хочется вспоминать. Но они брали усидчивостью, а не образованностью и творчеством. Многие мои ученики стали деканами, ректорами, организаторами образования — вот ради этого и стоило трудиться! Хотя чувство сожаления, что не хватало времени на свою научную работу, не покидает меня.

ГЛАВА 8
ПЕРЕСТРОЙКА. О НОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (1980-е гг.)

Период «перестройки» кончился развалом СССР. 1991-й — Беловежская пуща и распад СССР на независимые государства, разъехались и некоторые наши ученые по своим «квартирам».

1993-й — расстрел Верховного Совета РФ и выборы первого президента России — Б.Н. Ельцина. Началась скрытая и явная борьба за власть и за раздел богатств России. Забыли и науку, и высшие учебные заведения, не говоря уж о школе. За первые 10 лет нового режима финансирование науки сократилось в 30 раз, образования — в 25 раз. Молодые ученые потоком пошли «за бугор». Россия теряла свой интеллектуальный потенциал, но это всем было безразлично. В итоге производство упало, оно лишь в 2007 г. достигло уровня 1990 г. Народ обнищал, страдали пенсионеры, т. е. те, кто создавал промышленность Союза и накопил богатства России. Крестьянство оказалось в наихудшем положении: колхозы разогнали, людей оставили без работы и хлеба, землю начали скупать новые латифундисты.

В каком положении оказались профтехучилища? О них власти забыли, ПТУ и техникумы боролись за выживание, стали готовить такие кадры, которые могли заплатить сейчас или потом. Материальную базу учебных заведений растащили, особенно пострадали детские сады предприятий. Базовые предприятия ПТУ исчезли, никто не интересовался подготовкой рабочих и техников. Только в 2000 г. спохватились, сейчас предприятия страдают от нехватки рабочих. Набирают полуобразованных иммигрантов, большинство которых может работать только с лопатой и киркой. О повышении производительности труда и речи нет. Когда Россия сможет оправиться от этого шока непродуманности, безрассудства?

А что институт? На пост директора я рекомендовал доктора педагогических наук Мухаметзянову Гузель Валеевну, которая

С академиком Г.В. Мухаметзяновой

работала зав. кафедрой в КХТИ. Я хорошо знал ее диссертацию, она советовалась со мной перед защитой, потом я оппонировал ей.

Я не ошибся — Гузель Валеевна оказалась хорошим организатором. Она позже создала еще и коммерческий учебный институт — социально-юридический. Ученые из ПТП читают лекции в учебном институте. Позже она была избрана в состав Академии образования не без моего содействия, стала очень опытным, ярким руководителем нового типа. Она обладает талантом публичных выступлений, прекрасной памятью, способностью быстро привлекать на свою сторону нужных для дела и для нее лично людей. Все годы она искренне отдавала должное моему вкладу в создание института, надеюсь, в ней я не ошибся, как в некоторых других.

О новой интеллигенции

Интеллигенция и интеллигентность. По-разному различают эти понятия. Первое — это занятие умственным трудом, второе — духовность, совесть, нравственность. Так считают педагоги (см. Б.Т. Лихачев).

До революции русская интеллигенция состояла в основном из сословной элиты — людей главным образом дворянского происхождения. Она пользовалась уважением у образованной публики европейских стран. Там читали Л. Толстого, Ф. Достоевского, знали полотна русских художников, востор-

гались музыкой П. Чайковского и мощным басом Ф. Шаляпина. Помню, как в военном училище авиационных техников в Иркутске преподаватель (окончивший «жуковку» — военную академию) объяснял нам явление резонанса (а для самолетов это великое несчастье). Не помню его фамилии, но помню суть рассказа о том, как Шаляпин и Есенин выступали в московских кабаках. Есенин брал тонкую стеклянную рюмку и щелкал по ней пальцем. На этот звук Шаляпин направлял свой мощный бас и рюмка рассыпалась…

Среди татарского населения по-европейски образованных людей было немного, а те, что были, жили в основном в русских городах — Москве, Петербурге, Киеве, Баку и др. В Казани их было немного. Но воспитанные на национальных традициях, внутренне культурные татары, хорошо усвоившие в медресе содержание ислама и суры Корана, элементы арабо-иранской культуры, встречались нередко. Это были настоящие интеллигенты, воспитанные на нравственно-этических нормах мусульманской культуры. А в основном сколько-нибудь образованные люди были из числа мусульманского духовенства. Только малая часть ее могла называться интеллигенцией, в большинстве это были полуграмотные муллы, плохо говорившие на татарском литературном языке, слабо знавшие арабский, не знавшие русского языка и не представлявшие себе сути европейской культуры. Едкий сарказм в стихах талантливейшего сына татарского народа Габдуллы Тукая дает ясную картину бедности внутреннего мира части невежественного духовного сословия того времени.

В советское время вместо старой царской народилась новая «народная» интеллигенция. Она формировалась из рабоче-крестьянской среды (от сохи и станка), поэтому носила на себе отпечаток бедного образа жизни, примитивных интересов и потребностей. Только во втором и третьем поколении стали появляться интеллигенты в прежнем смысле этого слова — воспитанные, широкообразованные, духовно богатые люди, каждый из которых представлял собой интересную личность с высокоразвитыми духовными запросами.

К концу XX в. выросшая на русской культуре (образование, искусство, литература) новая городская (и частично сельская) интеллигенция стала тянуться к национальной культуре, языку, музыке; снова появились татарские имена в Лондоне, Париже, Берлине и Вашингтоне. И все же в русской среде шутили: «Старая интеллигенция — от Аристофана до Эдиты Пьехи. Новая — от Эдиты Пьехи до иди ты на х...». Так примерно и получилось: за полстолетия интеллигенция не вырастает, нужно три-четыре поколения живущих не только и не столько материально богато, сколько в хорошем

интеллектуальном окружении, духовно богато. Иначе — слоны в посудной лавке. И сплошная матерщина на самом верхнем эшелоне власти. Разгул преступности в конце XX в. получился и из-за падения нравственности, отсутствия духовности основной массы народа.

Каким был уровень образования руководителей Татреспублики в 1950—1980-е гг.?

В Областном комитете партии в конце 50-х не было ни одного человека, отшлифовавшего мозги на какой-нибудь диссертации. Секретари райкомов были те же крестьяне, в городах обычно из рабочей верхушки, уже поработавших в первичных ячейках и показавших свою сметку, способность работать с людьми, активность и исполнительность, что на партийной работе было первейшим условием. Большинство, конечно, были хорошие люди, но полуграмотные, строившие советское государство по указаниям партийной элиты. Ничего своего, ни единой мысли, мысли могли быть только у вождей партии. Многие дальше Казани нигде не бывали, тогда это не развито было. Всякая встреча и беседа с образованным человеком для многих из них была нечитанная книга, они слушали молча, изредка задавая вопросы, если рассказ шел о людях, живущих вдалеке от их района, городка...

С.Н. Низамов — председатель Президиума Верховного Совета ТАССР в 50-е гг. Он остался в моей памяти как человек без капли интеллекта на лице, без эмоций и мысли, без интереса к культуре (его заместитель Пятакова Александра Степановна была намного более энергичной и социально активной личностью).

Одно время я заходил к С.Н. Низамову по своей квартирной проблеме. Он был доступен, не то что сейчас — ни к кому не достучишься, просто секретари не соединяют даже по телефону.

Однажды в беседе со мной Низамов рассказал об одной истории. Это была встреча Джавахарлала Неру — первого премьер-министра только что освободившейся Индии — сказочной страны, с ее богатствами и беспросветной нищетой, с ее древней культурой и восточной роскошью. В Казанском аэропорту Неру, зная, что татары исповедуют ислам и встречают его мусульмане, первым приветствовал:

— Ассаляму-алейкум!

Растерявшиеся, боявшиеся своей тени татары, Низамов и другие, вместо «Алейкум ассалям!» (это же мусульманское приветствие!) «храбро» ответили знаменитому мусульманину по-русски:

— Здравствуйте!

— Что, разве тут нет мусульман? — спросил Неру.

— Нет, — сказали ему перепуганные до смерти коммунисты.

Московская Лубянка, «Черное озеро» в Казани так напугали мусульман России репрессиями 30-х гг., что и русские и нерусские люди боялись даже таких выражений, как «Слава Аллаху», «Не дай Бог» и др.

В беседе со мной Низамов, сам рассказавший мне об этом случае, не среагировал на мое разъяснение, что перевод этого выражения вполне «в духе компартии» — «Ас-саляму алейкум!» означает «Да будет над вами мир!»

Низамов *Салях Низамович (1905—1975) — государственный деятель. Участник Великой Отечественной войны. В 1952—1959 гг. председатель Президиума ВС ТАССР.*

Когда стал подниматься уровень образования сельских секретарей райкомов? В начале 60-х гг. Никита Хрущев, желая омолодить руководящий состав партии и Советов, выдвинул девиз: «Кто пошел с ярмарки, а кто только идет туда». Это означало: пора проводить смену партийных и советских кадров — менять старых на молодых. Советники у Хрущева были неплохие, партия, действительно, время от времени должна была проводить «ротацию». Но кто же добровольно откажется от своей должности, тем более уверовавший, сидя много лет в одном и том же кресле, в свою незаменимость, тем более что эта должность — единственное условие приличной пищи, жилья и одежды... Без конфликтов и разбирательств не обходилось.

Но в райкомы стали приходить люди с высшим образованием, в том числе и техническим (а не только после высшей партийной школы, где профессиональных знаний почти не давали). Так в партийной номенклатуре стала появляться «интеллигенция». Конечно, в центре в партийной элите были интеллигенты, но их было мало. Ведь даже в Политбюро были самоучки, получившие высшее образование заочно или на краткосрочных курсах. Считалось, что, если ты знал основы марксизма и занимал руководящий пост в партии, этого было достаточно для управления страной. В 60—80-е гг. положение изменилось. На партийной работе выросло число людей с вузовскими дипломами, пришло много образованных молодых людей. Из них постепенно комплектовался и аппарат управления РТ.

Как-то на семинаре Международного комитета по ликвидации неграмотности в Париже меня, члена этого комитета от СССР, попросили рассказать, как я стал специалистом в области образования. Что-то коротко рассказал…

Я тем временем стал активным работников на факультете. Меня стали замечать и в парткоме университета, где одним из членов парткома был и Ф.А. Табеев.

Интеллигенция — чиновная и научная

Ханиф Сабирович Хамитов

Х.С. Хамитов — башкирский джигит из далекого аула. Два года проучился в татарской школе, потом в русской. Профессор медицины. Ханиф Сабирович был ректором Казанского мединститута 27 лет. Занимательно, как он пробивал орден «Трудового» к 150-летию института. Секретарь обкома Тутаев сказал «нет» (только что КГУ отметил свое 150-летие, а мединститут выделился именно оттуда). Табеев сказал «нет». Но министр здравоохранения РСФСР и СССР Курашов наконец-то сказал «да»! Вот так и вручали этот орден!

Осень 1997 года. Мы с женой приехали в Боровое Матюшино. Там в домах бывшего Обкома партии разместился центр реабилитации больных (взрослых и детей). Профессор Хамитов теперь лежит в центре реабилитации под Казанью, никому, кроме дочери, кажется, не нужный... Сидит в инвалидной коляске, двигаться давно уж не может. Но мечтает студентам лекции читать, книги писать... Человек всегда живет с надеждой…

Хамитов *Ханиф Сабирович (1928—2003) — физиолог, доктор медицинских наук (1966), профессор (1967). Заслуженный деятель науки ТАССР, РСФСР (1974, 1980). В 1953—1990 гг. в Казанском медицинском институте: в 1963—1989 гг. ректор, заведующий кафедрой нормальной физиологии.*

Смена алфавита

Татары писали арабскими буквами около тысячи лет. В 1923 г. провели реформу алфавита, облегчили его, больше приспособив под татарскую фонетику.

В 1928 г. вместо арабского ввели латинский шрифт. Все, кто был грамотным, стали в одночасье неграмотными, читать на латыни не могли. В 1939 г. латинский алфавит сменили на русский. И еще больше татарского народа не могли читать и писать. Они стали набирать грамотность наравне с другими совсем маленькими народами России, которым письменность дали только после 1920-х гг.

Сегодня татарские активисты ведут большую полемику вокруг татарского языка как средства прогресса народа. Настаивают на том, чтобы татарскую письменность перевести на латинский алфавит, мол, это ускорит прогресс… О своих взглядах по этому вопросу я опубликовал статью в журнале «Магариф» (№ 1, 1998).

Семья. Балкис (казанский период)

Она лежала на гладком паркетном полу мертвая... Я был потрясен случившимся, ведь только за два дня до этого я привез ее из больницы, окрепшую и спокойную. И вот, растерянный я стоял около нее, не зная, что же делать... Лицо постаревшей женщины было непривлекательным и вызывало грустные мысли о бренности жизни... Так закончилась наша совместная 30-летняя семейная жизнь с радостями и горестями быта.

В первые годы жизни Балкис с удовольствием готовила очень вкусные блюда, говорила, что любит проводить время на своей кухне, колдуя над кастрюлями и тарелками. Детей любила по-своему, кормила, поила, но воспитанием как формой общения не занималась. На мои советы отвечала резко: «Если ты такой хороший педагог, займись ими сам». Конечно, я должен был и сам уделять детям больше времени, но работа, связанная с непрерывными командировками, не давала такой возможности. Потом я углубился в науку (сначала кандидатская, потом докторская диссертации) и вовсе оказался в непрерывном цейтноте. Поэтому возникали проблемы с дочерью и с сыном (он стал рано курить и пить).

Как и большинство женщин, любила, когда ей делали комплименты, дарили цветы. Мы с ней прожили 30 лет. А в памяти осталось больше негативного, грустного и неприятного, чем хорошего, которого тоже было, конечно же, немало. Плохо было особенно в последние 10 лет жизни — частые стычки, ее крики, обвинения в моей невнимательности к ее персоне... У нас сложились в общем-то два образа жизни: я со своей работой и наукой, она со своей работой, детьми и подругами. Получилось так, что у каждого были свои интересы. Последние 12—15 лет она часто болела, особенно после 50-ти лет.

Балкис страдала от того, что малолетний (он и после армии был для нас малолетним) сын выпивает, дочь вышла замуж за американца и уехала в США. Ляйля писала душераздирающие письма о том, как ей плохо в окружении чужих людей, что ей не нравился американский образ жизни. Я понимал, что дочь, потеряв подруг, друзей, знакомых, попала в психологический вакуум и растерялась. Но писала она жалобные, очень эмоционально насыщенные письма, и мать страдала, может быть, не меньше, плакала и причитала. Это сказалось на ее здоровье, она стала очень нервной. Нервное напряжение — диагноз врачей. Долгие годы нервного напряжения привели ее к депрессии, потере интереса к жизни. Она не выдержала и ушла из жизни по своей воле или безволию, не знаю. Мне позвонил сосед А.П. Бушнев.

— Что случилось? — спросил я.

— Жена умерла, — брякнул он по телефону.

Я приехал домой. Она лежала мертвая. Это было ужасно. У меня внутри тоже что-то оборвалось…

Стали мы жить без нее. После тридцати лет это очень тяжело, ведь прожита солидная часть жизни... Сын как-то отстранился. Приходил домой поздно, хотя у него уже была своя дочь, моя внучка Лейсан. Ляйля была далеко в Америке. Тоску и боль я заглушал изнуряющей работой и общением с коллегами. Но живые люди не могут жить вечно в печали. Постепенно я начал «отходить». В это время мы начали активно сотрудничать с американцами. В тот же год я впервые выехал в Штаты.

А в следующий раз взял с собой и Диляру — всеобщую любимицу в нашем институте, не только заведующую лабораторией компьютеризации, но и дочь моей знакомой — профессора Шакировой Лии Закировны. Я не подозревал, что эта поездка станет началом моей новой жизни... Но об этом подробнее речь пойдет ниже.

Шакирова *Лия Закировна (р.1921 г.) — педагог, доктор педагогических наук (1974), профессор (1975). Заслуженный деятель науки ТАССР, РСФСР (1976, 1981), заслуженный учитель школы ТАССР (1968). В 1948—1994 гг. в Казанском педагогическом университете, в 1965—1990 гг. заведующая кафедрой методики преподавания русского языка в национальной школе. Одновременно в 1960—1963 гг. заведовала Татарским филиалом Института национальных школ АПН РСФСР. Автор учебников и пособий по методике преподавания русского языка в татарской школе.*

Айса

Высокого роста и хорошего телосложения мужчина с «кавказским» лицом. 1922 г. рождения, на два года старше Балкис. Участник войны, служил в ВВС механиком самолета. Мужской жесткий характер. Красивый человек. Любил выпить, но в норме. Эгоист по натуре. Дружбу ценить умел. Долго не мог подобрать невесту, нашел в Москве, на 10 лет моложе себя, влюбился и страдал от того, что приходилось уступать ей в семейных спорах.

Две дочери. Одна из них принесла ему троих внуков. Был счастлив, но не показывал вида.

Айса умер в сентябре 1999 г., не дожив немного до 77 лет. Я не знал — он болел раком легких один месяц. Я звонил, но Лиля не взяла трубку, видимо, не до меня ей было в этот день.

В кругу своих родных (слева направо): Искандер, Света, Лейсан, Диляра, Мирза и Татики на даче

Ушел из жизни еще один близкий мне человек, которого я уважал не только как старшего родственника, но и как человека. Грустно, очень грустно, но такова жизнь.

Мои внуки. Лейсан

Не по годам высокая, стройная девочка. Может быстро увлечься тем, что ее привлекает. Помню, компьютер увлек ее, и она частенько, приходя ко мне, садилась за него. В первое время она писала миниатюрные рассказы, где-то во втором или третьем классе. Потом стала только играть.

В 1998 г. идет в 6-й класс. Хорошо усваивает английский. И наоборот, совершенно не интересуется татарским, хотя отметки по языку 4 и 5. Думаю, что влияние мамы, которая вот уже 10 лет не может поздороваться со мной на татарском, что-то против татарского у нее в сознании, в душе. Видимо, домашние разговоры, бабушки, тетушки… Может, они и не говорят ничего девочке про татарский, но настроение мамы ребенок очень чувствует... Пока я пишу эти воспоминания, Лейсан уже и седьмой класс заканчивает, идет 2000-й год.

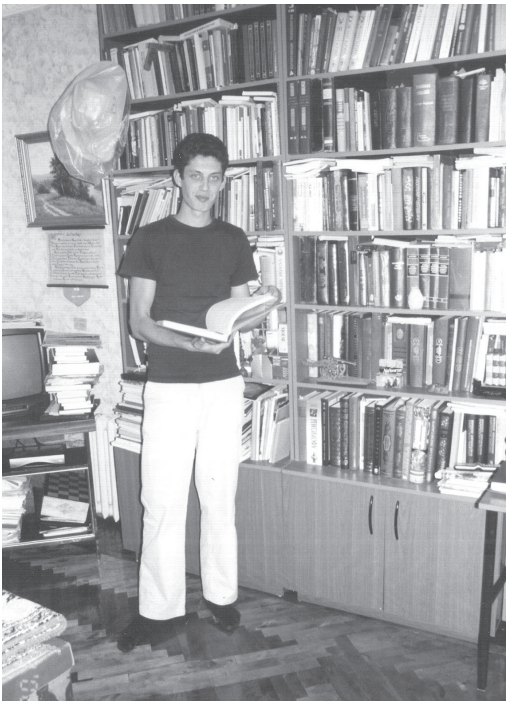
Лейсан — маленькая моя любимая внучка, всегда при мне молчаливая, тихая и скромная. Но голосистая в споре с подружками. Учится хорошо. С Дилярой быстро нашли общий язык (Диляра легко сближается с детьми и молодежью). Лейсан может разговаривать с ней часами — все про свои детские «дела» и интересы. А вот интереса к точным наукам не видно, хотя учится старательно, и у нее неплохо получается. В начальных классах и математика и русский были на «пять». Увлекается рисованием, кажется, есть способности… Растет под сильным влиянием своей мамы, Светланы Анатольевны, в прошлом Зотовой. Мне нравится, что она стала старательной девочкой, дома убирает и полы моет — помогает матери. С увлечением уже три года ходит в художественную школу, неплохо рисует... Что-то готовит ей судьба?

Рустем

Родился в Казани. Теперь он живет в Петербурге с мамой, отчимом и бабушкой и маленькой сестренкой. Рост 193 см. Как-то в шутку говорю ему: «И в кого ты, Рустик, такой длинный (отец его, Искандер, ростом 195 см)?» Он, немного обидевшись: «Я не длинный, а высокий». Я ему рассказал про шутку с Наполеоном.

В Казани учился в школе № 39 (на ул. Япеева). В 1999 г. — студент третьего курса С.-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Учится средне, интерес к знаниям есть… Любит историю, мифологию, информатику. Отца уважает, как и меня. Любит маму и сестру.

Тихий, скромный, немного вялый, нерешительный... Сутулится, не следит за осанкой, не осознает еще, что иметь красивую фигуру — это важно... Сын сказал, что Рустем теперь учится и работает барменом в ресторане. «O temporos, o moros!» Только бы не сошел с пути истинного... Но наконец он поступил в аспирантуру в Институт профессионального образования,

Внук Рустем

где работает его мама, Наташа. Инша алла все будет хорошо у моего внука, хотя я понимаю, что уже давно не имею никакого влияния на его взгляды.

Татики — Таня

Я в шутку ее называю Татики Никацюка, от слова «не хочу». Это дочь Руслана, сына Диляры. Родилась в 1994 г. Живет с мамой в Москве. Удивительно — талант, одаренность видны с малых лет. Что-то она рисует, что-то мурлычет, рассказывает услышанное от Диляры. Схватывает, что называется, на ходу. Знает много стихов, уже старается рифмовать слова. Татарские слова и выражения запоминает сразу. Какой будет ее судьба — один Аллах знает.

К Диляре буквально прилипла, ни на шаг от нее, ни минуты без нее. Любит Диляру и говорит об этом часто. Меня тоже любит, но и побаивается. Говорит без умолку. Возраст «почемучки».

«Эти, я люблю тебя!» — слышал я постоянно на даче и по телефону из Москвы. «Когда вы меня заберете, я ведь так татарские слова забуду», — пустилась Татик на детскую хитрость. Очень хочет к нам в Казань, любит свою бабушку без ума, та тоже, в общем, обе без ума...

В 1999 г. в декабре мы переехали на новую квартиру, на улицу Большая Красная. Когда Татик увидела в ванной комнате бидэ, она тут же заявила: «Я в этой ванне не смогу купаться: она маленькая!» Смеху было много.

Мирза Исмаилович с Татьяной (Татики)

ГЛАВА 9

КАК СОЗДАВАЛИ НОВЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ (1990-е гг.)

В период перестройки и позже многие искали новые пути развития страны, региона, учреждения. Перестройка принесла свободу во многом. Первая поездка в США в 1989 г. дала мне возможность узнать другую систему образования. Правда, не всю, но я познакомился сразу с лучшими теоретиками и практиками профессионального образования. Там я обнаружил тип учебного заведения (community college), которого не было в Советском Союзе.

Потом я пригласил американцев к нам в НИИ, они с большим интересом отнеслись к теоретическим основам профессионального образования даже на уровне подготовки рабочих и техников. Они пригласили меня с коллегами на конференцию в США. Начались совместные дела: семинары, конференции, взаимопосещения. Возникла идея создания такого же типа учебного заведения в стране. В Москве в Министерстве образования СССР и Академии педагогических наук одобрили идею.

Позднее в Берлине на Всемирном конгрессе профессионального образования немецкие ученые в сфере профобразования заявили, что Германия подходит к идее необходимости реализации этой модели в их стране.

В 1990 г. состоялась вторая поездка с сотрудниками НИИ среднего специального образования (бывший НИИ профтехпедагогики АПН СССР, который я как скульптор лепил 18 лет).

Я поехал в апреле на всеамериканский конгресс по профессиональному образованию, который проходил в Сент-Луисе, штате Миссури. На доклад мой был выделен час, но в конце меня попросили отдельно организовать дискуссию, на которую пришло много народу. Интерес к нашей стране в те годы был огромный, а ученый, свободно говорящий по-английски, вызы-

Прием у губернатора штата Миссури Джона Эшкрофта (в центре). Слева направо: М.И. Махмутов, президент Сент-Луисского общинного колледжа, доктор Майкл Кроуфорд, директор центра переподготовки (г. Казань) Леонид Финкер. США. 1989 г.

вал удивление. Американцы очень мало знали о нашей стране и больше по клише в СМИ. Я был рад разрушать его. Это позднее много наших ученых побывали в США и показали положительные и не очень примеры советских людей.

В мае в г. Джексонвилле штата Флорида проходила конференция по теории и технологиям образования. Президенты трех колледжей, которые ранее приезжали к нам в институт, пригласили персонально Диляру, а я выбрал для поездки еще и Мурата Чошанова, серьезного, вдумчивого специалиста по методике математики. Они сделали прекрасные доклады и не подвели меня и институт.

Многое изменилось и в моей личной жизни...

Любовь (на прогулке в США в 1990 г.)

Диляру я видел не раз студенткой университета. Удивительно красивое фотогеничное лицо, с острым взглядом небольших серо-голубых глаз с по-

Делегация президентов американских колледжей в Казани (слева направо): Ч. Спенс, М. Кроуфорд, А.П. Владиславлев — депутат Государственной Думы, Р. Андерсен, М.И. Махмутов. 1989 г.

волокой, правильный носик и четко очерченные красивые губы. Длинные волосы тогда украшали ее гибкий девичий стан. Бог дал девушке все, чтобы парни теряли голову при первом же знакомстве с юной леди... Диляра — не только звучное слово, это магическое имя девушки, которое по-персидски означает «диль» — «сердце», «душа»; «ара» — притягивающая. «Диляра» или «Дилярам» означает «возлюбленная».

Диляра с детства была усидчивой, старательной и очень целеустремленной ученицей. Воспитывалась она в семье деда Закира Шакировича и бабушки Гафифи Якуповны в Уфе, окруженная учеными — друзьями деда, соседями из институтской среды, немцы Классены и их дети, биологи Яковлевы, друзья и родственники Терегуловы, Нигматуллины. После смерти бабушки переехала жить и учиться в Казань к родителям. Парадокс поколений заключается в том, что Диляра поступила в первую открытую мной как министром образования ТАССР «английскую» школу № 18 в 4-й класс. Кто мог тогда предположить... Училась всегда только на отлично. Она как бы подтверждала педагогическую аксиому о том, что способности человека

проявляются с детских лет. В Крыму, в пионерском лагере «Артек» Диляра, тогда еще пятиклассница, была ведущей на слете и выступала на русском и английском языках, часто вспоминала, что получила медаль и похвалы за активность от композитора Дмитрия Кабалевского.

Это была единственная дочь профессора Лии Закировны Шакировой, мы дружили «домами». Лия Закировна была известна не только в Казани, но и среди московских ученых как серьезный специалист-методист русского языка для татарских школ. Мы были коллегами и дружно работали на благо татарской национальной школы. Хотя при встречах с дочерью Лии Закировны я любовался красотой юной девы, у меня не было и мысли о ее женской природе. Да и первая моя жена Балкис, частенько рассказывая о своих студентах, изучающих английский язык, говорила и о Диляре много хороших слов.

Диляра окончила химический факультет Казанского университета, потом там же работала, преподавала студентам свой любимый курс химии. С первых же дней работы она занялась исследовательской работой, вела эксперименты в лаборатории несколько мужского типа: паяла и лудила, сваривала термопары, собирала печи, чинила генераторы, импортной техники не было и все приходилось собирать вручную. Это были проблемы химии твердого тела. Эксперимент помог выработать строго логическое мышление естествоиспытателя, рационализм в суждениях, которые ей были свойственны и от природы.

Позднее в Новосибирском академгородке и еще позднее в университетах США она увидела уникальные приборы, на фоне которых их ручной труд был наивен, но привил редкие навыки и умения работать руками. Ей порой было скучно заниматься только точными науками, и она поднималась на четвертый этаж химфака на филологический факультет и слушала лекции профессора Маркова, коллеги мамы. Особый интерес вызывали лекции по зарубежной литературе, дополнительные курсы переводчиков английского языка. Все было доступно в КГУ. Позднее ей, да и мне стали понятны ее метания от точных к гуманитарным наукам. В США ее как-то подробно тестировали на типы мышления, и получилось, что у нее симметрично развито левое и правое полушарие мозга. Это означает одинаковую склонность к точным и гуманитарным наукам. Известно, что такие люди часто избирают химию как область профессиональных интересов, однако при этом «плавает» область интересов и увлечений.

Наука всегда привлекала энергичных людей. В те годы способная молодежь стремилась написать диссертацию и войти в науку. Кандидат-

скую диссертацию Диляра «делала» в КГУ под руководством профессора Л.Г. Берга и Н.П. Бурмистровой — людей, по ее рассказам, очень интеллигентных, скромных и образованных. Работала с большим увлечением. Ездила к оппонентам за отзывами аж в Новосибирск, в Академгородок. Защитила свою диссертацию в 1978 г. очень успешно. Она любила свою науку и особенно студентов — успешно преподавала в КГУ и КГПИ.

В 1984 г. в НИИ ПТП (на ул. Ленина) она пришла на работу с химфака КГУ. Сначала работала научным сотрудником в лаборатории методики химии у И.Я. Курамшина, своего коллеги по университету, но методика химии показалась ей скучноватой. В это время компьютеризация только начиналась, и она, пройдя обучение у А.Н. Таркаева, выбрала новое направление — компьютерное обучение химии и химической технологии. Где-то купили плохонькие по тому времени компьютеры Электроника Д3-28 и начали новое дело. Вскоре ее избрали заведующей лабораторией компьютеризации, она собрала очень молодой и талантливый коллектив выпускников КГУ и КАИ. Начали ездить по конференциям, готовить аспирантов, появились первые успехи. Позже в Москве в издательстве «Просвещение» у Диляры вышли две книги по компьютерному обучению химии. К этому времени ее уже признали московские ученые из АПН, занимающиеся компьютерным обучением, стали защищаться и первые аспиранты. Самой первой и любимой аспиранткой была Людочка Струкова, умница и красавица, как говорили о ней в институте. Защита прошла прекрасно. Оппонентами были А.Н. Таркаев и блестящий ученый из Таллина, профессор А.Я. Кыверялг.

В 1989 г., когда к нам в институт приехали американцы, на беседу с ними я пригласил и нашу заведующую лабораторией, члена ученого совета института Д.М. Шакирову — она единственная, кто прилично знал английский и возглавлял современное направление. Далее американцы не желали работать без нее и по своей инициативе на следующий год прислали приглашение на конференцию в США, отметив отдельно ее имя. Я был доволен, но ученые мужи возмущены — почему не они, профессора и академики. Вопрос к американцам...

«Не переношу глупых людей», — говорит Диляра. И действительно, она их сторонится. Любит все красивое: одежду, обувь, красиво накрытый стол, красиво разложенную на тарелках снедь. Не чурается красавица хороших вин, красивых мужчин, любит красивые лужайки и интерьеры домов...

Зная, что Диляра и Мурат должны вот-вот приехать в США (в 1990 г. была их первая поездка в Америку), я, проживая в доме у президента Флоридского колледжа Чака Спенса, почему-то очень беспокоился, не находя

Disney World. 1990 г.

себе места. Воображение мое играло. Кажется, я увлекаюсь красавицей, но что же делать, ведь я ее начальник, друг семьи и старше? Вот она приедет, что я ей скажу? Как я себя поведу? Чем она мне ответит? Несколько дней я не находил себе места, игра воображения мешала думать. Я знал по рассказам ее мамы, что еще студенткой Диляра сводила с ума многих парней, она была необыкновенно красива, умна и остра на язык. Эта ее красота сохранилась на долгие годы. И в свои 45 лет она осталась такой же, как прежде, даже женщины с проницательным взглядом не давали ей более 30-ти. Умный, немного сомневающийся в собеседнике взгляд серых глаз, привлекал, манил, интриговал... В общем, в ней было все, что делает женщину не только красивой и привлекательной, но и желанной...

Нас поместили в фешенебельный отель «Омния» («мир» на латыни) в центре быстро растущего города. Я на всю жизнь запомнил ее тем вечером...

Это было 9 Мая — День Победы... Хозяин гостиницы принес нам в номера по четвертинке водки на каждого, икры, масла и др. закуски. Мы втроем получили праздничный ужин в День Победы от американского бизнеса. Джаксонвилль, памятный для меня не только потому, что меня здесь

впервые встретили американские преподаватели колледжа. Здесь красивый, со всеми удобствами, пятизвездочный отель «Омния». Я потерял покой, думая об этой небольшого роста женщине с изящной талией. Ее спокойное согласие быть со мной открытой и откровенной меня немного удивило и озадачило. В ней не было и тени кокетства, вульгарности, а только женственность и уверенность в себе.

В гостях у американцев мы, естественно, занимались вопросами образования. Но мне запомнился вечер, когда, выйдя из дома американского профессора, мы гуляли под светом полной луны по двору, устланному, как ковром, зеленой лужайкой. Мы ходили посредине по каменной тропинке, и мне не хотелось снова заходить в дом к хозяевам. Какой это был чудный вечер! Запах дышащего как огромный добрый зверь океана, терпкий аромат тропических цветов — все пьянило и завораживало. Я и сейчас вспоминаю этот серебристый лунный свет на фоне шикарной зеленой лужайки и шагающую рядом со мной с едва заметной улыбкой Диляру.

Чак Спенс сделал нам королевский подарок — он договорился с хозяином Диснея Уолта, и нам подарили три пригласительных билета в Disney World. Это была трехдневная сказка. Мы путешествовали по странам и континентам, в прошлом и будущем… Мы превратились в детей, забыв все свои титулы и обязанности.

Диляра, она создана для любви и наслаждения. Даже имя ее до сих пор меня волнует. Она спутница моей жизни на ее финальном отрезке. Сначала меня охватили чувства, волнующие, тревожащие и делающие меня счастливым. Лишь потом, через годы, ты осознаешь их значимость. Мне казалось, что пришла моя самая нежная и чуткая, настоящая и большая любовь.

Диляра была и с особым характером, она не может быть просто рядовым исполнителем, даже моим, ее прежним начальником. Творческая энергия в ней кипит, ей хочется самостоятельно решать проблемы, добиваться успехов...

После возвращения домой мы часто стали гулять по Казани вечерами и за городом, ездили на своей машине на пикники... Нас видели сотрудники НИИ и некоторые завидовали и сплетничали. Я удивлялся, насколько равнодушно она относится к сплетням и злословию. Позднее я осознал, что несколько забыл о своих основных делах, весь мир для меня воплотился в этой женщине, а ведь времена наступали сложные...

…Итак, мы с Дилярой, Муратом, Олегом Лисейчиковым (он потом уехал на родину в Белоруссию) и другими коллегами начали с реализации американской модели учебного заведения — «коммюнити колледж». Такого типа учебного заведения в СССР не было. Колледж вел «ступенчатое» обучение,

Слева направо: М.И. Махмутов, М.Сабиров — премьер- министр РТ, Р. Раян — директор института профобразования университета штата Огайо, Ч. Хансен — заместитель директора института профобразования университета штата Огайо, М.Келлер — вице-президент колледжа Сент-Луис. 1992 г.

первые два года готовил рабочих и специалистов среднего звена, потом два года давал знания по программе высшей школы. Выпускники могли перейти в колледж на 3-й курс университета и там продолжить свое обучение. Мы в Казани на основе колледжа создали новый институт — высшее учебное заведение, которое давало многоуровневое образование, т. е. фактически включили колледж в состав института.

Министерство образования России, Академия образования горячо приветствовали наше начинание, но не все вникали в суть вопроса.

С осени 1991 г. с проектом постановления я стал ходить в Кабмин РТ — надо же было утвердить законно как государственный колледж. М.Х. Хасанов был зампредом правительства. Долго не подписывал, боялся новизны и непонятности. Где это видано: американцы — соучредители?! Но идею поддержал Мухаммат Галлямович Сабиров, который встречался

В кабинете председателя Госсовета РТ В.Н. Лихачева.
Руководитель американской делегации преподавателей и студентов университета штата Огайо профессор Френсис Лабуда (в центре). 1994 г.

с американцами и подробно расспрашивал их о преимуществах их системы профобразования. Серьезную роль сыграл и Василий Николаевич Лихачев, человек образованный и демократичный. Мы все убедили Мансура Хасановича и через семь месяцев, в июне 1992 г., получили Постановление Кабмина РТ.

Сабиров *Мухаммат Галлямович (р. 1932) — государственный деятель. С 1984 г. заместитель председателя СМ ТАССР. В 1991—1995 гг. премьер-министр РТ. В 1994—1995 гг. член Совета Федерации Федерального Собрания РФ.*

Лихачев *Василий Николаевич (р. 1952) — государственный деятель, юрист, член-корреспондент АН РТ (1994). С 1978 г. преподаватель Казанского университета. В 1988—1990 гг. заведующий отделом Татарского обкома КПСС. В 1990—1991 гг. председатель Комитета конституционного надзора РТ. В*

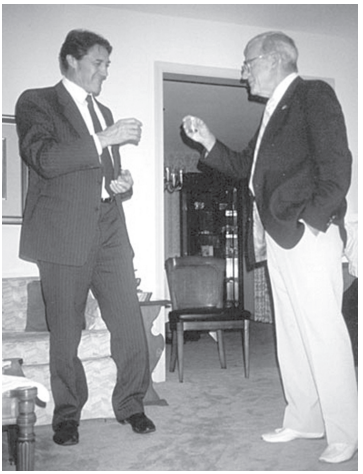
Со студентами ТАРИ после конкурса «Будущие лидеры Татарстана»

1991—1995 гг. вице-президент РТ. В 1995—1998 гг. председатель Государственного Совета РТ, одновременно в 1996—1998 гг. заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ. С 1998 г. постоянный представитель РФ в Европейских сообществах. Труды по международному праву.

Были как сторонники, так и противники этого проекта в Казани и в Москве.

Коллектив ТАРИ разместили в маленьком помещении детского сада... Колледж постепенно обрастал людьми и инновациями, замечательными были наши первые студенты — я помню первый выпуск. Это был праздник ума и сердца.

Конечно, трудности были большие и не только с помещениями. Мы все активно работали над содержанием образования, ведь все было новым: и компетентностный подход, и технологии развития мышления, и компьютеризация управления, и многоуровневость образования. Стандартов образования еще не было, и вдруг нас опять попытались втянуть в конфликт. Министр просвещения РТ В. Гайфуллин, один из моих многочисленных учеников, вначале активно поддерживал. Потом, когда в газете появилась статья о каких-то небылицах в институте, резко отступил и не стал поддерживать, хотя в глаза чуть не клялся, что он хочет институту добра.

После совещания с президентом ассоциации общинных колледжей США, профессором М. Глейзером

В актовом зале Академии наук РТ в перерыве юбилейной конференции. 2001 г.

Гайфуллин *Василь Габдуллович (р. 1937) — деятель народного образования, педагог, доктор педагогических наук (1990), профессор (1992). Заслуженный учитель школы ТАССР (1987). В 1974—1990 гг. в Казанском педагогическом институте. В 1990—1996 гг. министр образования РТ. В 1997—2006 гг. ректор Татарского гуманитарного института. С 2012 г. профессор КФУ.*

В 1995 г. на заседании в кабинете зампреда Кабмина И.К. Хайруллина, протестуя против двуличного отношения министра, я отказался от поста ректора. На свое место рекомендовал Диляру Шакирову, мою жену и активного соратника по новым идеям. Потом ее избрали на собрании коллектива единогласно. А я стал консультантом.

Хайруллин *Ильгиз Калимуллович (р.1940) — государственный деятель. Заслуженный работник культуры ТАССР (1981). В 1982—1992 гг. председатель Государственного комитета РТ по телевидению и радиовещанию. В 1992 г. заместитель премьер-министра РТ. С 2005 г. член Общественной палаты РТ, с 2006 г. председатель Общественной палаты РТ.*

Почему мы так упорно внедряли идею в жизнь? В чем были особенности ТАРИ? В том, что у него была иная, чем у традиционных вузов, структура управления, иная стратегия и технология деятельности, особая интеллектуально-творческая среда, построенная на высокой культуре взаимоотношений:

преподаватель — студент. Готовили специалистов по мировой экономике, переводчиков, менеджеров международного бизнеса, преподавателей иностранных языков, т.е. специалистов для новой экономики Татарстана с учетом огромного американского и европейского опыта.

Диляра и ее коллеги в большой степени способствовали поддержанию такой среды, помогали и зарубежные специалисты, которых в некоторые годы вместе со студентами из США бывало по 100 человек.

В поездках на конференции в США, где побывало немало наших преподавателей и студентов, мы познакомились с уникальными учеными. Одним из них был проф. М. Глейзер — крупнейший специалист в области профессионального образования, который работал в то время в администрации Президента США.

Благодаря тесным связям с Управлением внешних связей Аппарата Президента РТ, с Тимуром Юрьевичем Акуловым, советником Президента Фильзой Гариповичем Хамидуллиным, каждый приезжающий в Казань посол, дипломат и ученый выступал перед студентами. И все мои коллеги из РАО и АН РТ не забывали институт. Он скоро стал очень популярным в Казани вузом.

Акулов *Тимур Юрьевич (р. 1953) — государственный деятель, дипломат. В 1988—1990 гг. (с перерывом) атташе посольства СССР в народно-демократической республике Йемен. В 1991—1994 гг. советник, с 1994 г. — государственный советник Президента РТ по международным вопросам. С марта 2010 г. директор Департамента внешних связей Президента РТ. С марта 2011 г. помощник Президента РТ.*

Хамидуллин *Фильза Гарипович (р. 1936) — государственный деятель, экономист, доктор экономических наук (1981), профессор (1983), член-корреспондент АН РТ (1994). Заслуженный экономист ТАССР (1986). В 1980—1990 гг. ректор Казанского финансово-экономического института. В 1990—1995 гг. заместитель председателя КМ, председатель комитета по экономике РТ. С 1995 г. в Аппарате Президента РТ, советник по экономическим вопросам.*

Кипр (1996). Ретроспектива — архиепископ Макариос

В это же время в Томске группа ученых работала по внедрению элементов американской системы образования в колледжи и вузы. Мы все с ними провели школу повышения квалификации для работников образования Сибири на Кипре. Эта поездка всколыхнула мои воспоминания о поездке

1966 г., где мне посчастливилось встретиться с уникальным человеком. Но все по порядку.

Каждая встреча оставляла в моем сознании какое-то впечатление о людях, их высказываниях, их поведении, их общении с другими…

Макариос — архиепископ православной греческой церкви, он же первый президент Республики Кипр. В 1950-е гг. Макариос возглавил борьбу кипрского народа против английского владычества и добился независимости Кипра…

В Никосии — столице Кипра — шла конференция делегатов стран афроазиатской солидарности, в которой я принимал участие. Моей задачей было помочь в переговорах с китайской делегацией за арабские голоса... Наиболее интересной для меня в человеческом плане была встреча с архиепископом Макариосом, торжественно-простой человек, с окладистой бородой, в костюме священнослужителя. Его глаза с опущенными вниз уголками придавали ему мудрый и чуть ироничный вид. Говорил он сдержанно. Но о самом главном для него — сохранении мира и целостности Кипра — с большим энтузиазмом. Мы все присутствующие на встрече 10 человек почувствовали на себе магнетизм этого незаурядного человека.

Архиепископ Макариос III (1913—1977) — лидер национально-освободительной борьбы кипрского народа. Вошел в историю и как первый президент независимого кипрского государства. Он не только объединил в одном лице духовную и светскую власть, но и стал истинным народным вождем. Он был наделен особым магнетизмом, который притягивал людей, а врожденная харизма и талант оратора, отточенный ум и гибкость мышления стали залогом его успеха. А еще он отличался подлинным патриотизмом и неистребимой верой в свой народ.

Биография Макариоса поразительна: будучи выходцем из простой крестьянской семьи, он достиг более чем впечатляющих высот. В Афинском университете он изучал на богословском отделении социологию религии и в 1938 г. получил свой первый священный сан дьякона и духовное имя — Макариос Киккотис. В том же году за отличную учебу Всемирный совет церквей отправил его учиться в Бостонский университет.

Никосия — город одноэтажный в соответствии с принятым градостроительным законом. Потом компания «Хилтон» построила первое многоэтажное здание. Теперь в 1996 г. Никосия смотрится иначе, чем в 1966-м.

...Говорят, что современная цивилизация началась на острове Крит, это совсем рядом с Кипром. Поэтому здесь всегда работали археологи, вели раскопки, найденное выставлено в церквях и музеях...

Американская делегация дома у Махмутовых (слева направо): Артуро Пачеко, Салли Блейк, Мирза Исмаилович Махмутов, Мурат Чошанов, Хорхе Лопес. Май. 2001 г.

Этот остров называют райским уголком, окруженным всегда теплыми и удивительно чистыми водами Средиземного моря. Мы с женой убедились в этом осенью 1996 г., побывав на острове, где читали лекции перед директорами школ из Сибири. Проф. М. Пальянов организовал школу повышения квалификации на Кипре. Михаил Павлович — профессор из Томска — был очень активным и деятельным человеком, работал с нами и по американскому гранту, не забывал заниматься и бизнесом. Говорят, позднее купил дом на Кипре, но, не зная законов, быстро лишился его. Наука и бизнес плохо совмещаются, что-то страдает при этом — или наука или бизнес. Или и то и другое.

Кипр в 1996 г. — это больше отдых на морском берегу, чем работа. Две прекрасные недели безмятежного отдыха и приятных дискуссий с педагогами. Даже вечерние лекции воспринимались нами как разнообразный отдых. Диляра была в восторге от красоты природы и в начале ноября не хотела выходить из теплых и удивительно чистых вод Средиземного моря. Курортный сезон закончился, и была особая тихая красота природы и спокойных торговцев, радующихся последним туристам.

Мое 75-летие отметили большой конференцией в Казани. Приехали гости из разных стран, собрались учителя и преподаватели вузов республики. Мы совместно с иностранными учеными проводили для них мастер-классы. Мурат Чошанов приехал из США (он уже работал там с 1977 года) с большой группой ученых Техасского университета. Интересная, образованная публика. Диляра угощала их своим фирменным пловом у нас дома.

Вообще поездок было много, россияне открывали для себя новый мир, который я хорошо знал. Но радовался за своих соотечественников. Так, студенты и преподаватели ТАРИ ездили на стажировки за счет гранта Информационного агентства США. Они возвращались с лучшим английским и удивленно обогащенные новыми идеями. Были и такие, которые стали мечтать поработать в благополучной Америке.

Одна поездка была особенно необычной даже для меня. Мир был потрясен терактом в США, и мы оказались там после этого трагического события…

С 3 по 20 апреля 2003 г. состоялась очередная поездка в США. Мы летели с Дилярой самолетом Казань — Франкфурт — Вашингтон — Сиэтл. Всего получилось 24 часа в дороге, поэтому, когда нас встретили наши коллеги Честер Хансен и его супруга Аннабел, мы были не в состоянии ехать на машине еще 6 часов до местечка Вала-Вала. Но посмотреть центр портового города Сиэтл и знаменитый рыбный рынок все же смогли. Все диковины Тихого океана можно увидеть и даже приобрести на этом рынке. Проехав несколько километров, мы остановились на перевале в небольшой удивительно уютной гостинице.

Утром были поражены красотой горной местности, дружелюбием хозяев и отдыхающих в гостинице. О доброте наших коллег мы знали давно. Чет долгие годы работал заместителем директора Центра профподготовки и занятости университета штата Огайо. С этим центром у ТАРИ был совместный проект Информационного агентства США в течение пяти лет. Именно этот грант позволил нам направлять на стажировки преподавателей, студентов, принимать многочисленных специалистов из университетов США.

Шесть часов на «кадиллаке» по горной, а затем равнинной дороге уникальной красоты мимо виноградных плантаций, где разбросаны заводики по производству знаменитых в Америке сухих вин из Вала-Вала. Это поселок среднего класса с богатыми домами, где живут виноделы и обеспеченные американцы в отставке, чистота и зелень, цветы... Дома одно-, двухэтажные не менее 3 тыс. кв. м каждый. Вот и наш друг и коллега, уйдя на пенсию, купил два дома: один в Вала-Вала, другой в Южной Каролине, чтобы в разное время года жить на тихом или атлантическом побережье.

При этом он стал заместителем директора по международным связям в общинном колледже Вала-Вала. Президент этого колледжа приезжал к нам в Казань и выступал с лекциями перед преподавателями и студентами ТАРИ, а теперь пригласил нас с Дилярой прочитать несколько лекций для своих преподавателей.

Далее нам предстояло ехать в университет им. Бригама Янга в Солт-лейк-сити и городок Рексберг, штат Айдахо.

Нас привез туда на машине через каменистую пустыню «дикого Запада» профессор Ван Ваддал (Van L. Waddal), недавно защитивший докторскую степень и год проработавший в ТАРИ. Он преподавал английский язык с применением технологии критического мышления и был удивлен, что, кроме Диляры, никто не представляет себе этой технологии. А пока мы видели вулканический мелкий камень — землю, поросшую мелким кустарником. На этих землях военные испытывали свои ядерные устройства, поэтому то там, то сям на дороге были предупредительные вывески «Закрыто». И все научно-фантастические фильмы про иные планеты снимались в этом месте.

У доктора Ваддала 6 детей, и много внуков. Я даже не запомнил сколько — 22 или 24. А у его старшей сестры, живущей в деревне, 34 внука. Это будущее общины мормонов. Весной и осенью в период страды они все приезжают к маме и бабушке, чтобы помочь по хозяйству. А оно не малое: 300 овец, кони и индейки. Зимой она справляется одна! Постичь это невозможно, т. к. ей уже за 60. Трудолюбие и семейная взаимопомощь у мормонов уникальная.

Университет им. Бригама Янга, богатейшее учебное заведение, занимает целый городок, по которому преподаватели передвигаются на электрокарах, а студенты — на велосипедах. Мы приехали по приглашению президента мормонской церкви и президента университета, профессора Беднара, молодого и очень энергичного человека.

Мормоны — специфическая ветвь христианства Нового Завета, которая насчитывает, по словам нашего гида, 15 млн. человек во всем мире. Но удивило нас не это. Мормоны ведут уникально здоровый образ жизни: ни спиртного, ни кофе, ни чая, ни табака. Это дает свои результаты. У них самая высокая в США средняя продолжительность жизни (85 лет). Их церкви по всему миру (72 церкви), и они обучают молодежь со всего мира. Нам представили переводчиц — молодых девушек — с 60 языков мира. Там оказалась и наша татарка Гузель, к моему великому удивлению, моя бывшая сотрудница. Я сказал ей: «Возвращайся домой, Гузель». Она заверила меня,

Обед с мэром города Рейсбург после выступления М.И.Махмутова и Д.М.Шакировой в университете имени Бригама Янга. Штат Айдахо. США. 2002 г.

что это только учеба и опыт для нее и еще... способ заработать немного денег. Эх, наши девушки, еще мормонок нам не хватало.

Почему они пригласили нас? После 11 сентября 2001 г. американская интеллигенция пыталась понять причины противостояния Запада и Востока. Меня попросили сделать ряд докладов по проблеме «Особенности западной и восточной ментальности, традиций, культуры: поиск преодоления противоречий». Я выступал в огромных залах по 10—15 тысяч человек и был удивлен вниманием всех, и даже молодежи, к проблеме. Вопросов было море, организаторам приходилось даже прерывать дискуссию, поскольку залы ждали другие выступающие.

Диляру попросили выступить по проблеме «В чем сходство и разница в западном и российском подходах к образованию, воспитанию и пропаганде традиционного образа жизни?». Она, побывав до этого в странах арабского Востока, очень удачно показала особенности образования и воспитания и в этих странах, что вызвало большой интерес аудитории.

Нас всюду сопровождал Ван и его сын Дэвид, работающий в администрации университета. Солт-лейк-сити, где совсем недавно прошли Олимпийские игры, еще пестрел олимпийской символикой. Город является центром мормонской церкви. Центр города — сказка из зданий прекрасной архитектуры. Конгресс-холл на 21 тыс. мест, без колонн внутри, балконы как бы висят в воздухе и очень изящны. Нам объяснили, что это уникальный по технологии проект, не имеющий аналогов в мире.

Ажурный собор мормонов (Resburg Idaho Temple) строили 40 лет, отбирая лучшие камни из окрестных гор, и теперь там, кроме службы, проходят уникальные классические концерты со звездами, которые транслируются на весь мир.

Нам посчастливилось побывать на одном из таких концертов, но привычной для нас классики мы не услышали, симфонический оркестр из 600 музыкантов исполнял произведения американских композиторов. Хор состоял почти из 500 человек, и акустика зала производила удивительное впечатление…

Жили мы в тихой суперкомфортной гостинице, в холле которой был бассейн с теплой водой и тропическими растениями. Мэр городка после наших выступлений вручил нам ключи от города и пригласил на обед в мексиканский ресторанчик с экзотической для нас едой.

…Итак, мы с коллективом специалистов создали новый институт. Учебное заведение международного типа. Что может быть лучше и полезнее для молодежи? В память о тех, кто ушел от нас. А для Диляры — в память о сыне, который так и не смог получить законченного образования. Пусть же сотни других получат его. И только для этого стоит трудиться, волноваться, страдать, переживать свои трудности, успехи и неудачи, наветы невежественных и завистливых людей, их сплетни и тихий шепот, охаивающий твои дела. По-настоящему интеллектуальных людей, живущих идеями, будущим, мало.

Может, в ноосфере будет больше. А пока человечество, несмотря на все интеллектуально-технические достижения, несмотря на прорыв в космос, живет в биосфере, и идет борьба за кусок хлеба. И все хотят больше известности, больше славы и почета… А ведь настоящие люди и в трудные смутные времена делали благородные дела…

Достаточно посмотреть на то, как американцы трудятся и хватают друг друга за горло. В белых перчатках, с улыбкой. Их талантливые режиссеры и писатели показывают все это в книгах и фильмах, разоблачают корысть и жадность людей. К сожалению, мало кто относит ужасы такого поведения к себе. Все думают, что посмешище в руках артиста — это кто-то другой.

Мало кто задается вопросом: «Неужели я тоже так думаю, делаю, веду себя?». И мало кто занимается вопросом собственного перевоспитания. «Над кем смеемся? Над собой смеемся!» — наставлял нас со сцены великий советский актер Аркадий Райкин. Его смех, сарказм, критику тоже мало кто относил к себе. Люди, кажется, не становились лучше. Только скажешь, не стали лучше, и вспоминаются многие удивительные примеры человеческой самоотверженности и преданности.

Диляра

1997 г. был тяжелым для нашей семьи. Диляра перенесла инсульт. Случилось это на нашей даче, в Матюшино. Вначале я не представлял себе уровень опасности. А она была в тяжелом состоянии. Но терпеливая, как немногие люди.

Когда я зашел в палату, я увидел изможденное лицо своей жены, на нем были написаны ее многодневные страдания, переживания боли и мучения и еще чего-то… Через месяц мы стали учиться ходить. Я поднимал ее с постели, ставил на ноги и, поддерживая, вел к окну. Три метра. Там отдыхали и шли обратно. От усталости у нее пот выступал на лбу. Она не могла не только ходить, но лежала только на спине. Голову повернуть не могла от боли до потери сознания. Кормили с ложки. Врачи и медсестры делали все, что можно. Ее очень любили за терпение.

История болезни Диляры говорит и о ее жизни, богатой событиями, интересными людьми и большими сложностями. Сегодня она в реабилитационном центре уже почти месяц. Тонкая нервная система этой нежной женщины не выдерживает стрессовых нагрузок нашей грубой жизни. Как помочь ей?

Первого ноября 1997 г. для нее, еще не оправившейся от болезни, был страшный удар: неожиданно умер от сердечного приступа 23-летний сын Руслан. Вроде и не болел, а пошел на кухню приготовить кофе. Упал и... смерть наступила мгновенно. Диляра замкнулась в себе, ночи не спала и терпела душевные боли без слез. Похудела, осунулась. Единственный сын. Как она выдержала эту беду? В чем сила жизни в ней — я, кажется, не понял. Одолели болезни красавицу. Не знаю, как ей помочь...

Руслан — сын Диляры

Диляра до сих пор вспоминает детские годы сына. Он был очень музыкальный. Память прекрасная. Уже в 3-м классе начал писать стихи. Играл

На даче в Боровом Матюшино

Семья в сборе. В первом ряду (слева направо): Рим Махмутов, Светлана Махмутова, Татьяна. Во втором ряду: Миразым Исмаилович, Лейсан, Мирза Исмаилович, Каюм Мустафаевич Кадеев (ближайший друг семьи), Искандер.

на пианино, гитаре. Музыкальный слух и музыкальная память мальчика однажды потрясли самого композитора Назиба Жиганова, соседа по дому. Как-то шли они вместе по улице. Мальчик шагал позади, напевая тогда еще мало кому знакомые мелодии Поля Мориа. «Мамаша, — полуназидательно, полувосторженно сказал Назиб Гаязович, — а вы хоть понимаете, какой талантливый ваш мальчик? У меня не все студенты могут так чисто петь сложные аранжировки Мориа».

Диляра много занималась с ним. Вместе читали книги, слушали классическую музыку. Он часами мог слушать орган, после того как съездили в Таллинн, где познакомили его в соборе с ксендзом. Он каждое утро говорил: пойдем слушать орган. Вообще мальчику многое показали: великолепие Ленинграда, гостеприимство Абхазии, олимпийскую Москву, золотые пески Болгарии, гордую красоту Эстонии. Потом все пошло наперекосяк. И теперь Диляра ни на минуту не может забыть своего единственного сына. Она вспоминает все картинки жизни сына, подолгу рассматривает его фотографии, рассказывает эпизоды из жизни. Сердце матери болит и болит...

Шесть месяцев отняла у нее болезнь. Коллектив ТАРИ помогал, поддерживал, работал без сбоев, хотя многие считали, что она не сможет работать на должности ректора… И мы победили болезнь! Диляра всегда говорит, что моя поддержка была для нее очень важна. Не знаю, наверное, так оно и есть.

Удивительную преданность делу показали проректора, зав. кафедрами и даже студенты. Я довольно редко приходил в институт, и меня обступали все, спрашивая о здоровье Диляры.

Трудные, противоречивые, но в то же время 1990-е гг. были интересными, богатыми событиями, эмоциями…

Новый век

2000-е гг. преподнесли нам много подарков — хороших и плохих. Жизнь в целом стабилизировалась, гримасы перестроечного времени облагородились.

Но я не понял рвения властей и отдельных личностей к изменению всего, даже того, что не стоило менять. Началось слияние вузов.

Причина тотального слияния — московская идея создания крупных учебных заведений, как в США и Европе. Хорошая идея, но реализуется по-российски. В США и Европе есть великолепные небольшие вузы определенной направленности, и дети наших американских друзей чаще учатся там, а не в крупных университетах-заводах.

Они понимают разницу в штучной подготовке. И еще... Наши чиновники, в том числе от образования, не поняли, что ТАРИ не просто вуз, а экспериментальная лаборатория по синтезу российского и американского опыта, которая не имеет аналогов в мире, но напоминает израильский американский университет, малазийский, сингапурский, корейский колледжи и университеты, организованные по американской модели. ТАРИ мог составить славу татарстанского образования!..

Но что толку махать кулаками после драки. Цель достигнута: прекрасные ребята-выпускники работают в самых разных местах, а преподаватели приобрели неоценимый опыт, который они применяют в других местах.

…А что же с нашими личными целями? Диляра стала уникальным специалистом в области международного образования, внучка растет на радость всем, мы приобрели друзей и коллег во многих страна мира, семья и друзья рядом, мы стали чаще бывать на нашей любимой даче, и жизнь продолжается, хотя и с немалыми сложностями…

Размышления о воспитании

Мы давно знали, что воспитывать детей надо с пеленок. «Учи сына, пока поперек лавки лежит, а когда ляжет вдоль — будет поздно» — гласит русская пословица. Маленькая девочка Тати переехала к нам в пять лет. Диляра души в ней не чает: это дочка ее безвременно ушедшего сына. Это ее единственное в этом мире родное и близкое существо. Но «существо» к пяти годам уже получило свою долю представлений о мире, о жизни, о человеческих взаимоотношениях... Ребенок пяти лет уже понимает многое.

Иногда мы слышим от нее такие высказывания, которые под стать взрослому человеку. Как говорится, хоть стой, хоть падай! Кем она будет, каким человеком вырастет — Аллах знает…

К сожалению, 90-е дали не лучшие примеры поведения. Грубость, распущенность стали нормой. Бандиты и бездельники — герои сегодняшней потерянной эпохи «перехода к рыночным отношениям», перехода назад к капитализму, так много горя принесшего народам, так притягивающего возможностью легкой наживы. Для этого и бандитские разборки с отстрелом красивых молодых и энергичных парней, для этого и «локальные» войны, и «горячие точки».

За 10 лет «реформирования» уже погубили больше мужского поколения, чем сталинские репрессии за 40 лет. В конкретных цифрах и фактах! Посмотрите хотя бы на наши кладбища: там ведь теперь могилы сплошь молодых ребят! И это в конце XX в., через две тысячи лет после наставлений

Христа о любви к ближнему, через полторы тысячи лет после Мухаммада, призывавшего людей к милосердию и взаимопомощи. Это накануне нового, третьего тысячелетия! Где же цивилизация, где, наконец, «великая русская культура», о которой так много пишут ученые, о которой так много говорят политики?

Достаточно посмотреть, как вчерашние советские люди, вчерашние коммунисты, страдатели за все человечество («пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), хватают народное добро, растаскивают его, рассовывают по собственным карманам. А растерявшийся от этой неприкрытой наглости народ голодает, нищенствует, и по привычке тоталитарного периода, показывает велеречивым бандитам в галстуках «кукиш в кармане»...

Уже никого из имеющих власть и финансовую силу не волнуют страдания миллионов, никому нет дела до голодных детей, выброшенных судьбой на улицу (их в России более 2-х млн.), без тепла и уюта, без пищи и одежды, без теплого слова человеческого. Никому нет дела до голодных стариков и старых матерей, грудью своей вскормивших всех этих разъевшихся властных вурдалаков… Даже у самых «вежливых и заботливых отцов» только одно на уме — как бы схватить побольше, запихать в свой раздувшийся от награбленного карман. Сотни коттеджей, обставленных лучшей и самой дорогой импортной мебелью, тысячи лучшей марки «мерседесов», лучшие и самые дорогие в мире курорты и фешенебельные гостиницы… Я не против этого, но заработай! Но пока все это за счет награбленного «законным» путем. Чему могут следовать молодые люди? Чему учиться у такого старшего поколения? Где люди, которым можно следовать, которым можно поклоняться, как образцу человеческому? Я пишу об этом, а перед глазами конкретные личности, люди, с которыми я вместе работал, хорошо знал их, которые вчера были самыми активными коммунистами, люди, которые поучали других, говорили, как надо жить скромно, не завидуя другим, не обижая других и т. д. А как только наступили перемены, они первыми бросились занимать руководящие посты не ради позитивных преобразований, а для собственного обогащения…

Как оценить их поведение сегодня? Что это как не хищное в людях с высшим образованием, с дипломами кандидатов и даже докторов наук? К тому же дипломы теперь тоже покупаются, как и девушки, как малолетние дети. И это люди, и это человеки? Пещерные мы люди — троглодиты, думающие, что мы культурные, облагородившиеся чтением книг, стихов, созерцанием картин знаменитых художников?.. Но, оказывается, как были троглодитами, так ими и остались. Неужели все тысячелетия назиданий и

лучшего опыта пропали даром? Как капля в море, в миллионной толпе людишек так мало действительных «человеков», душой и умом страдающих за людей, милосердных, сострадательных, человечных.

Последние десять лет педагоги стали чаще писать о гуманизации и гуманитаризации образования, воспитания. Написаны сотни диссертаций, книг, брошюр. А кто их читает? Только сами же авторы этих публикаций. Да небольшая, может быть, часть учителей, не видящих выхода из беспросветной нужды и страданий детей и их старых родителей. Как мало надо времени обществу, чтобы скатиться во мрак и как трудно потом подниматься к свету.

Реальны ли гуманные отношения в сегодняшнем российском обществе? В каких условиях пропагандируются гуманные отношения? Есть ли польза от «гласа вопиющего в пустыне»? Педагоги пишут, беспринципные политики произносят сладкие речи, продажные журналисты заполняют ложью страницы газет и журналов. Гуманные отношения были реальны в советском обществе хотя бы на уровне определенных социальных кругов: в среде потомственных рабочих, деятелей науки, образования, медицины, в селах, сохранявших народные общинные традиции. Что же случилось с людьми в моей стране? Вместе с «партийными оковами» общество отбросило мораль, этику общения, стыд и скромность и бросилось наверстывать упущенное, как будто в колбасе и автомобиле есть смысл жизни?!

...Все это снова и снова заставляет задумываться над сущностью человеческого поведения, над вопросом о смысле жизни. Ведь эти мысли возникают в головах многих людей. Именно о смысле жизни во все века задумывались лучшие умы человечества: от Моисея, Будды и Христа до Мухаммада, Ганди, Льва Толстого, Рабиндраната Тагора и артиста Райкина. Все они оставляли нам свои советы, рекомендации, наставления, как жить в любви и дружбе, не обижая друг друга, не оставляя попавшего в беду без помощи и поддержки. Мы читаем их писания, но, повзрослев, забываем свою человеческую миссию на Земле, начинаем бесчинствовать.

Убежден, что многим из нас приходит на ум один и тот же вопрос: «Почему же мы духовно не можем подняться до уровня Человека, все еще остаемся на уровне животных инстинктов, на уровне потребления не ради осмысленной жизни, не ради созидания, интеллектуального и духовного творчества?». В самом деле, почему? Потому что перебороть животный инстинкт труднее, чем покориться Разуму. Потому что на Руси всегда было легче отнять у другого, ограбить ближнего, своровать... Потому что наш менталитет намертво зажат древними традициями — отнять, украсть, ограбить, убить...

Ученики и друзья пришли поздравить учителя с днем рождения (слева направо): Г.И. Ибрагимов, М.И. Махмутов, Мусайд Аль-Захари, Мухаммад аль-Амари

И все же одна из важных причин падения человека — отсутствие ручного труда, труда вообще как условия созидания. Детей надо приучать к труду с малых лет. Об этом писали все классики педагогики, об этом писали философы и психологи в последние два столетия.

Что дало нам, нашему поколению советское воспитание? Много интересного и нужного для становления настоящего Человека. Понятия о Родине как высшей ценности, о равноправии и социальной справедливости, которые позже были несколько омрачены наличием привилегий для партократии. Но одновременно, защитив народ социально, это воспитание как бы обезоружило людей, воспитав у них наивную веру в благородство человека. Советская власть воспитала в нас наивную веру в силу правды, в справедливость в человеческих отношениях, в силу закона. Как только мы попали в дикую стихию капитализма, растерялись, не зная, как противостоять Злу.

Принцип преемственности, работает ли он? Потомственная интеллигенция умела формировать характер своих детей, но где она вся наша русская и татарская интеллигенция? Уничтожена, размыта, осовременилась, а ведь

На демонстрации в День Победы с друзьями (слева направо): фронтовики А.М. Костин, проф.Н.Н. Непримеров, академик М.И. Махмутов, вице-премьер правительства Татарстана Ю.С. Валеев

именно она является носителем лучших традиций. Род моей жены принадлежит к такой интеллигенции.

Откуда в человеке тщеславие, самомнение, равнодушие, жадность? Нет в воспитании воздержания от излишеств, от стремления получить все «здесь и сейчас». Опыт жизни европейцев и американцев показал, что эти народы, в конце концов, погибнут из-за своей невоздержанности, из-за пресыщения и благополучия. Об этом пишут европейские и американские талантливые писатели, а мы семимильными шагами стремимся в эту пропасть потребления и пресыщения. Так и хочется крикнуть: «Остановитесь, люди, и поразмышляйте».

Жизнь прожить — не поле перейти...

…Во взаимоотношениях с Дилярой у нас тоже бывали казусы. Столкновения были по ходу работы, ведь мы создавали новое учебное заведение, и у каждого было, кроме общего, и свое видение той или иной проблемы. Я, конечно, привык быть руководителем, привык, что мое мнение очень

важно для всех моих учеников. Ее я тоже воспринимал как ученицу в области педагогики. Но она была очень самостоятельным и очень современным человеком, и хотя ее высказывания казались мне порой дерзкими, именно прямота и критичность привлекали меня в ней всегда.

Мы с женой хорошо жили и в бытовом плане: ездили на заграничные курорты, отдыхали в лучших санаториях России, если надо, нас лечили в лучших больницах Казани или Москвы. К нам хорошо относились друзья и знакомые. На Дилярины перемячи и мой коньячок собирались часто в нашем доме. Мы любили гостей, и Диляра умела их принимать. А первого мая, в день моего рождения, перемячики пеклись целый день. Ведь гости заходили с утра и до позднего вечера. Какие умные и добрые беседы велись за нашим столом. Это ли не счастье человеческого общения?! Теплые отношения наши, кажется, ничем не омрачались... Но новые трудности были уже недалеко…

…Я спрашиваю себя: чем живет человек в молодости и преклонных годах? Неужели только погоней за удовольствиями? Или он, как человек, как гомо сапиенс, живет еще и чисто человеческими переживаниями любви, увлечений, интеллектуальными переживаниями: интересными идеями, творческими находками? Или все это в условиях «рынка» уже никому не нужно? Память тоже не нужна. Прошлое тоже не нужно? Воздержание от желаний, голода, удовольствий и т. д.

Какими радостями живет человек? Только ли... Жаркие объятия — это для беззаботных дней молодости. А в старости другие переживания, другие заботы, другие радости. За детей переживаешь. За их успехи и неудачи, за интересные идеи, сплачивающие интеллектуалов. За новые статьи в журналах, и новых книгах. Ведь когда мы уходим в мир иной, мы оставляем людям именно свои идеи, свои мысли, которыми потомки могут воспользоваться в решении своих проблем.

«Все остается людям» — прекрасный фильм. Человек делает все, что он может, силой своего интеллекта создает новое. От облучения ученый умирает. Но он не жалеет ни о чем. Он уходит с сознанием сделанного для людей, для будущего. Умирает. Все остается людям. Любить человека, своего ближнего завещали все пророки. Если ты можешь это делать, ты не жалеешь о прожитых годах. Что ты смог, все ли оставил людям? Хорошим людям.

Вообще моя точка зрения, что жизнь нужна только для созидания. Тогда она имеет смысл. Мне кажется, я придерживался этого принципа всегда. Строил систему образования Татарии, Институт профтехпедагогики, ТАРИ и еще, что очень важно для меня, участвовал в создании Академии наук Татарстана.

Академия наук РТ

Итак, пользуясь благоприятной политической ситуацией (борьба за суверенитет), в Казани решили создать свою Академию наук.

М.Х. Хасанов и меня пригласил в оргкомитет. Я активно включился в разработку документации и обсуждение перспектив такой академии. В организационных вопросах работать с Мансуром Хасановичем было очень интересно. Он был опытным политиком и хорошим организатором. Первые годы создания АН были очень интересными для меня.

Когда один видный московский ученый напечатал в татарстанской газете критическую статью по методам формирования академии, я бросился на защиту — выступил с резкой статьей против этого ученого (а это был уважаемый мною крупный ученый Роберт Нигматуллин, будущий президент АН Башкирии).

Нигматуллин *Роберт Искандерович (р. 1940) — инженер-механик, математик, доктор физико-математических наук (1971), профессор (1974), действительный член РАН (1991). В 1993—2006 гг. председатель Президиума Уфимского научного центра РАН, в 1995—2004 гг. президент АН Республики Башкортостан. Почетный член АН РТ. С 2006 г. директор Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН.*

После встречи с этим ученым в Академии и его докладов я пожалел, что слишком рьяно выступал, защищая свою АН, надо слушать разные точки зрения.

Академия получилась гуманитарной: основными исследовательскими центрами стали Институты истории, языка и литературы и Татарской энциклопедии. Почти 15 лет я проработал на посту академика-секретаря Отделения социально-экономических наук. Одновременно я занимал должность главного научного сотрудника Института социально-экономических и правовых наук…

Наука. Мышление. Лицемерие

В Москве на общем собрании Академии наук России в начале апреля почти все проголосовали за прежний проект Устава Академии, дающий ей автономию в решении научных проблем. Натиск власти, пытающейся внедрить в президиум АН чиновников, не прошел, ученые выдержали. Эту свободу Академия имела и при царской и при советской власти. Академик Владимир Страхов (75 лет) в середине апреля объявил голодовку (проводил ее прямо в своем институте на раскладушке) против безобразного отношения власти к науке, которая постепенно хиреет, молодежь уходит за

рубеж, не идет в аспирантуру и т. д. Мизерное финансирование погубило уже российскую науку, заявил Страхов, частичное улучшение положения в последнее время не спасает науку в целом. Три млрд. долларов Институту Курчатова (нанотехнология) — это еще не вся наука. Этот процесс развивался не только в центре, но и на местах.

Рассмотрим для примера Казань, старый центр науки в стране. В Казани сложилась такая ситуация. В правящем клане (я хотел сказать элите, но подумал, какая же это элита?) сложилась традиция стиля коммунистического, тоталитарного правления: что скажет «батюшка царь», первый секретарь, президент. Наши руководители набрали огромный опыт такого правления. В российских республиках власть построена по принципу патернализма (диктатура восточного типа при видимых формах демократии). Особенностью управления Минтимера Шариповича является управление, построенное на практическом мышлении и сильно развитой интуиции. Поэтому он выдвигал, выдвигает на руководящие посты себе подобных — без научного мышления, но с большим опытом практической работы. И почти весь руководящий состав РТ — люди с практическим мышлением, не понимающие сути науки и не ценящие людей науки. Поэтому они и решения принимают по опыту.

Факты говорят об этом. Первый — в Казани нанесли вред науке, научным учреждениям и высшей школе. Например, прекрасные исследовательские институты отраслей промышленности позакрывали, квалифицированные кадры пустили по ветру, имущество и приборы растащили, специалистов распустили на все четыре стороны. Создали под давлением татарской интеллигенции Академию наук. Но во главе поставили человека, имеющего 30-летний опыт работы зав. отделом ОК КПСС и зампреда Совмина, т. е. с чисто чиновничьим опытом. На развитие Академии средств отпускали в несколько раз меньше, чем на содержание футбольной или баскетбольной команды. Академию воспринимали как контору, выдающую рекомендации, как вывести республику из кризиса. Но в АН своих исследовательских центров было только три — истории, языка и литературы и Татарской энциклопедии. Что они могли дать для подъема экономики? Только общие знания татарской культуры. Ничего более. А единственный академический Институт социально-экономических наук не мог развивать исследования экономики силами 4—5 сотрудников. Вместо того чтобы развивать, его ликвидировали.

Так что же, зря создавали АН РТ? Нет, не зря. Для экономики она особой пользы не принесла, но в сфере истории, развития языка, создания энциклопедических источников сделано удивительно много.

И еще Академия объединяет ученых разных вузов, НИИ и создает экспертное сообщество по самым различным направлениям науки. Но во все времена дистанция между властью и наукой была очень большой. Почему? Они разговаривают на разных языках и мыслят по-разному. Это объективная ситуация, но нужны трансляторы, т. е. те, кто, поработав в науке, идут во власть. А не наоборот. Отточить ум в науке и тогда можно допустить к принятию решений.

Многие недуги общества лечатся главным образом уровнем нравственного сознания и чувства ответственности человека перед другими людьми, перед обществом. Как известно, стыд есть общечеловеческая ценность, общечеловеческое качество личности. И без теории воспитания в прошлом татары знали силу слова и понятия «оят» (стыд). Именно он играет немалую роль в осознании своей истинной роли в управлении, в изменении нравственного поведения человека. Лицемерие и мыследеятельность человека взаимосвязаны, так же как осознание им своей функциональной неграмотности и уровня интеллектуальной способности и готовности к выполнению стоящей перед ним задачи. Нравственное сознание воспитывается. С давних времен этим занимается религия, вдавливая в сознание ребят нравственные понятия и термины: не убий, не укради, не прелюбодействуй, будешь лгать — попадешь в ад и др. (см. Коран, сура 17, аят 39). Теперь возлагаются надежды на семью, школу, художественную литературу, искусство и коллектив (студентов, рабочих, солдат). Прав А.С. Макаренко: «Человек воспитывается в коллективе и через коллектив».

Немного о поэзии. Какая поэзия мне нравится?

Сам я никогда стихов не писал, но любил поэзию: она отражала мои духовные потребности в красоте, гармонии, смысле, она могла выразить больше, чем я мог подумать о той или иной стороне жизни, события, случая... Читал с большим удовольствием не только Пушкина, Лермонтова и татарского поэта Тукая, но и поэтов Востока и средневековья.

Лермонтов, мне кажется, сильнее выражает борьбу страстей, отражает кипучую жизнь людей. Чего стоят его железные строки: «А вы, надменные потомки, известных подлостью прославленных отцов!». Или: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ…». Поэмы Лермонтова «Мцыри», «Демон», «Измаил-бей» и другие открывают широкие картины жизни людей других племен и народов… Сегодня, как и столетие назад, Кавказ снова в крови, как и много лет назад, он бьется за права, за свою свободу от давно навязанных ему силой чужих нравов и обычаев, чужого менталитета, от-

бивается от ига северян. Особенно хорошо Лермонтов передает увиденную им картину жизни воюющего Кавказа:

Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани.
Его стена — ручной булат,
Его мечеть — на поле брани.
Его свободные сыны
В огнях войны закалены.
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу,
Не миновала пуля их... («Хаджи Абрек»)

Какое емкое описание боевых будней кавказского аула! Читал я это лет 50 назад, а помню… и повторяю... В 1940-е гг. чаще читал К. Симонова, А. Суркова, Твардовского, любил стихи англичанина Бернса; в 1950-е гг. взахлеб читал стихи Мусы Джалиля, Фатыха Карима, Мустая Карима, Маяковского, доступен стал и Есенин, певец любви из села Константиновка. В 1960-е из восточных поэтов больше читал я Омара Хайяма, Расула Гамзатова. Конечно же, нравились стихи Е. Евтушенко, Р. Рождественского. Времени было всегда в обрез. Надо было заниматься практикой организации просвещения, «делать» науку. Всегда я с удовольствием читал стихи Маяковского, и сейчас считаю его громадным поэтом новой эпохи, социально мощные стихи которого воспитывали не только тех, кто «в лихорадке буден...».

И на склоне лет, занимаясь вопросами нравственного воспитания молодежи, с удовольствием открываю томики стихов древних поэтов Востока — Руми, Баласагуни, Джами, Хайяма, Рудаки... В их рифмованных строках глубокие мысли, следы сур Корана, нравственного учения ислама... Моя душа тянется к этой поэтической строке, которая всегда сжато, емко, глубоко осмысленно выражает то, что ученый или писатель чувствует, интуитивно воспринимая мир таким, каким мы его не видим, осознает и объясняет нам его на многих страницах.

Жил в 50-е гг. в Казани поэт Леонид Топчий. Небольшая книжка стихов, а сколько в ней эмоционального накала!

...Люди русские хороши!
Это все от простора нашего —
Широта, глубина души…

Его после германского плена 10 лет томили в русских лагерях. Поселился в нашем городе украинец с половецкой фамилией «Топчий», что значит на тюркском «пушкарь». Всего лишь одно слово, а какая интересная история украинского и половецкого народов в нем!

Довольно поздно я познал чудесную поэму дидактического жанра Юсуфа Баласагуни (написана почти тысяча лет назад!) «Кутадгу билиг». Сколько в ней народной мудрости, сколько иносказаний, метафор, эпитетов, сравнений! Сколько в ней изложенных стихами правил нравственного поведения! Это учебник жизни не только для того времени, в нем и сегодня много очень важных и нужных поучений. Видимо, у таких талантов учились находить метафоры и татарские поэты. «Яшел шәлле каеннарның ак төзләре күренә...» (А. Ерикей), «Март аеның нечкә билле җиле, җиргә сузылып ятып, кар ашый...» (Х. Такташ).

Российский исламский университет (РИУ)

Теперь, кажется, я уже участвую в создании Российского исламского университета в Казани... Разработал по их просьбе один из вариантов концепции, но светскую часть ее стали реализовывать только лет через 7—8.

В 1995 г. открыли РИУ. Усилиями муфтия Госмана Исхакова РИУ за пять лет поставили на ноги, наладив религиозное обучение. Да, отдельно светских дисциплин было мало, но ведь и в Москве не торопились с выдачей лицензии. Так и застряла идея сочетания религиозного и светского образования. Через семь лет кому-то, наконец, пришла в голову мысль, что РИУ не так работает. Начались споры, которые привели к смене одного ректора, потом другого... Более подготовленные преподаватели стали разбегаться. Началось брожение среди шакирдов (студентов). Имея в Казани около 20 светских вузов, надо ли было педалировать превращение РИУ в светское учебное заведение таким грубым образом? Непродуманность, опять непродуманность... Меня привлекали к разработке концепций, но кто принимал решения, не знаю.

Ислам не делит науку, знания на религиозные и светские. Религиозные деятели должны быть образованными. Мне удалось создать кафедру филологии и страноведения, где я читал лекции и вел семинары по научным вопросам в исламе для хазратов. Вел я курс страноведения и в ТАРИ. Но какая разница между студентами?! Моя задача — дотянуть шакирдов до уровня студентов ТАРИ, но это очень нелегко. Исходный уровень разный, хотя поведение шакирдов и вызывает уважение.

В курсе по арабскому страноведению для шакирдов РИУ я давал знания о светской жизни мусульманских стран, чтобы хотя бы как-то оторвать их от фанатизма. На этом материале я написал большую (620 страниц) книгу по страноведению — «Мир ислама», издали ее в 2006 г. ко дню моего 80-летия. Эта книга и для студентов учебное пособие, и для читателей монографическое изложение прошлого и настоящего мусульманских стран. В начале книги изложена культурология, поскольку я отвечал на вопрос «Есть ли у мусульман культура?», в главе показано, какая большая доля арабской науки вошла в культурный фонд Европы. Есть в книге и ответ на вопрос «Почему Европа обогнала Восток?».

Затем здесь изложена история халифатов и мусульманских государств... В третьей части книги речь идет о 4-й мировой войне, войне между Западом и мусульманским Востоком. Это не только агрессия США против Афганистана и Ирака, но и большая антиисламская пропаганда, исламофобия. Здесь же обобщенные взгляды на перспективу развития культуры, образования и экономики арабо-мусульманских стран.

Наконец-то и российская общественность обратила внимание на эту проблему — в Алма-Ате состоялась международная конференция, посвященная проблеме конфликтного отношения между мусульманским Востоком и Западом.

Свою точку зрения я увидел и в выступлениях участников Евро-Азиатского форума в Алма-Ате, прошедшего 19 апреля 2007 г. Там говорили о войне Запада с Востоком. Особый интерес у меня вызвали высказывания Е. Примакова, специалиста-ученого и политика по Востоку.

ГЛАВА 10
РАЗМЫШЛЕНИЯ 2000-х гг.

Ислам

Кто есть верующий? Тот, кто исполняет все обряды ислама, знает Коран, но ничего не делает? Или тот, кто знает, исполняет все «уснады» и делает добрые дела (помогает бедным, создает блага и т. п.)?

В рай первым пойдет не читающий Коран наизусть, если он не делает добрые дела; а второй, читающий и творящий добро. Если не учить молодежь духовности, умению и потребности творить Добро, то мы воспитаем фанатиков. Все творит Аллах, все творится с его ведома, его желания и т. п. Для фанатиков только так. Когда-то Коран был прогрессивным наставлением для людей. Потом его сила упала, он стал тормозить развитие мысли. Это привело к стагнации мусульманской культуры. Теперь Коран, его учение не самое прогрессивное учение, хотя и потрясающий свод духовных, этических норм поведения.

Человек, знающий Коран, должен знать, кто такие арабы, мусульмане. Где они и как живут? Кто их притесняет? Без этих знаний мусульманин не мусульманин, а догматик, фанатик и невежда.

А человек? Разве Коран не наделил человека способностями и возможностями самому творить? Я никогда не бил себя в грудь, мол, я мусульманин. В середине 1990-х гг., когда интенсивно возрождали ислам, меня пригласили участвовать в этом деле, чтобы люди больше верили муллам. Потом меня пригласили совершить паломничество в Мекку, в Хадж.

Я осознал учение ислама и по-своему, по-муджтахидски интерпретирую это учение. Оно рационально, несмотря на то, что любая религия опирается на сверхъестественное, нерациональное. Поэтому европейские ученые (Бюкай) считают, что Коран не против науки, русские мыслители считают (Лев Тостой),

что ислам прогрессивнее православия. Сегодняшние ритуалы православия устарели в свете современной науки и практики жизни. Поэтому нередко в католических соборах и протестантских церковных домах можно услышать много музыки, простых понятных проповедей, увидеть молодежь и детей. Российскому исламу и православию надо учитывать этот опыт и время, в котором мы живем.

Какими знаниями живет средний татарский интеллигент? Во что верит? Кому доверяет? Какие знания и какую веру передает молодому поколению?

«Иман» — вера. Но русское слово «вера» нельзя переводить просто как «иман», потому что русское слово «вера» переводится как «ышану, инану», а «иман» — это вера в ислам. Интересен нюанс в соотношении русского и татарского слова «вера». Когда татарский журналист спрашивает: «Веришь ли ты в Бога?», он совершает ошибку. В татарском не логично выражение «Аллага ышанасыңмы?». Есть слово «иман» — «Иманың бармы?». «Иманым камил», — ответ.

В новой России началось возрождение религии. Православие стало почти официальной идеологией России. Патриарх сильно влияет на политику страны. Восстановили храм Христа Спасителя, очень красивый и значительный. Но храм это еще не вера. Настоящая вера еще не скоро придет к людям. Да и придет ли вообще? Ведь вера — это соблюдение заветов. Да что-то не очень пока они соблюдаются.

У православия в России глубокие корни, в сознании многих православие сидит как идеология, противоположная коммунистической. Поэтому возрождению православия стали помогать многие люди, и интеллигенция, и государство. Если президент страны идет в церковь, целует крест и ставит свечку, он дает сигнал всем гражданам поддерживать православие, поддерживать и словом и делом.

Сложнее, но и ислам стал возрождаться в России. Нашей стране нужна идея, конечно. Светская, социальная. Но пока ее нет, религия может сыграть важную роль в становлении общества. Я убежден в великой силе религиозного учения, а не веры как таковой.

Про ислам написано много, в том числе и на татарском языке. В Казани сразу нашлось несколько человек, взявшихся за восстановление мечетей. Людей собирали в мечетях и в общественных местах — надо было распространять идею ислама у татар. Убежденные в том, что ислам и есть татарская специфика, часть интеллигенции поддержала и идею возрождения. Строить и восстанавливать мечети все помогали, стали изучать арабский язык. Коран

В аэропорту Джидды во время Хаджа
профессор Р.Балтанов и академик М.Махмутов. 1994 г.

появился на столах многих людей. Хотя умеющих его читать и понимать, конечно, было немного.

Муфтий Галиуллин собирал людей для хаджа в Мекку. В Саудии он договорился, что на первых порах для россиян это будет бесплатно. Но кого пригласить в поход? В числе группы верующих муфтий пригласил и четверых профессоров, в том числе и меня, и двух образованных женщин, одна из которых была Диляра Шакирова. Мы должны были поддержать имидж муфтия и хаджа и вернувшись.

Мы прилетели в аэропорт Джидды, современного города на берегу Красного моря. Огромное здание аэропорта поражало и размерами и архитектурой: стен как таковых нет, крыша сделана из громадных зонтообразных куполов из легкого пластикового материала. На гладком каменном полу сидят и лежат тысячи прилетевших паломников. Многие тут же раскладывают привезенный товар, видимо, по сложившейся веками традиции: паломники сами себя кормят в пути. Базар в аэропорту не очень шумный, но достаточно

пестрый: часы, бинокли, самовары, украшения и ножи из Средней Азии и России. Паломникам нужны доллары...

Из мусульманских стран одной из самых «правоверных» является, конечно же, Саудовская Аравия. Столица страны — Эр-Рияд. Но мы были только в Мекке и Медине. Мекка расположена в горах, сплошь из гранитных камней, там нет воды, нет почвы, не растет трава... Огромное солнце на вечно безоблачном небе заставляет все живое искать тень...

Что делают паломники в Мекке? Они ведь не торговцы и не просто туристы, приехавшие полюбоваться незнакомым городом. Они группами сразу направляются в главную мечеть ислама («Аль-Хаарам»). Проживающие на южной стороне города проходят через огромные тоннели, пробитые в гранитной горе. Сразу открывается панорама мечети с восемью роскошной орнаментовки остроконечными минаретами. Двухэтажное кольцеобразное здание построено вокруг площади, которая стала огромных размеров двором, в середине двора — невысокое сооружение, покрытое черной тканью. Это и есть знаменитый «Байтуллах» (Дом Аллаха, дом Авраама), в стену которого вмурован черный камень Кааба.

Трудно мне, не поэту, описать красоту этой мечети. Поражают колоссальные размеры сооружения, не похожего на здание храмового типа. Белые мраморные колонны, похожие на коринфские, поддерживают резные потолки с богатым восточным орнаментом. На потолке и стенах красивая вязь из арабской каллиграфии: изречения из Корана. Полы устланы плитами блестящего красного, черного, белого и голубого мрамора, местами покрыты большими коврами. Много воздуха и света... Метров через тридцать после входа сразу открывается вид на внутреннюю часть мечети, нечто вроде огромной площади двора.

Но главный ритуал: хождение вокруг Каабы. В свое время сам пророк совершил семь кругов вокруг Каабы. Поэтому и теперь каждый паломник делает то же самое, стараясь прикоснуться руками к сооружению (бэйтулла) или, еще лучше, к вмурованному в его стену черному камню Кааба, еще лучше, попытаться его поцеловать.

Этот обряд (ритуал) называется «таваф». Он существует с древних времен, он был еще до ислама, в эпоху «джахилия» (невежества). Совершая языческие обряды, вокруг Каабы ходили раздетые догола мужчины и женщины. Мухаммед, призывая арабов-язычников к стыду, к морали, к нравственному поведению, объявил такой обряд безнравственным поведением, он запретил это бесчинство, ссылаясь на требование Аллаха быть скромными; велел ходить в «ихраме» — белой одежде богомольцев.

Не менее значимым считается и другой обряд: восхождение на гору Арафат, которая находится в 40 км от Мекки у городка Мина. Там, по преданию, Адам встретился с Евой. Заключительный ритуал — заклание жертвенного барана, поскольку хадж приурочен к религиозному празднику жертвоприношения «Гыйд-эд-даха», по-татарски «Курбан байрам». При этом громко читают молитвы и стихи Корана...

В Мекку съехалось несметное количество людей со всех континентов Земли. Тут в единой молитве слились и белые, и черные, и желтые. Более двух миллионов паломников две недели восхваляли Аллаха и его посланника на Земле Мухаммеда. Две недели клялись в верности и покорности Аллаху. Просили мира на Земле, спокойствия и дружбы народов, благополучия своим семьям и родственникам, счастья всем мусульманам. Дух смирения и дух единения и братства мусульман витают в самом воздухе Мекки...

Огромный двор самой мечети «Хаарам», ее внутренние помещения и громадная площадь перед мечетью — все было заполнено людьми. Сотни тысяч людей в белых одеждах, выстраиваясь в ровные ряды, одновременно склоняли головы, одновременно становились на колени, одновременно отбивали поклоны, прикасаясь лбом к земле. «Ля иляхе илля Аллахе» — звучал голос муэдзина с высоты восьми красивейших минаретов огромной мечети. «Ля иляхе илля Аллахе Мухаммеду-р-расулуллахе», — повторял каждый молящийся. В едином порыве люди просили за своих детей, родителей, живых и усопших...

Во всем этом было что-то трогательно-торжественное, реальная картина единства огромных масс самых разных народов, языков и рас. Никто ни на что не жаловался, хотя, прямо скажем, условия паломничества были нелегкие даже для хорошо организованных «делегаций».

Сама столица ислама Мекка расположена в безжизненных горах, где нет не то что деревца или кустика, нет даже чахлой травинки. Палящие лучи огромного солнца как лазером прожигают насквозь все живое. И все живое днем, как мне показалось, не движется, замирает, затихает в тени в ожидании вечерних часов, ночи.

Это были тяжелые физические и психологические испытания для паломников. Некоторые пожилые люди не выдерживали: от сердечного приступа и солнечного удара уходили в мир иной. Специальная похоронная команда не сидела без дела. Сотни тысяч, миллионы последователей Мухаммеда. Одухотворенные лица, самые разные, но удивительно мало интеллектуальных. Видимо, интеллигенция или не очень-то верит в Аллаха, или не рискует совершать Хадж. Чернокожие из Нигерии и Сенегала, ширколицые сыны и

дочери жаркой и влажной Индонезии, тысячи арабов со всех концов света. Сто тысяч турок и турчанок на самолетах, автобусах и легковых машинах прибыли в Мекку на поклонение Аллаху. Большинство старики и старухи, все в одинаковой одежде с красным полумесяцем и звездочкой на рукавах блуз и пиджаков, чтобы не затеряться в громадном людском водовороте. Много паломников из Пакистана, Ирана, Афганистана и Бангладеш. Единицы из Америки, главным образом живущие там арабы, турки, африканцы. Крайне мало, почти никого из Европы: она почти вся христианская. Из многочисленных народов, исповедующих ислам, в Европе живут только татары (Поволжья, Урала, Крыма, Сибири), немного мусульман из Дагестана и Северного Кавказа. И совсем маленькая группа мусульман славянского происхождения из окровавленной религиозными войнами Боснии.

...Гостиниц не хватает, да и не может хватить на вдруг нахлынувшие миллионы разноязычных народов. Сотни тысяч людей, постелив одеяло или плащ, спят прямо на раскаленном за день асфальте на улицах и площадях в западной части города…

Специально по конкурсу подобранный красивый тембр голоса муэдзина, усиленный современными репродукторами, разносит призыв с сотен минаретов красивых и простеньких мечетей по всей священной Мекке к очередному «салату» — намазу. Мекканцы закрывают свои до краев наполненные товаром маленькие лавки и большие магазины, быстро совершают омовение. Затем стелют прямо на пол или даже на тротуар свои молельные коврики, становятся строго в ряды и начинают читать молитвы. С ними вместе так поступают сотни тысяч паломников, расстелив на раскаленный асфальт улицы или площади платок вместо молельного коврика, а зачастую просто картон от коробки.

Создается впечатление: вся благородная Мекка только и ждет призывного голоса муэдзина, чтобы немедленно совершить очередной намаз, славословя Аллаха и его посланника Мухаммеда. У жителей города это уже привычка с детства, как у нас утренняя гимнастика. В других странах я не видел такого рвения к молитве, как в Мекке, такого массового становления в ряды молящихся. Мало кто спешит по призыву муэдзинов в мечеть, хотя каждый считает себя правоверным, даже только раз в неделю совершая «пятничный» намаз... В условиях Мекки, чисто торгового города с тысячами лавчонок и магазинов, это возможно. А как быть индустриальному городу с его совершенно иной инфраструктурой?

…Много ли верующих людей в разных странах? Помню с профессором Богуславом Старновским, влюбленным в свою «Злату Прагу», мы познакоми-

лись не в Чехословакии или России, а в Алжире. Оба приехали туда в 1965 г. в качестве экспертов ЮНЕСКО. Он разрабатывал программу развития науки в молодом независимом Алжире, я — программу ликвидации неграмотности. Через десять лет мы встретились с Богуславом в Праге. В солнечный воскресный день он пригласил меня прогуляться по городу. Помню, около большой церкви было мало людей и много голубей. Я спросил Богуслава, ходит ли он в церковь. «У нас многие, — ответил он мне, — атеисты. Но мы не кичимся этим, уважаем и церковь, и верующих людей». Потом добавил: «И протестантов, и католиков».

Много ли верующих в России? На этот вопрос сегодня не сможет ответить ни один ученый: все перемешалось в головах людей. Но хотят верить многие, при этом не очень усердно следуя заповедям ислама.

Одна из самых важных функций любой религии — это внимание к воспитанию детей и молодежи. Нам известны назидания царя Соломона своему сыну. Пророк Мухаммад сказал: «Все дети рождаются одинаковыми, сабиянином, иудеем, христианином или мусульманином их делает воспитание». Но в генах каждый ребенок несет то, что ему передали родители: определенные способности. Эти способности в зависимости от внешних условий развиваются у одних больше, у других меньше.

Человек воспитывается в коллективе и через коллектив. Мы привыкли к этой формуле А.С. Макаренко, известного советского педагога. С этим, кажется, все согласны. Семья, сверстники, школьный и студенческий коллектив, трудовой и солдатский коллектив. По сути, человек всю жизнь находится в окружении людей, воспитывается, подражая тем, кто ему кажется лучше его. Но так формируется человек, его характер в целом. А тонкости его души дополняются влиянием на нее духовного мира другого человека. Насколько эффективно может быть это влияние? Многое зависит от восприимчивости души самого человека и силы воздействия на нее духовной силы другого. Теперь это называют, кажется, «энергетикой». Всякие колдуны во все времена оказывали влияние на чувства людей, обещаниями, посулами, всяческим описанием прекрасного будущего они формировали отношение людей к действительности.

Разработал я и концепцию Татарского национального университета в 1994 г. Но только в январе 2000 г. начали ее дорабатывать, готовясь к принятию окончательного решения... Но и здесь напортачили, «сами с усами» оказались люди, не ведавшие ни татарской культуры, ни переднего края педагогической науки... Теперь появился «гуманитарно-педагогический университет». Как будто педагогика не гуманитарная наука!

В 2005 г. не только Татарстан, но и Россия отметили 1000-летие Казани. Приезжал В.В. Путин и все губернаторы регионов, и люди из-за рубежа. Большой праздник получился. А главное — город начал преображаться. Моя любимая Казань получила черты современного города.

Интеллигенция

Об особенностях возникновения интеллигенции на Западе и Востоке, ее развитии в разных эпохах, в разных странах мира, у разных народов написано много. Мне хотелось бы коснуться этой темы только в связи со своим собственным становлением как интеллигента. После многих лет службы в армии, жизни в казармах и обучения в военных школах я, конечно, имел определенное миропонимание. Приехав в Казань, я попал в среду не столько русской, сколько татарской интеллигенции, поскольку характер моей работы был связан с этим.

Конечно, за час беседы не мог даже великий Джавахарлал Неру — премьер-министр Индии — повернуть мое миропонимание, сформировавшееся за многие годы обучения в советской школе, и особенно в военном вузе. Однако нельзя сказать, что он совсем не дал мне повода для размышлений о судьбах как отдельных людей, так и народов. Каждая такая встреча оставляла след в моем сознании, в моей душе, меняла сколько-то мое мнение о людях, о событиях. А таких встреч у меня на жизненном пути оказалось не так уж и мало. Вспоминая о них, я часто задумывался о сути жизни, о ее неожиданных поворотах, о Добре и Зле...

…Мне бы хотелось в двух словах высказать свое понимание интеллигентности и ответственности татарской интеллигенции за судьбу своего народа. Она, естественно, крайне неоднородной была до революции и разношерстной сформировалась в годы советской власти. Элитной быть не могла, хотя и имелось татарское дворянское сословие, в России у нее не было официального языка, не говоря уж о поддержке власти.

Народная интеллигенция формировалась в годы советской власти очень медленно, преемственности со старой, можно сказать, не было. Поэтому и ее мировоззрение, понимание глобальных проблем своего народа, его судьбы было часто даже странным, многие на это смотрели со своей колокольни, вернее, с низенького минарета маленькой старой мечети своего небольшого аула. И действия этой интеллигенции у многих носителей культуры вызывали недоумение.

Примером может служить многократная смена татарского алфавита, нанесшая большой ущерб национальной культуре. Еще древние римляне говорили, что «дорога и в ад вымощена благими намерениями». Татары писали арабскими буквами около тысячи лет. Большая часть дореволюционного письменного наследия культуры была написана на арабской графике.

В 1923 г. татарские ученые провели реформу письма на базе арабской графики, приблизили орфографию к татарской фонетике. Благое дело, нет сомнения. В 1927 г. с подачи интеллигенции была проведена еще одна реформа письма, на этот раз более кардинальная: сменили арабское письмо на латиницу. Все, кто уже был грамотным, стал в одночасье неграмотным, читать на латыни не могли. В 1939 г., через 10 лет, латиницу сменили на русскую графику. Но это уже было сделано по принуждению под давлением советской власти. И все с благими намерениями распространить грамотность, создать условия для лучшего усвоения русского языка и приобщения татар к русской культуре. Но, как выразился бывший премьер России Черномырдин, «хотели как лучше, получилось как всегда». Снова, уже в который раз, нанесли ущерб национальной культуре!

Смена латинского алфавита на русский нанесла еще больший вред: большая часть татарского народа не могла читать и писать. Имея в виду обе реформы, «отобрали у нас язык», — коротко и ясно сказал мне мой дядя, многие годы проработавший в Москве шофером на «эмке» у поэта Самуила Маршака. «Теперь легче читать на русском языке», — вспомнил я позже слова дяди. Случилось так, что старшее поколение татар стало приобщаться к грамотности одновременно с другими совсем и маленькими народами России, которым письменность дали только после 1920-х гг.

В конце 1950-х гг. многие татарские филологи говорили и писали только о трех буквах (не подумайте плохого), речь шла о трех буквах, которых не было в татарском алфавите для отражения специфических звуков татарского языка — гортанных «К», «Г» и губно-губного «В». Больше никаких важных проблем, ни социальных, ни экономических, ни культурологических! И так десятилетия…

Сегодня татарские активисты вновь ведут большую полемику вокруг татарского языка как средства прогресса нации. Настаивают на том, чтобы татарскую письменность перевести на латинский алфавит, мол, это приблизит нас к европейской и мировой тенденции информатизации и ускорит прогресс (об этом я более подробно написал в своей статье в журнале «Магариф», 1998, № 1). В январе 2000 г. президент Шаймиев подписал указ о переходе на латиницу в течение 10 лет. Каким местом повернется судьба к нашему

многострадальному татарскому языку, один Аллах знает. За это время «или ишак подохнет, или эмир умрет», вспомнил я восточную поговорку.

А что сейчас с татарской интеллигенцией?

У власти в конце 1990-х гг. встали сельчане, они потащили своих во власть. Городская интеллигенция разбавилась «аульной аристократией». И прежде интеллигенция шла из аулов. Но то была другая, воспитанная на канонах ислама, на восточной поэзии, на Добре. У нее и речь была иная, и звуки голоса другие. Я вспоминаю некоторых. Хатыб-ага, Бакый-ага и др. Невозможно сопоставить их внутренний мир с внутренним миром «интеллектуалов», кричащих о суверенитете Татарстана, но не знающих ни аза из истории мировой культуры, не знающих ни одной строчки из Пушкина, Лермонтова, Гете, Гейне и не посещающих Казанский оперный театр хотя бы раз в год, не представляющих, что значит западная музыка, и кто такой Верди... Почему? Нет внутренней потребности.

Конечно, за годы советской власти из крестьянской среды выросли ученые, художники, артисты с мировым именем. Сегодня татары гордятся своими профессорами, академиками, именами поэта М. Джалиля, балетмейстера парижской оперы Р. Нуриева, музыканта С. Губайдуллиной, физика Р. Сагдеева, генерала М.А.Гареева и т. д. Но гуманитарная интеллигенция у нас оказалась не только очень неоднородной, но и немасштабной, что ли...

Она развивалась несколько однобоко под влиянием идеологической засоренности в тоталитарном государстве. Поэтому и ее мировоззрение, понимание глобальных проблем своего народа, его судьбы было часто даже странным. И действия этой интеллигенции у многих носителей культуры вызывали недоумение.

В годы советской власти из татар выросла большая военная интеллигенция. Это и командиры Красной Армии, и окончившие военные вузы. Яркий представитель — Гареев Махмут Ахметович. Мне посчастливилось не раз вести с ним беседы за рюмочкой коньяка, когда он приезжал на Общее собрание АН РТ.

***Гареев** Махмут Ахметович (р. 1923) — генерал армии (1989), доктор военных наук (1982), доктор исторических наук (1993), член-корреспондент АН РТ (1994). Участник Великой Отечественной войны. С 1971 г. в аппарате Министерства обороны СССР, с 1990 г. военный советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. С 1992 г. в отставке. С 1995 г. президент Академии военных наук.*

Под чьим воздействием я развивался?

Естественно, что на мое воспитание основное влияние оказали мать, в какой-то степени окружающие меня родственники. Большое значение имели школа, книги, которые я читал запоем. Большое значение имели в моей жизни люди труда, с их простым толкованием жизни, с их непосредственным отражением ее логики, с их умением не осложнять межличностных отношений. Работа в сельском хозяйстве и на заводе, среди колхозников, трактористов, бригадиров, квалифицированных и подсобных рабочих, молодых и старых, русских, татар, узбеков и других национальностей, я слышал их оценочные, критические суждения о событиях, действиях начальства или властей, их пословицы и поговорки, привычки, их веселый юмор и злой мат, набирался опыта жизни, подражая лучшим, с моей точки зрения, образцам поведения.

Большое влияние на меня оказали мои сверстники, курсанты, солдаты, офицеры, военная среда, за 12 лет армейской службы я многое познал, ведь в молодом возрасте все впитываешь как губка.

Значительное влияние на меня оказала интеллигенция. Своя и чужая. Например, большое удовольствие я получил от общения с бывшим католическим миссионером в Китае Джеймсом Эндикоттом. Гражданин Канады, он 25 лет прожил в Китае, три года был советником Чан Кай Ши. Мы вместе с ним были в делегации Всемирного Совета Мира в Сирии в 1966 г. Мне кажется, что я до сих пор слышу тихий шелест его английских слов, повествующих о его интересной и полной разнообразных событий жизни в тот политически сложный период истории Китая.

Хорошее впечатление на меня произвела известная в то время деятель международного коммунистического движения Элизабет Блюм, руководитель нашей делегации в Сирии. Эта удивительная женщина всю жизнь посвятила борьбе за мир и социальную справедливость. Она родилась и выросла в семье бельгийских миллионеров Блюмов. В 1936 г., семнадцатилетняя, она бежала... на войну в республиканскую Испанию. Там сражалась против Франко и его фашистских покровителей — Германии и Италии, дралась с фашистами в рядах интернациональной бригады (были такие) республиканской армии… Была в лагере интернированных во Франции. Там же вступила в компартию. Долгие годы была заместителем, а затем и президентом Всемирного Совета Мира, международной неправительственной организации под эгидой СССР. Встречаясь на совещаниях, в беседах с ней я прочувствовал, что значит быть преданным своему делу, своей идее.

Меня в 1966 г. командировали в составе делегации Всемирного Совета Мира в Сирию. Делегация Всемирного Совета Мира прибыла в Дамаск, сто-

лицу Сирии. Нас дружно встречали, знали, что этот Совет под эгидой ЦК КПСС. Во главе делегации была председатель Совета Элизабет Блюм. В составе Совета были канадец Эндикотт, алжирец Ахмед, мексиканец Артуро Ороно, француз и я. Мы встречались с президентом Сирии Атаси, премьером Юсуфом Зуэйном и другими руководителями. Речь шла о ситуации на Ближнем Востоке. Наша делегация была против напряженного отношения между Сирией и Израилем.

Президент Всемирного Совета Мира госпожа Элизабет Блюм

Блюм *(Blume) Изабелла (1892—1975) — бельгийский общественный деятель. По профессии преподаватель истории и литературы. В 1918—1951 член Бельгийской социалистической партии. В 1951 исключена из БСП за участие во 2-м Всемирном конгрессе сторонников мира. Член Исполкома Бельгийского союза в защиту мира. Член Всемирного Совета Мира (с 1951); в 1965—1969 — его президент-координатор. Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» (1953).*

И интеллектуально, и эмоционально я переживал встречи с Сальвадором Альенде, личность которого тоже определялась его преданностью идее борьбы за социальную справедливость, за лучшие условия жизни для трудового народа красивой страны Чили. Люди, которые своей жизнью преследуют благородные цели, всегда сильно влияют на строй мысли, на миропонимание других.

Одним из очень интересных собеседников для меня был истинный татарский интеллигент, художник Бакый Урманче, которого я мог слушать часами. Правда, и он искусно владел умением слушать своего собеседника…

Жиганов Назиб Гаязович — композитор, детдомовец, сам себя сделал интеллигентом. Его опера «Джалиль» и симфония «Сабантуй» останутся на долгое время как культурные достижения татар. Он создал при поддержке С.Г. Батыева Казанскую консерваторию, 40 лет был ее ректором. Здесь ковались кадры татарской музыкальной элиты…

Конечно, больше всего на меня повлияла русская интеллигенция, ее замечательные представители, с которыми судьба меня свела в Москве

Переговоры в Сирии на заседании Всемирного Совета Мира.
Рядом с М.И. Махмутовым госпожа Элизабет Блюм

и поездках. Из интеллигенции, более всего повлиявших на мои мировосприятия и оценочные суждения о действительности, о науке, об ученых, я назвал бы Маркушевича Алексея Ивановича, Прокофьева Алексея Михайловича, Хвостова Владимира Михайловича, Вишневского Александра Александровича и др. Конечно, были в армии и образованные офицеры, на которых я хотел быть похожим…

Интеллигентным может быть не только человек с ученой степенью, но и любой преданный своему делу… Например, Ольга Михайловна Осокина — музыкант, тонко чувствующий музыку и умеющий заразить своей любовью к классической музыке даже непосвященных, настоящий культуртрегер ТАРИ. Она открывает мир искусства нашим студентам, некоторые из которых, приехав из далеких аулов, никогда не слышали о Моцарте и даже С. Сайдашеве.

Узбек Шигапович Ахмеров — интереснейшая личность. Ему уже 95 лет, а он все бегает, рулит на своем авто и многим помогает советами...

Исмаил Каюмович Кадыров — военный, на меня повлияли его рассказы о своей жизни, своем понимании текущей политики... Участник финской войны.

Юнус Сибгатуллович Валеев — фронтовик, строитель, зампред Совмина ТАССР. Замечательный друг.

Размышления об экономике

14 января я прослушал передачу радио «Эхо Москвы». Выступал бывший советник президента РФ по экономике Андрей Илларионов. СМИ через радио и многие каналы ТВ ежедневно внушают российскому обывателю, что Россия быстро поднимается, ее экономика растет, ее политика развивается в правильном, демократическом, направлении. Президент В.В. Путин в своих выступлениях ставит правильные задачи перед правительством, убеждая всех власть предержащих в необходимости повышать жизненный уровень народа, а в последние годы речь идет и о «качестве жизни» (термин, взятый из-за рубежа, где он имеет определенное содержание, которого не может быть в нашей России). Многому мы верим, в чем-то сомневаемся, не владея полной и верной информацией, не можем делать собственные выводы…

А. Илларионов в коротком интервью доказал слушателю на цифрах и фактах, что Россия не свободная страна, до демократии ей очень далеко. В демократической стране народ контролирует деятельность исполнительной власти через своих избранных парламентариев. В РФ Госдума выполняет указания президента, принимает законы, заранее согласованные с президентом. И Госдума и Совет Федерации только подтверждают то, что сказал или велел президент. Народ не контролирует деятельность исполнительной власти в стране. По уровню политического развития РФ идет где-то после Зимбабве.

Китай по уровню производства занимает второе место в мире (хотя по наукоемкой продукции отстает от ведущих стран Запада), Индия добилась неменьших успехов: до 40% ее населения определяются как «средний класс» (а это более 300 млн. человек!). Быстро поднимается Бразилия, Индонезия и другие страны.

…Думаю, что и интеллектуальный потенциал правящей элиты ниже того уровня, который необходим для управления такой страной, как Россия. В начале января 2007 г. начался нефтяной кризис в отношениях между Россией и Белоруссией. Вначале Россия поставила завышенные цены для снабжения Белоруссии. Затем Белоруссия ввела высокую таможенную пошлину

за перекачку российской нефти на Запад. Начался переговорный процесс, о положительном результате которого российского обывателя уведомили СМИ. На самом деле Россия получила по договору один миллиард рублей, Белоруссия — три миллиарда. Где же польза? Кто виноват? Илларионов прямо говорит, что российские переговорщики завалили дело. Что это? Их подкупили? Или они не соображали, о чем идет речь? Получается, что умственный, интеллектуальный потенциал российских переговорщиков оказался ниже, чем белорусских.

Так, где же российская интеллигенция, сливки умственного потенциала нации? Она только в воображении «правящей элиты». Закормленная московская художественная интеллигенция с подмостков театров развлекает обывателя вместо искусства частушками и прибаутками, паясничает со сцены, неся всякую чушь слушателям, которые смеются над паяцами, увлеченные законами коллективной психологии.

В 2007 г. в России сделали 15 гражданских самолетов. В СССР их делали по 300 единиц в год (наравне с Америкой и Европой). Они бороздили воздушный океан в любом направлении. ИЛ-62 летел в Токио за 10 тыс. км без посадки. А ведь это была дополнительная продукция авиационного завода в Казани!

Интеллектуальны ли мы сегодня?

Татарская интеллигенция имеет свою историю формирования и свою историю развития. В прошлом образованными людьми были муллы, служители культа. Интеллигенция начала XX века, конца века — это разные не только по условиям времени, но и по социальным ситуациям. Татарская интеллигенция прежде формировалась из рядов наиболее образованной части населения, в основном из верхних слоев, из дворянства, а образование и воспитание было религиозное… Их называли «зыялылар» («освещенные»), сливки общества. Они росли в основном среди русской и восточной интеллигенции, несли знание, просвещение в гущу своего народа. Еще до революции татарскую интеллигенцию притесняли и власть имущие, отбирая у мурз собственность и привилегии, выталкивая их в разряд обычных крестьян. Так возникло слово «чабаталы зыялылар» (лапотные дворяне). Высокомерный взгляд на татарскую интеллигенцию был и у части русского дворянства, считавшего татар отсталыми и неспособными.

В советское время положение изменилось: дворянская интеллигенция почти исчезла, возникла новая — из среды трудового народа, из образован-

ных горожан и из крестьянской среды… Но в силу однобокости воспитания большинство на историю своего народа смотрит только в пределах своего аула, не видит мир, не понимает, что остальной мир влияет на нас кардинально. Татарский писатель Мухаммад Махдиев, говоря об отсутствии у нас потомственных интеллигентов, сказал о современном интеллигенте: «От лаптей до галстука». В последнее время в России чаще всего употребляются два термина: «интеллигент» и «интеллектуал», смешивая их значение. Но это неверно по функциям этих людей в обществе. Здесь уместно привести слова известного режиссера А. Кончаловского: «Интеллигенция — это люди, которые всегда против власти. Интеллектуалы — это люди, которые зачастую приспосабливаются к власть имущим и поддерживают их».

Что нужно, чтобы человек стал достаточно быстро интеллигентным, даже если ему это не дано с детства… Нужна среда — музеи, театры, люди, книги. Крайне мало музеев. А те, что есть, не играют на культуру. После долгих поисков открыли музей Г.Тукая в оригинальном здании, построенном в 60-е гг. XIX в. для плененного русскими Шамиля. Набили его рукописями и книгами поэта... и успокоились. Сегодня музей почти не посещают даже школьники. Значит, надо менять концепцию музея, его экспозицию. Музей должен нести в массы культуру, а не быть складом для книг и т. п. вещей. Нужны ученые, музееведы, культуртрегеры.

Крайне мало переводной литературы, и татарская книга ждет переводов на русский и другие языки. Нет фильмов на татарском языке. Удачей стало создание особого канала ТВ — «Новый век», но на нем крайне мало классических произведений и выступлений крупных артистов и ученых о мировой культуре.

Есть еще одна крупная проблема — физическое выживание татар. С одной стороны, ускоряющаяся ассимиляция (половина городских детей, рождающихся от смешанных браков, считают себя русскими), с другой — сильное снижение рождаемости и сокращение числа детей (тенденция характерна для всей России, но для малых народов она губительна). Ведь с 1959 по 2003 год численность татар уменьшилась. Этнические проблемы исследует, можно сказать, только один Дамир Исхаков…

Исхаков *Дамир Мавлявиевич (р. 1952) — этнолог, доктор исторических наук (2000). В 1987—1993 гг. в Институте языка, литературы и истории (ИЯЛИ), с 1997 г. в Институте истории АН РТ. Труды по этнографии и истории татарского народа, этносоциологии, исламоведению.*

Мало исследований языка и литературы. Мало кто видит различие между понятиями «письменная культура» и «культура письма», хотя многих людей заботит смена алфавита.

Нет научного решения проблемы обучения на родном языке в высшей школе и средней специальной школе, не разрабатываются проблемы профессионализации населения в широком смысле слова… Нет исследований по проблеме интеллектуального потенциала нации. Нет развития философской мысли. Если в начале XX в. были люди, которых интересовали вопросы глобального характера, то сейчас — пустота. У М. Султангалеева была идея развития коммунистического учения в мусульманской среде. Некоторые лидеры национального движения в Азии и Африке руководствовались его концепцией революции. Например, в Алжире. Сейчас в области философской мысли тишина и спокойствие. Есть проблема перехода татарских культуртрегеров в другую страну. Если из десяти русских один уйдет за рубеж — это не беда, а если единственный татарский культуртрегер уходит в Москву и не работает на национальную культуру — это беда. В индивидуальном плане ему хорошо (условия жизни), а в национальном — это проблема. Следующему поколению не на кого равняться, не с кого брать пример.

Думаю, что именно глобальные проблемы должны быть в поле зрения татарской интеллигенции, владеющей не только родным языком (это преимущество), но и знаниями истории культуры, литературы, истории народа и т. д.

Нет участия интеллигенции в национально-культурном движении татар за рубежом и в России… Государственная организация этого участия недостаточна (Татарский национальный Конгресс и его штатные сотрудники что-то делают, но этого явно недостаточно). Масштабность нужна.

Беспокоят людей и проблемы культуры и ее развития и передачи новому поколению. Отсюда проблемы образования, здравоохранения, литературного наследия, искусства, архитектуры, музыки, языка и т. д. На мой взгляд, излишне много внимания татары уделяют смене алфавита, хотя печатание книг, сохранение и расширение круга читателей татарской литературы — крупная проблема…

Про шахматы в Татарстане

Моя общественная работа — зарубежные поездки, членство в Международном комитете ЮНЕСКО по ликвидации неграмотности, председательство в Комитете трезвости Казани, а также председательство в Федерации шахматистов РТ. Это мы вместе с Мухамедзяновым и шахматистами Казани

вывели «на орбиту» собственного чемпиона мира по шахматам Алису Галлямому (всякая помощь, вплоть до жилья, тренера, гаража и т. д.). Немало усилий я потратил на то, чтобы получить вакансии в московских вузах для студентов-татар по арабскому и персидскому языкам. Приятно было через несколько лет встречать их на работе в Москве и Казани. Например, Айдар Юзеев читает лекции по арабской философии в КГУ. Кадры надо готовить любыми способами!

Юзеев *Айдар Нилович (р. 1958) — доктор философских наук (1998). В 1980—1995 гг. в Институте языка, литературы и истории (ИЯЛИ), с 1996 г. в Институте истории АН РТ. В 2005—2006 гг. проректор по науке Казанского социально-юридического института. С 2006 г. в Казанском филиале Российской академии правосудия, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин.*

Алиса Галлямова вышла замуж за украинского шахматиста Иванчука и уехала жить к нему в Киев. Скоро, однако, они разошлись, и Алиса вернулась в Казань. Она неоднократно была чемпионом мира по шахматам для женщин, и мы гордились тем, что у нас, татар, и такая героиня есть. Позже Гата Камский, выехав в США, стал там чемпионом этой страны, и мы опять гордились своими талантами, наследниками Рашида Нежметдинова.

Галлямова *Алиса Михайловна (р. 1972) — шахматистка, международный гроссмейстер (1989). Чемпионка Всемирной шахматной олимпиады 2010 г., чемпионка Европы 1993 г. Обладательница международного шахматного приза «Оскар» (1997).*

Камский *(настоящая фамилия Сабиров) Гата Рустемович (р. 1974) — шахматист, гроссмейстер (1990). Вице-чемпион мира по версии ФИДЕ (1996). Третий шахматист в мире (2009). С 1989 года живет в США.*

Нежметдинов *Рашид Гибятович (1912—1974) — спортсмен, международный мастер по шахматам (1954), заслуженный тренер СССР (1962), заслуженный работник культуры ТАССР (1972). С 1972 г. тренер отделения шахмат Казанской школы высшего спортивного мастерства, одновременно с 1948 г. тренер сборной РСФСР.*

Интеллектуальный потенциал общества

Кроме глобальных социальных проблем есть и менее значимые. Это проблема интеллектуального потенциала общества и проблема интеллигентности человека. Они решаются вместе, но в зависимости от уровня разного социума по-разному.

В 1950—1970-е гг. в СССР (по критериям ЮНЕСКО) по коэффициенту интеллектуализации молодежи (КИМ) страна занимала второе и третье место в мире (после США и Канады), а в 2000 г. Россия заняла 80-е место. Так же и по интеллектуализации населения. Теперь в большом числе авиационных, морских и автомобильных катастроф обвиняют «человеческий фактор». Это, в первую очередь, означает просто плохую подготовку кадров. Катастрофа 16 марта 2007 г. на шахте «Ульяновская» в Кемеровской области унесла сразу более ста жизней. Апробировали новую технику, завезенную из-за рубежа. Что сказали бывалые люди там на месте? «Не дали теоретических рекомендаций. Нет, сказали, ученых, загубили науку». Летчиков гражданской авиации готовят в летных школах. Уровень подготовки низкий, тренируются на самолетах 40-летней давности. Курсантов кормят на 50 руб. в день. А управлять им дают самолеты стоимостью почти в миллиард рублей! Такова логика мышления власти.

Не помню, кто-то сказал, что одно открытие в математике возвращает все затраты на развитие математической науки. Открытия совершают крайне редко, но новизна в применении результатов прежних открытий часто наблюдается. Собственно, чуть не вся современная техника свидетельствует об этом, не говоря уж о постоянно возникающих новых технологиях на основе «старых» теоретических открытий…

Возникла атмосфера индифферентного отношения чиновников всех рангов к науке. Отсюда и трудности организации научных учреждений, трудности «пробивания» того или другого вопроса. Наплевательское отношение к отдельным ученым рождается в этой атмосфере. Например, психологии известно, что нервная система ученого очень «тонкая». Она бурно реагирует на внешние сигналы. Достаточно было в начале марта вице-премьеру кабмина грубо высказаться в адрес главного ученого секретаря АН Хайбуллина Ильдуса Бариевича, на другой день человек умер. А ведь он являлся лауреатом Государственных премий СССР за разработки некоторых проблем космоса. Академия наук РТ потеряла одного из самых ее активных организаторов…

Хайбуллин *Ильдус Бариевич — известный ученый и организатор науки, член-корреспондент РАН, академик АН РТ, почетный член многих национальных академий, лауреат Государственных премий СССР и РТ. Он возглавлял отдел радиационных воздействий на материалы и лабораторию радиационной физики, одновременно являясь главным ученым секретарем Академии наук РТ. Основоположник нового для казанской научной школы физиков направления — ионной имплантации. Со времени основания направления (1971—1972 гг.) Казанский физтех стал не только одним*

из ведущих научных центров радиоспектроскопии, но и передовым центром по физике взаимодействия высокоэнергетичных ионных и лазерных пучков с веществом и по применению их в микро-, опто- и наноэлектронике.

Про мышление

Мне импонирует высказывание английского философа Джона Бернала: «Мозги, не заостренные наукой, не стоят и ломаного гроша». Что значит «не заостренные»? Это значит, что человек не работал над решением такой проблемы, когда мозг подключен к такому напряжению, которое приводило к изменению структуры самого мышления. Возникает креативность мышления, возрастает роль критичности, критическое мышление способствует росту творческого потенциала. Именно критичности мышления не хватает даже активно работающим практикам. Обычная (практическая) логика, логика жизни и диалектическая логика, критическое мышление — это не то что формальная логика, широко распространенная в сознании масс.

Об условиях успеха

Как специалист в области образования, я буду говорить о нем. Татарстан в 2007 г. оказался на 33-м месте в РФ по качеству обучения. Это показали

Три министра (слева направо): М.И. Махмутов, Ф.Ф.Харисов, Р.А. Низамов

экспериментальные тесты. Почему с 1—3 места в СССР мы скатились на 33-е в РФ? Вопрос понятный. Потому что министерством управляют педагогически некомпетентные люди. Спустив школьный вопрос вниз, на уровень муниципалитетов (демократизация!), министерство сняло с себя ответственность за качество обучения и воспитания подрастающего поколения. А оно определяется качеством работы учителя и ученика на уроке и нигде больше. Вся педагогическая теория в конечном счете сжимается до уровня урока в школе (лекции в вузе) и реализуется на уроке. Здесь и программа, и учебник, и уровень компетентности самого профессора, и влияние духовности учителя на рост духовной жизни ученика — здесь вся педагогика.

А кто в министерстве занимается процессом обучения? Министры занимаются финансами и только. А какие концепции они продвигают? Министерство носится с идеей «новой стратегии» образования в Татарстане. Забыли (скорее не знали), что школа — это политика. А она веками решалась и решается при любом политическом строе в Московском княжестве, а не в Казанском ханстве. Значит, министерство вместо своих прямых обязанностей заниматься «уроком» и нести ответственность за развитие детей занимается построением воздушных замков. Вот почему мы на 33-м месте по качеству знаний учащихся. А по уровню нравственного воспитания? Алкоголизм, наркомания, проституция спустились до 10-летнего возраста! Нельзя всю ответственность за преступность малолетних сваливать только на родителя и учителя. Однако образованные министры были в нашем министерстве… и, надеюсь, еще будут.

Казань. 1000-летие

Историки и археологи доказали московским коллегам, что Казани действительно 1000 лет. Москва согласилась, выделила большие ассигнования на все девяностые годы. Город за эти годы совершенно преобразился, его перестроили, сломав основную массу трущобных домов: президентская «Программа ликвидации ветхого жилья». Программа была завершена к 2005 г. В этом большая заслуга президента М.Ш. Шаймиева. Вместо трущоб выросли прекрасные дома, дворцы и отели. Миллиарды затрат не только за счет собственного бюджета РТ.

Ученые при поддержке правительства создали Институт Татарской энциклопедии, подготовили и выпустили несколько томов на русском и татарском языках.

За 16 лет провели большую исследовательскую работу по истории татарского народа. Выдали семь томов. Немало сделали и филологи — трехтомная грамматика татарского языка, двуязычные словари и т. п.

Возродили веру, ислам, к которому потянулся народ, как к своей основе, своему мировоззрению.

Размышления о культуре и интеллигенции

Социальные перевороты обычно совершает интеллигенция. Если ей удается внедрить свои идеи в массы и если эти идеи отвечают потребностям и желаниям массы, совершаются революции. Я не говорю о переворотах, таких, какие делают военные, например, генерал Пиночет в Чили (1973) или начальник охраны шаха Ирана Мухаммад Пехлеви (1923). Поэтому, размышляя о своей жизни, судьбах людей и народов, я остановился на интеллигенции. Какая интеллигенция может зажечь в сердцах людей факел борьбы за социальную справедливость? Ленин, Троцкий, а сегодня Фидель Кастро, Че Гевара (оба медики), Сальвадор Альенде, Хуго Чавес и др. Их последователи не всегда интеллигенты, но вера в идею может повести народы. «Идея, охватившая массы, превращается в материальную силу» (К. Маркс).

Но вера, видимо, не сама собой появляется. Ее воспитывают. Воспитание человека тоже связано с деятельностью интеллигенции — учителя, профессора, художники, артисты, писатели и т. д.

Изложение фактов будет неполным, если не сделать некоторые обобщения по отдельным вопросам. Так, кто же такой современный татарский интеллигент? Человек с университетским дипломом? Но теперь много такого народа. Знающий татарский язык и свою культуру? Нет, эту интеллигенцию можно поделить на интеллигенцию и интеллектуалов.

Что такое интеллигент и интеллигенция в XX веке? Ныне все, кто имеет кандидатскую или докторскую степень, считают себя интеллигентами. Многие из них не заняты в сфере науки или искусства, они находятся на государственной службе и выполняют обычную чиновничью функцию. Часть этих людей никогда не занималась научными поисками и не защищала диссертаций, их им писали за деньги или подчиненные по службе. Но по формальным признакам они убеждены, что представляют собой интеллигенцию. Откуда такое понимание интеллигентности? Интеллигенция — носитель культуры, источник развития культуры, распространитель культуры. Конечно, люди могут давать свои определения, свое понимание этого слова.

Начало 90-х гг. показало, как ведет себя интеллигенция в критические для страны времена. Какая категория интеллигенции на чьей стороне оказалась? Какая несла с собой добро, а какая зло? Духовное богатство интеллигенции — в чем оно? В культуре, во внутренней культуре человека и его поведении.

О знаменитом русском ученом и художнике Николае Рерихе много написано. Но нас интересует его точка зрения на понятие «культура». «Мир через культуру» — девиз всего мирного движения Рериха. «Победить сознание культурою, победить красотой и знанием, всеобъемлющей и всепонимающей духовностью». «Там, где культура, там и мир; там и подвиг, там и правильное решение труднейших социальных проблем. Культура есть накопление высочайшей Благодати, высочайшей Красоты, высочайшего Знания», — пишет Рерих (в книге «Держава Рериха». М., 1994. С.177—187). Возникает вопрос: а как же фашисты?

«Нужно разоружиться в сердце и в духе… Сердце человеческое должно согласиться на разоружение и сотрудничество». Как и Рерих, такие мысли вынашивали многие русские интеллигенты.

И еще о высказываниях Рериха. Европейская логика весьма часто смешивает культуру с цивилизацией, вечное с временным, преходящим. Рерих снова и снова призывает разграничить эти понятия. Культура для него гораздо более широкое понятие, культура должна обосновывать и одухотворять цивилизацию, как свою составную часть. В развитии культуры Николай Рерих различает следующие ступени: невежество (жахилия), цивилизацию, образованность, затем интеллигентность, духовное утончение, и лишь после этого человек приобретает способность к синтезу и высшую культурность. Интеллигентный человек сам по себе еще не означает истинно культурного человека; для того чтобы стать таковым, ему нужно быть человеком расширенного сознания, который постигает смысл жизни и закономерность вселенной, человеком, который служит человечеству и воплощению человеческого братства на земле... Культура для Рериха — наивысшее понятие, к чему мы должны направить все наши лучшие, творческие мысли.

Русская интеллигенция

Мое освоение русской культуры началось со школьной скамьи, наверное, с начальной школы в большом русском селе Суроватиха, со слов и доброго отношения учительницы Зинаиды Ивановны Спасской (1934 г.). Я пропустил первый класс. На следующий год она сказала: «Давайте, ребята, возьмем Мирзу с собой во второй класс». И взяли. Окончил я второй класс на «уд». Зато в третьем поднялся на «хор»...

Если вы образованный человек, то, как правило, в нашей стране на 99% вы получили его на русском языке: сегодня и в татарской сельской школе многое изучают на русском.

Уверен, что есть что-то неуловимое, необъяснимое в человеке, что привлекает наше внимание, отчего мы делим людей на симпатичных или несимпатичных. Конечно, впечатление о человеке складывается по его поведению, по словам, по жестам, по выражению лица и т. д. Но есть что-то незаметное, невидимое, какие-то лучи или, как теперь модно говорить, биотоки, которые дают нам разные сигналы о том или ином человеке. Диляра, например, считает, что она интуитивно различает хорошего и плохого человека, что при взгляде на человека у нее сразу возникает положительная или отрицательная реакция на человека в целом и складывается оценочное суждение, мнение. И я не раз убеждался в этой ее способности.

Назову несколько имен, которые я запомнил на всю жизнь по их значимости, по их влиянию на мое мышление.

Михаил Алексеевич Прокофьев

Академик, химик. Недолго он был министром просвещения РСФСР, в то время создали министерство СССР и М. Прокофьева поставили министром. Трудно ему пришлось с подбором кадров. Тех, кого он хотел поставить на руководящую работу в министерстве, ему не давали, все время подсовывая своих партократов, которым надо было уже уходить из аппарата ЦК. В качестве начальника управления школ Михаил Алексеевич пригласил меня, зная мою работу в Татарии. Но… ему рекомендовали человека из Госплана.

М. Прокофьев был не только крупный специалист в области химии (он все время работал с лабораторией в МГУ, 200 человек). Он был русский интеллигент не только по образованию, но и воспитанию.

В 1972 г. в Казани вышла моя монография о проблемном обучении. В Москве я занес ее в Министерство просвещения, хотел показать Прокофьеву. Но его не было. Вернувшись в Казань, я занимался своими делами. И вдруг мне позвонил Прокофьев:

— Я не скажу, что прочитал вашу книгу, но посмотрел ее внимательно. Будете защищать?

— Не знаю, как вы посоветуете, — сказал я.

— Защищайте, это солидная работа.

В Институте теории и истории педагогики АПН СССР я защитил монографию в качестве докторской диссертации, получив весьма лестные отзывы ведущих специалистов (М.А. Данилов, Т.В. Кудрявцев и др.).

Владимир Михайлович Хвостов

В.М. Хвостов из семьи царской интеллектуальной элиты — профессора Казанского императорского университета. Он пришел президентом АПН СССР, но и при этом мы должны были провести выборы, партия соблюдала видимость демократии, говорили мы между собой. Но, как показала жизнь при «демократии» в 1990-е гг., тогда-то демократии было больше. Правда, она была своеобразная, «управляемая демократия», в отличие от европейской, она формировала сознание народа на принципах социализма...

Президент АПН СССР В.М. Хвостов — историк, дипломат, организатор науки, к нам пришел с поста директора дипломатической академии. Он долго жил в Нью-Йорке, работал вместе с министрами иностранных дел СССР А.Я. Вышинским и В.М. Молотовым. А сам окончил Казанский пединститут и уехал в Москву в аспирантуру. Там и работал, потом — за границу.

...Предстояли выборы в члены ЦК КПСС. Обычно из Москвы указывали, кто из высокого начальства будет проходить по Татарии. Среди них на этот раз назвали и президента АПН СССР В.М. Хвостова. Мне было поручено (как члену этой академии) встречать и сопровождать гостя. Он 40 лет не был в Казани и хотел посмотреть места, где был в молодости. Он называл улицу или дом, и мы ехали. Однажды он захотел посмотреть дом на улице Шмидта. Мы приехали. Калитка была заперта. И войти не смогли. Хвостов, человек высокого роста, стал заглядывать через дощатый забор. Но, видимо, ничего интересного не увидел и стал спрашивать про Таню, Татьяну Викторовну. С нами был его однокурсник по КГПИ Юрий Иванович Адо. Тот сказал, что, вероятно, Татьяна на даче, назвал местность. «Можем ли мы туда поехать?» — обратился ко мне Владимир Михайлович. «Конечно», — ответил я.

Менее чем через час мы были в дачной местности, не помню уж где. Подошли к изгороди. Внутри какая-то старая женщина копошилась на грядках. Мы окликнули ее. Спросили разрешения, и зашли на участок. Долго стояли убеленный сединами Хвостов и старенькая женщина, смотря друг другу в глаза. Вдруг женщина вскрикнула: «Володя! Ведь это ты!» Они обнялись, оба плакали от радости. Слезы выступили на глазах даже у меня. Но это была не Таня. Женщина закричала: «Таня, Таня, смотри, кто к нам приехал!» Из деревянного дома медленно, с трудом переступая через ступеньки, выходила вторая старушка. Это была та самая Таня, первая любовь Владимира Михайловича Хвостова, сорок лет не видавшего свою ненаглядную... Они

стояли, обнявшись, и мы с Ю.И. Адо переживали эту встречу, кажется, не меньше их самих.

Мне предстояло показать Владимиру Михайловичу и Волгу. Я попросил заведующего Зеленодольским роно Хасанова подготовить где-нибудь на одном из многочисленных островов на Волге завтрак на траве. К такому-то часу. Сами в речном порту погрузились в лодку и поплыли в сторону Зеленодольска. Я точно не знал местность, и мы долго не могли найти тот самый остров. Через пару часов причалили к песчаной отмели, отдохнуть. На всякий случай я прихватил с собой бутылку коньяка. И она как раз пригодилась. Мы немного согрелись, и тут нас нашли люди Хасанова. Уже после полудня приплыли к искомому острову. Там была накрыта хорошая скатерть с ухой и коньяком… Не знаю, как Владимир Михайлович запомнил это путешествие по Волге, но сказал, что оно ему понравилось…

...В Москве однажды он спросил меня, есть ли у меня время пообедать с ним. Я не мог отказаться от такой встречи и быстро согласился. В ресторане «Прага» В.М. Хвостов «дал мне обед». Нас встретил его помощник Ефимов, показал нам столик на двоих. Бутылка коньяка и графин с водкой были окружены множеством больших и малых тарелок с разными закусками. Владимир Михайлович был, конечно, опытный дипломат и знал все тонкости этикета. Он предложил сначала выпить водки. «Коньяк лучше потом», — сказал он. Он долго и очень интересно рассказывал о своей жизни в Москве и в США, о своей работе, о дипломатах и обычаях иностранцев. В те времена мы редко бывали за рубежом и все, что он рассказывал, было «как в кино». Мне все было очень интересно, рассказчик он был замечательный. При этом не забывал подливать и мне и себе.

Беседа шла сначала на русском, потом он часто переходил на другой язык, с удовольствием произнося английские слова и выражения, видимо, соскучился по речи на английском...

Интересно послушать умудренного жизнью человека, работавшего вместе с В.М. Молотовым, министром иностранных дел СССР, который по 20 раз перепечатывал свое выступление на завтрашнее заседание сессии Организации Объединенных Наций...

В. Хвостов умер в больнице в 64 года от роду. Многие в АПН искренне сожалели о его безвременной кончине. Не знаю, кто у него остался из родственников. Этот высокого роста красивый мужчина лег на операцию почки. И... Но я еще несколько лет посылал своего помощника на Арское кладбище, за могилой родственника Владимир Михайлович просил присматривать...

Алексей Иванович Маркушевич

Маркушевич Алексей Иванович — математик, страстный книголюб. Говорили, что у него лучшая в Москве частная личная библиотека. В ней было 4 экземпляра таких раритетов, которых не было даже в библиотеке имени Ленина, которая на одну из выставок книги брала у него «взаймы» несколько единственных в стране экземпляров.

А.И. Маркушевич был тогда вице-президентом АПН СССР. В 1964 г., после ухода Н.С. Хрущева, в ЦК решили провести контрреформу, которая должна была «смягчить» резкие повороты хрущевской реформы школы. Если при хрущевской — основное внимание было нацелено на связь школы с жизнью, производительным трудом, то брежневская контрреформа 1964 г. предполагала, ослабив связь с производством (вернуть детей московских чиновников с заводов, чтоб не стояли у станка), внести изменения в принцип построения содержания обучения. «Короля делает двор». Эта французская поговорка отражает какую-то психологическую закономерность в проведении контрреформы, где большое место занимала и субъективная позиция московских чиновников: «элита» не могла допустить, чтобы ее девочки (кисейные барышни) стояли в шумных цехах за станком, слушая матерщину молодых рабочих.

В вопросе изменения содержания математического образования школьников А.И. Маркушевич, как математик, вместе с академиком А.Н. Колмогоровым играл первую скрипку. Он предложил перейти на алгебраический принцип изучения математики с начальных классов. Так, как сделали французы. Но французы быстро поняли, что ошиблись и вернулись к арифметике, а мы 10 лет мучили своих детей.

Вот тот самый профессор А.И. Маркушевич, очень большой специалист в области методики преподавания математики в школе (так же как и А.Н. Колмогоров) и возглавил в сентябре 1976 г. нашу делегацию на научную конференцию в Париж. Естественно, в пути мы часто спорили о сути изменения школы и содержания образования. Я был сторонником усиления связи школы с производством. Мне даже удалось, вопреки указаниям из Москвы, сохранить в Казани часть школ с производственным обучением и их связь с заводами.

Маркушевич *Алексей Иванович (1908—1979) — педагог, математик, книговед, доктор физико-математических наук (1944), профессор (1946). Действительный член (с 1950), вице-президент (1950—1958, 1964—1967) Академии педагогических*

наук РСФСР. Действительный член (с 1967), вице-президент (1967—1975) Академии педагогических наук СССР. В 1958—1964 гг. заместитель министра просвещения РСФСР. Автор работ по теории функций, педагогике и методике преподавания математики, истории науки.

Но Алексей Иванович был настоящим интеллигентом, у него можно было чему поучиться. Один только штрих к личности А.И. Маркушевича. Как-то в беседе за чашкой чая в парижской гостинице он рассказывал нам о своей библиотеке:

— Многие думают, что старая книга дает нам только то, что в ней написано, — начал он. — Старые книги много могут сказать и помимо своего содержания! Напрасно русского императора Павла I в советской литературе представляют как бездарного, необразованного человека. Это не так. В моей библиотеке есть интересная книга на французском языке. Написал ее какой-то европеец об управлении государством. Когда я начал ее читать, то заметил множество пометок на полях книги. Пометки были в самых принципиальных местах текста, и я заинтересовался, начал искать, кому же принадлежала книга и кто так тщательно ее изучал. Постепенно мне удалось установить, что эта книга побывала в руках императора Павла I. Он штудировал ее в карете или в гостиницах по пути в Вену. Я понял, что Павел готовился принять власть у своей матери Екатерины II. Правда, старуха долго сидела на троне, интерес наследника постепенно угасал, и к моменту принятия короны Павел остыл и действительно увлекся военными парадами…

…Мы активно участвовали в работе парижской конференции: Алексей Николаевич Леонтьев, наш ведущий психолог, выступал на французском языке, я, в отсутствие русского переводчика, пользовался английским. Но, кажется, всем было все понятно, ведь речь шла о реформах образования, которые в Европе тоже нередко проходили. Мы вместе были приглашены на встречу в ЦК КПФ, долго там обсуждали вопросы идеологии и ушли, удовлетворенные интересной встречей.

А.И. Маркушевича затравили «искатели правды». Его обвинили в том, что он какие-то книги из библиотеки взял, не помню подробностей, но понял, что хорошего человека не пощадила злость и зависть никчемных людишек, которых во все времена было много. А на меня он оказал самое непосредственное влияние не столько как книголюб, сколько как человек с богатым духовным содержанием. Среди современной профессуры, интеллигентов подобных Алексею Ивановичу не так уж и много.

Павел Васильевич Зимин

Как-то в один из зимних дней в Казань приехал заместитель министра просвещения РСФСР Павел Васильевич Зимин. Это был седовласый человек, с тихой улыбкой на широком лице. Он имел большой жизненный опыт и спокойный характер. Его проверка работы моего министерства заключалась в основном в беседе с некоторыми сотрудниками. Потом он попросил показать ему «глубинку». Зима была снежная, и я решил поехать с ним в Елабугу, небольшой старинный городок на берегу Камы, тогда там еще не было нефтяников. Здесь нам показали две хорошие школы и музей кавалерист-девицы Н. Дуровой.

После встречи с местным начальством решили ехать через Малмыж. Железнодорожная станция находилась на территории соседней Кировской области. Дорога в Малмыж по глубокому снегу даже на вездеходе оказалась сложной. Трактора зачищали дорогу, горы снега не поддавались. Было уже темно. К поезду мы опоздали. Моя вина. Ночевали на вокзале. За бутылку хорошего вина я принес В.П. Зимину сковородку с жареной картошкой, было тепло, гость мой спал на кожаном диване в комнате железнодорожной милиции.

Клан Шакировых — потомственная интеллигенция

Я все время размышляю, есть ли разница между трудовой и потомственной интеллигенцией? Если есть, то в чем? Дед Диляры оставил в ее памяти глубокие впечатления о детстве в семье у деда. Это был татарский ученый-филолог, владевший не только русским, татарским, башкирским, но и знавший арабский и персидский языки. Для того времени это был крупный ученый.

Их было восемь братьев, выросших в семье татарского мусульманского интеллигента. На групповой фотографии стоят высокие, стройные усатые татары-башкиры. Я так их называю, потому что они все получили среднее образование в татарских медресе, прекрасно говорили и писали по-татарски, но не забывали, что где-то есть у них в крови и башкир.

Все восемь братьев получили высшее образование в Москве и Казани. По тому времени это было большим достижением, ведь в стране шла борьба с массовой неграмотностью. В 1930-е гг. шел процесс поиска «врагов народа», бывших офицеров, бывших священнослужителей и их детей. Выражение «мулла малае» было жупелом для многих благовоспитанных молодых

татар. Все восемь братьев Шакировых были репрессированы, потому что были дети мусульманского муллы, который хотя и недолго, но занимал пост главы российских мусульман (европейской части России и Сибири). Только трое из братьев дожили до старости. Сын Закира-абый, Мидхат Закирович Шакиров, долгие годы работал на посту первого секретаря Башкирского ОК КПСС, в свои 80 лет он не только выглядел молодым, но и в самом деле был полон сил и энергии...

Дочь, Лия Закировна, профессор Казанского педагогического института. Ее взгляды на мир имеют свою особенность, на которую сильно повлияли родители, московские учителя и друзья и русская классическая литература. Мне «досталась» правнучка муллы Шакирзяна, внучка ученого Закира Шакировича — Диляра...

«С кем поведешься, от того и наберешься». Но обо всем по порядку. Диляра часто вспоминала деда и бабушку. Они оставили в ее душе неизгладимые впечатления. Детство ее в основном прошло в доме деда Закира Шакирова. Диляра любила рассказывать мне о своем деде.

Лия Закировна Шакирова — автор многих научных и методических публикаций, известный не только в Татарстане, но и в России ученый. Она 40 лет проработала преподавателем русского языка для татар в основном в Казанском педагогическом институте. Ей повезло в жизни не только потому, что она родилась в интеллигентной семье, с детства видела книги, слышала разговоры не только о базарных ценах. У нее были хорошие учителя и в аспирантуре: московские ученые, о которых она часто вспоминает с таким уважением, что невольно проникаешься уважением к ней самой за ее благодарную память о хороших людях, за доброе отношение к русским ученым, давшим ей хорошую путевку в науку. Уже много лет она профессор Казанского педагогического университета, получившая в свое время и ордена и почетные звания заслуженного ученого...

Двоюродный брат Диляры Рифхат — нефтяник. Он теперь стал миллионером, живет в Москве и в Германии. Диляра относится к нему с теплотой и великим уважением. Но он к ней и даже своей родной сестре — довольно равнодушно…

Татарская интеллигенция

Я знаю интеллигенцию 1940—1950-х гг. (Исанбет, Ишмухаметов и др.). Она ушла в последующие годы. За ней шла интеллигенция 1960—1970-х гг. (Хамитов, Хасанов, Закиев, Усманов, Валеев Разиль и еще 15—20 фамилий).

Абдрахман Абсалямов

Нельзя стать интеллигентом без знания современной культуры. Такими ценностями обладал и Абдрахман-абый Абсалямов. Писатель-фронтовик, видавший виды человек, скромнейший и удивительно трудолюбивый патриот своего народа. Одно время мы жили на одной площадке в доме на улице Маяковского. Дверь в дверь, и я частенько заходил к ним. Читателями Украины при опросе назван первым (лучшим) писателем среди шести других (украинских, русских и др.) за роман «Белые цветы» (о врачах и медсестрах, которые его не раз и не два вытаскивали из цепких лап смерти). Казанские писатели очень ревниво относились и исподтишка гадили А. Абсалямову, распространяя разные слухи о его книгах.

Мы с Абдрахман-абый иногда подолгу беседовали, говорили о жизни, о прошлом и будущем своего народа. Как-то раз он попросил меня не переходить в разговоре на русский. «Потому что, — сказал он с присущей ему мягкой улыбкой, — потом татарская стилистика начинает страдать».

Магина-ханум очень гостеприимна и всегда с улыбкой встречала меня. В 2001 г. она, встретив меня на улице, спросила: «Не знаете ли, Мирза Исмаилович, куда мне обратиться? Ведь у меня пенсия 600 рублей. А книги Абдрахмана давно не издаются, и гонораров нет». Я собирался сказать об этом М. Шаймиеву, но к нему попасть не так-то легко. Сказал зампреду кабмина З. Валеевой.

У Абсалямовых дочь и сын. Булат рос активным мальчиком. Я не заметил, как он стал мужем и преподавателем КФЭИ. В период перестройки сразу выросла потребность послушать экономистов: что такое «рыночная экономика, что она нам сулит?» и др. вопросы волновали всех. И платили лекторам неожиданно большие деньги. Люди стали преподавать сразу в трех-четырех вузах. Желание заработать после прежней бедной жизни вузовского ученого выросло, появились ранее недоступные товары, родилась жадность к деньгам, хотя Булат не жил в нищете и нужде. Ехал на своей машине по Булаку. И вдруг машина врезалась в угол дома, сердце парня не выдержало гонки за рублем, не вынесло нечеловеческой нагрузки… Бессмысленность смерти от разрыва сердца. Многострадальная мать Магина-апа на глазах состарилась и высохла как мумия.

Абсалямов *Абдурахман Сафиевич (1911—1979) — писатель, общественный деятель. Член Союза писателей СССР, ТАССР. Участник Великой Отечественной войны. С 1946 г. ответственный секретарь в журнале «Совет әдәбияты» («Советская литература»). С 1963 г. заместитель председателя Союза писа-*

телей ТАССР. Работал в Республиканском комитете защиты мира, был членом Казанского горкома КПСС.

Произведения посвящены Великой Отечественной войне («Сунмәс утлар» — «Огонь неугасимый», 1958; «Мәңгелек кеше» — «Вечный человек», 1960; «Агыла болыт» — «Плывут облака», 1980 и др.), жизни рабочих и интеллигенции («Ак чәчәкләр» — «Белые цветы», 1965; «Яшел яр» — «Зеленый берег» и др.). Его творчество пронизано героической романтикой, патриотизмом, осмыслением общечеловеческих ценностей. Автор переводов на татарский язык произведений В.В. Короленко, А.П. Гайдара, Н.С. Лескова, А.А. Фадеева и др.

Мухаммад Магди — интеллигент послевоенного поколения татар. Отличный писатель, прекрасный человек, но жаль, рано ушел из жизни. Он оставил нам интересные мысли и о портрете татарского интеллигента: «от лаптей до галстука»…

***Магдеев** Мухаммет Сунгатович (1930—1995) — народный писатель РТ (1993). Лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая (1990). Кандидат филологических наук (1964). С 1960 г. преподавал в Казанском университете. Изучал социокультурную атмосферу жизни татар начала XX в. Автор известных произведений о Великой Отечественной войне, татарской деревне.*

Разиль Валеев тоже относится к поколению середины и конца XX в. Поэт, журналист, депутат Госсовета РТ. Он, как говорится, и душой и телом весь отдался проблемам татарского языка, татарской культуры. Разиль Исмагилович впитал в себя как народную, так и высокую культуру. Очень интересный и благовоспитанный человек. Он как-то брал у меня интервью. Мне понравились его проблемные, актуальные вопросы, они тоже характеризуют мышление и образованность человека не менее, чем ответы другого.

***Валеев** Разиль Исмагилович (р. 1947) — писатель, общественный деятель, лауреат Государственной премии Республики Татарстан им. Г. Тукая, лауреат премии имени М. Джалиля Республики Татарстан, заслуженный работник культуры РФ (1997). 1986—2000 гг. директор Национальной библиотеки РТ.*

Молодой интеллигент Рамиль Валеев — доктор исторических наук, профессор КГУ. Прекрасно говорит на родном языке, неспешный, иногда даже незаметный, но умеющий в нужный момент проявить свое отношение к делу, человеку. Прекрасно знает историю Востока и татар. Но работа во власти приучила его не спешить с высказыванием своего мнения. И только в личных беседах он приоткрывается как человек, ученый, интеллигент. Мы с Дилярой относили его к числу своих хороших друзей и радовались его успехам.

С академиком Джаудатом Сулеймановым. 2007 г.

Валеев *Рамиль Миргасимович (р. 1955) — историк, доктор исторических наук (1999), профессор (2000). С 1988 г. преподает в Казанском университете. В 1997—2008 гг. начальник Управления высшего, среднего профессионального образования и науки Аппарата КМ РТ. С 2010 г. директор ОП «Институт Татарской энциклопедии АН РТ».*

Сулейманов Джаудат Шавкетович — поэт и ученый, борец по натуре. Он родился в ауле, его поведение нравственно, доброжелателен, любит труд и трудится без устали. Ему свойственны иногда бескомпромиссная честность, добросовестность и воля к получению результатов своего труда. Автор многих стихов и поэм. В 2005 г. избран членом АН РТ, работает по моей рекомендации академиком-секретарем Отделения социально-экономических наук. Мы единомышленники: я ратую за проблемное обучение и повышение интеллектуального потенциала населения, он реализует свою идею способных детей, организуя их в обществе «Сэлэт», проводит каждое лето большую работу с ними в летних лагерях, приглашая на встречу ученых, писателей и художников, в общем, творческую элиту нации. Были на его юбилее — 50 лет для творчески мыслящего человека не возраст. Жена Венера любит детей, работает вместе с ним. Сын и красавица дочь владеют

Встреча с одаренными детьми в молодежном лагере Сэлэт. 2004 г.

русским, прекрасным татарским, английским и испанским языками (учились в Испании). Самое сложное для Джаудата: преодолеть бюрократические препоны в борьбе за будущее татарской нации — одаренную молодежь. Чиновничья бюрократия донимает его до изнеможения. Мне кажется, за такими, как он, будущее! Но разглядят ли? Захотят ли разглядеть?

Это настоящий современный татарский интеллигент. Новое поколение, мыслящее на мировом уровне. По его поэзии в Концертном зале им. С. Сайдашева прошел замечательный спектакль-кантата. Мы с Дилярой слушали со слезами на глазах и с гордостью за нашего друга. У нас на полке есть специальное отделение для сборников его стихов и написанных по случаю посвящений. Талант, одним словом.

***Сулейманов** Джаудат Шавкетович (р. 1955) — общественный деятель, ученый, поэт, доктор технических наук (2000), академик АН РТ (2007). Лауреат Государственной премии РТ (2009). С 1997 г. возглавляет молодежный общественный фонд «Сэлэт». С 2009 г. директор НИИ АН РТ «Прикладная семиотика».*

Арслан Ахмадеев — гематолог. Мое заболевание — «миелолейкоз» с 2000 г. После анализа крови в подмосковном санатории врач мне не сказал,

он сказал жене, что дело серьезное. Меня послали в ЦКБ, там подтвердили предположение врача. На следующий год я сам почувствовал себя хуже — с утра бессилие. В 2002 г. моя дочь Ляйля устроила встречу с американским врачом в Вашингтоне. Там я увидел разницу в нашей и их медицине. Даже анализы крови, которые мне делали в Москве, сравнить невозможно. Отстали мы ужасно... Теперь мы уже искали ответ на вопрос: как лечить? Оказалось, вылечить невозможно. В зависимости от условий жизни с этой болезнью живут и 5 и 10 лет, сказал американец.

С 2004 г. я начал регулярно проходить лечение в больнице на Чехова и в РКБ. А дома ежедневно глотаю пилюли, и Диляра делает уколы по рекомендации американского специалиста. Республика выделяет лекарства, т. к. академику их покупать не под силу. Арслан Радикович по итогам анализа крови следит за моим состоянием. Спасибо ему и тем врачам в нашей больнице, которые помогают мне: терапевтам Сабировой Луаре Ахметовне, Ольге Леонидовне, Татьяне Федоровне, начмеду Изете Николаевне Дзугаевой, главному врачу Рашиду Залялетдиновичу и др.

Татарская женщина

Первичное воспитание ребенок получает от матери. Если матери были сами воспитаны на старых татарских традициях (скромность и воздержание в словах и делах, соблюдение обычаев и религиозных наставлений, «стыд» перед людьми и т. д.), то они формировали правильное нравственное поведение своих детей, хорошее отношение к труду, людям. Русские дети менее скованы в поведении. Разницу я и сам видел, это подчеркивали и преподаватели вузов, которые вели занятия с русскими и татарскими студентами. Освоение татарской культуры началось у меня со слов мамы: «Веди себя так, чтобы люди сказали: Зайнаб — одинокая женщина, а детей воспитывает правильно». Позже пришли поэзия, музыка, сценическое искусство. В сознании сначала формировались образы русских литературных героев, но тяга к освоению национальной культуры была заложена с первых слов матери: будь честным, не лги, не притворяйся и т. п.

Татарки любили и умели готовить еду: лапшу на курином бульоне, вкусные перемячи и эчпочмаки, губадия… Этому их обязательно учили старые женщины. Если гость настаивал на том, что он уже сыт, хозяйка, угощая гостей чаем и «кош теле», говорила: «Аш ашка, урыны башка» («Каждому блюду свое место»).

Еще до революции 1917 г. среди татарской интеллигенции были женщины, активно участвовавшие в просвещении народа, в создании медресе

Слева направо: А.Ш. Мусина, В.Н. Липужина, Р.К. Беляев, ... Ф. Г. Зиятдинова, Р.И. Адгамов, ... М.И. Махмутов и др.

и т. д. После революции появились женщины-медицинская интеллигенция: прекрасные врачи, так хорошо описанные в книге А. Абсалямова «Белые цветы».

Выше уже говорил об очень образованной женщине, академике АН РТ профессоре татарской филологии Тумашевой Диляре Гарифовне. Красивая женщина была еще и с приличным нравственным поведением, очень привлекательна, мужчины на факультете обращали на нее особое внимание. Ее муж, Равиль Тумашев, был режиссером татарского театра, у них было двое детей. В доме царила обстановка морального благополучия, Равиль сам был воспитан в семье татарских артистов, его мама была тоже режиссером. Получив образование в Москве, Диляра всю жизнь проводила исследования по морфологии татарского языка, работала заведующей кафедрой в КГУ. Немало аспирантов защитило диссертации под ее научным руководством. Она вырастила немало ученых, особенно из Сибири, откуда сама была родом.

Зиятдинова Флюра Газизовна. Скромная и боевая одновременно, кроме того, что красивая и умная не только потому, что доктор наук, а от Бога и отца с матерью... Она из довольно простой семьи, сила в ней и целеустремленность были заложены с детства и молодости.

Я помню ее на работе секретаря горкома партии г. Нижнекамска, потом она работала в ТИУУ и защитила докторскую диссертацию по социологии (первая по педагогической социологии). Потом депутат Госсовета РТ, депутат Госдумы РФ, снова в Госсовете РТ. Ее отличает от многих других женщин высокий уровень нравственного поведения. В апреле 2007 г. ей исполнилось 60 лет. Но активность не уменьшилась.

Зиятдинова *Флюра Газизовна (р. 1947) — социолог, доктор социологических наук (1993), профессор (1997), заслуженный работник культуры РТ (1992). В 1992—1997 гг. заместитель министра внешних экономических связей РТ. С 1997 г. начальник Управления государственного протокола Департамента внешних связей Президента РТ, зав. кафедрой социологии КФЭИ.*

Несколько позже я познакомился и долго вместе работал с Гузель Валеевной Мухаметзяновой. Доктор наук, академик Российской академии образования, директор Института педагогики и психологии профессионального образования в Казани. Это я рекомендовал ее на свое место директора института, когда мне пришлось уходить оттуда. Образованная особа, весьма активная: организатор и исследователь, но уже другого поколения не по возрасту, а по мировоззрению. Она очень четко усвоила правила жизни в рыночной экономике, поэтому и была успешной. Общение с ней всегда приятно, она веселая за чайным столом и рассудительная на посту председателя диссертационного совета. Кто она? Татарская или русская интеллигентка? Образование русское, влияние родителей и удивительно интеллигентного мужа Шамиля Абдулловича — больше татарское. Конечно, можно указать на некоторые женские черты характера, которые иногда объясняются излишним тщеславием, честолюбием, мало свойственным истинно интеллигентному человеку. Любит когда ее хвалят. Но ведь доброе слово и кошке приятно…

Мухаметзянова *Гузель Валеевна (1938—2013) — педагог, доктор педагогических наук (1988), профессор (1990), академик РАО (1996), заслуженный учитель школы ТАССР (1989), заслуженный деятель науки РФ (1997). С 1970 г. в Казанском университете. С 1991 г. заведующая кафедрой гуманитарного образования Казанского гуманитарного технологического университета. С 1992 г. директор Института педагогики и психологии профессионального образования РАО. Организатор и ректор Казанского социально-юридического института (1993—2003), в 2004 г. переименованного в Академию социального образования.*

Зарубежные интеллигенты. Мишель Дебюве

Этот среднего роста, худой, чисто французского типа лица человек был профессором Сорбонны. Во время войны его арестовали, он был узником немецкого концлагеря. После гитлеровских концлагерей выработал большую осторожность в общении и разговорах с иностранцами.

В Бангкоке, где мы познакомились на Международной конференции по финансированию образования в странах Юго-Восточной Азии, Мишель был специалистом по этой проблеме. В один из дней после заседания он пригласил меня на местный базар, где он искал оригинальные исторические предметы искусства. Интересным был собеседником, человек, который прекрасно разбирался в искусстве, в том числе и в восточном. В фашистском концлагере научился он осторожности и осмотрительности в выборе спутников и собеседников. На меня он вначале тоже посмотрел с сомнением и опаской, все-таки из Советского Союза, которого здесь в Юго-Восточной Азии недолюбливали, да и американская пропаганда не дремала...

На местном базаре мы с интересом все осматривали, долго чего-то искали. Наконец он покрутил в руках фигурку Будды. «Это не подделка, это настоящее древнее искусство», — сказал Мишель и купил фигурку Будды.

Он приглашал меня в Париж, но я не надеялся на такую возможность. Однако она представилась, и я неожиданно для Мишеля появился в столице Франции. Мы встречались в ЮНЕСКО, много беседовали о прошлой жизни и образовании населения развивающихся стран: он был специалистом как раз по этому вопросу. После возвращения из командировки из Алжира мы с Дидье Лёсефом искали, кому бы показать наш проект, прежде чем докладывать в департаменте ЮНЕСКО. Ведь любой автор стремится получить объективную оценку своего произведения. Тем более если это заказ. Я, конечно, не знал никого в Париже, единственное имя, которое мог назвать, имя профессора Сорбонны Мишеля Дебюве.

— Откуда вы знаете его? — удивленно спросил меня Лёсеф.

Я объяснил ему.

— А я ведь его лекции в университете слушал, — задумчиво сказал Лёсеф. Он нашел профессора по телефону, и мы втроем — Лёсеф , Ле Тан Кой и я — поехали к Мишелю домой. Нас, как мне показалось, не очень дружелюбно встретила женщина, открывшая дверь. Она как-то снисходительно посмотрела на нас. «Кофе на кухне», — бросила она как бы вскользь и ушла в другую комнату. Обычно французы приветливы, а тут что-то не так, подумал я, потом понял, что жена Мишеля не «солидарна» с мужем.

Перед этим мы были в доме у Ле Тан Коя, специалиста по образованию, эмигранта из Северного Вьетнама (а война еще шла). Помню, его жена угощала нас вьетнамским блюдом — блинчиками из креветок.

Мишелю мы рассказали о содержании своего проекта, за чашкой кофе долго беседовали, обсуждая основные его положения. Оба специалиста положительно его оценили, и мы с Дидье ушли, успокоившись за свое детище. На другой день мы отчитались в Департаменте, проект был одобрен.

Однажды Мишель пригласил меня прогуляться по Сене вместе с его другом, который приезжал из Германии со своей подругой. Вчетвером мы на туристическом теплоходе прокатились по Сене. Всю дорогу Мишель очень интересно, как настоящий гид, а может даже лучше, рассказывал нам об исторических местах Парижа, о зданиях на берегу Сены, о дворцах Парижа и музеях, давая нам интересные исторические сведения о них…

А то, что он был худой и бледный, это оказалось не остаток от концлагеря, как я подумал вначале. Во время третьей поездки в Париж во время регистрации в вестибюле ЮНЕСКО я увидел человека, чем-то похожего на Мишеля, но моложе, не худого, как он. Через час до меня дошло, что это был сам Мишель... Он развелся с желчной супругой и теперь жил припеваючи: вторая жена любила его, ухоженное лицо и веселый взгляд Мишеля говорили именно об этом...

Джеймс Эндикотт

Большое удовольствие я получил от общения с бывшим католическим миссионером в Китае Джеймсом Эндикоттом. Гражданин Канады, он 25 лет прожил в Китае, три года был советником Чан Кай Ши. Мы вместе с ним были в делегации Всемирного Совета Мира в Сирии в 1966 г. Мне кажется, что я до сих пор слышу тихий шелест его английских слов, повествующих о его интересной и полной разнообразных событий жизни в тот политически сложный период истории Китая.

Каждое утро я шел на завтрак в отеле Дамаска и садился напротив него, и мы беседовали. Я понимал, что он знает больше меня, в чем-то лучше меня, в чем-то у него другое понимание одного и того же вопроса; он по-другому видит мир, по-другому его осознает. И ты, может, начинаешь понимать, как узко смотрел на мир, на человека, на человеческие взаимоотношения… Что-то знать по учебнику, по книге — это все узковато для широкого мысленного обобщения. Конечно, есть философия. Но она не дает обобщенного взгляда на человеческие отношения современного человека, «здесь и сейчас» для философии далеко…

Время от времени нас перебивал какой-нибудь возглас Артуро Орono — мексиканского профсоюзного деятеля. Он, правда, знал только свой испанский язык, поэтому с ним очень сложно было общаться...

Личная беседа — очень глубокий источник знаний, ведь здесь знания, отношения и чувственное восприятие интегрированы. А чувства у каждой личности имеют свой оттенок, свой нюанс, позволяющий мышлению шире обобщать увиденное, услышанное. Интеллигент тем и отличается от просто образованного человека, что он воспринимает другого человека шире, понимает его глубже, четче осознает свое место среди других людей. Тем самым интеллигент четче видит границы дозволенного и недозволенного, границы добра и зла. Делать для людей добро для интеллигента становится естественной потребностью. Вот эта потребность развивается в человеке при прямом общении с носителем добра. Именно этот момент и делает просто образованного человека интеллигентом.

Взгляд добрых глаз, приветливая улыбка на спокойном лице и добрые тихо сказанные слова — все это открывало двери в духовную жизнь настоящего интеллигента, оказывало воздействие на собеседника. Высокий уровень нравственного сознания обеспечивал и высокий уровень нравственного поведения. Никогда и намека на осуждение поведения или речи другого человека, никогда ни малейшего косого взгляда в чью-либо сторону...

Еще раз о хороших людях…

…Хотелось бы написать еще о многих хороших людях. Но сил остается все меньше и меньше… Наверное, удастся только перечислить тех, кого не забудешь…

Беляев Раис Киямович… Умер за рабочим столом в Институте культуры. Вырос в комсомоле Татарстана в крупного политического деятеля. Был членом бюро, секретарем по идеологии Татарского обкома КПСС, Челнинского горкома, много сделал для Челнов… Прекрасный человек!..

Много хорошего могу сказать о поэте Махмуте Хусаине, татарском аристократе и интеллигенте, тюркологе Амире Нажибе…

…Васадзе Нателла Шалвовна — ректор института в Тбилиси. Показала нам, делегатам конференции, прекрасную Кахетинскую долину Грузии и пещеры в горе на 12 млн. декалитров вина, подземные хранилища вина Ильи Чавчавадзе, писателя и демократа начала прошлого века. Видел я такие хранилища и в Молдавии, которая обеспечивала вином весь советский народ. Эти источники Россия потеряла…

З.А. Малькова — участница войны, директор Института истории АПН СССР; А.А. Бодалев — психолог; В.С. Леднев — хороший коллега и автор книги по содержанию образования. Умер в Сочи, куда его пригласили оппонентом по докторской диссертации…

Размышления и переживания о будущем…

Воспоминания — это не только то, что я видел… Это и та информация, которая приводит меня к размышлениям, к переживаниям…

Книга А. Солженицына «200 лет вместе» (история евреев в России) заставляет задуматься, ведет к размышлениям. Почему у них естественная тяга к умственному труду, а у татар, например, к тяжелому физическому? Некоторые историки оправдывают «догоняющий» характер нашей культуры тем, что российская культура отстает от европейской примерно на 500 лет. Евреи вышли из европейской культуры и имеют свою культуру мышления, имеют свою ментальность.

4—5 млн. евреев в Израиле создали мощное государство в окружении арабских стран. Уровень жизни — европейский (17—18 тыс. долларов ВВП на душу населения). Сами делают танки и самолеты. Деньги? Да. Им из США ежегодно шлют 3—4 млрд. долларов. Но разве у соседней Саудии денег меньше?..

А. Сахаров предлагал свой вариант российской конституции. М. Горбачев отверг. Сахарова прогнали с трибуны. О нем высокомерно судачили все, кто знает и не знает. И развалили компартию. Развалили страну… А что сумели сделать за последние 17 лет правления? Как сообщил Герман Греф, в 2007 г. в промышленном производстве достигли уровня 1990 г.!

Почему евреи все-таки умнее всех остальных в общем, в целом, в массе? Они — сыны Авраама, написали первые священные книги задолго до появления христианства, которое они же придумали. Они пришли в Россию, освоив европейскую культуру. 700 лет они жили в арабской Испании, потом во Франции, потом в Германии. И всего лишь 200 лет как пришли в Россию. Они не стали заниматься сельским хозяйством, как предлагала им Екатерина II. Они люди умственного труда изначально. У них исторически сложился интеллектуальный потенциал. Мы жмемся, не хотим признать их интеллектуальное превосходство над нами. Но это так. А хитрость, изворотливость — так это полезные качества при скитаниях и рыночных отношениях…

…За 10 лет (1990-е гг.) в России финансирование науки сократилось в 30 раз, образование — в 25. В советское время профессор имел зарплату,

равную зарплате секретаря обкома партии. Доцент получал столько же, сколько и министр (автономной республики). Управляемая концентрация интеллектуального потенциала позволила И. Сталину из нищей, лапотной России сделать великую индустриальную державу. А кто развалил ее экономику, сделал бедной и занимающей по ряду жизненных показателей 70—80 место в мире? Прежде самолеты СССР успешно летали по всему глобусу. Сегодня у нас нет самолетов, у нас нет и летчиков!

Это сделали «умные» россияне? Или евреи? Или? Трижды Герой Социалистического Труда академик Андрей Сахаров не предлагал развал СССР, он предлагал свой вариант конституции, при реформе прежнего строя, режима. Его нагло отвергли.

***Сахаров** Андрей Дмитриевич (1921—1989) — физик, академик АН СССР, общественный деятель, диссидент, правозащитник, лауреат Нобелевской премии мира (1975). Один из создателей первой советской водородной бомбы. За правозащитную деятельность в 1980—1986 гг. находился в ссылке г. Горький (ныне Нижний Новгород). После ссылки продолжил работу в физическом институте им. Лебедева. Получил всемирное признание как выдающийся ученый и правозащитник.*

Отставание российской культуры от европейской на 500 лет — это не выдумка, а исторический факт. Ведь мы начали учиться только с приходом Петра I (300 лет тому назад). Все наше государство построили немцы (наука, управление государством, армия, просвещение и т. д.). Они же дали нам самую просвещенную, самую успешную царицу — Екатерину II. Главная наша задача — использовать свою историческую молодость правильно и идти на подъем, к пику цивилизации, а не повторять ошибки «старушки Европы»… Нельзя допустить социальный раскол в обществе…

В апреле 2007 г. в Париже на конференции с группой ученых побывала Диляра. Они жили в бедной гостинице, где обитали в основном иммигранты. Какие социальные сдвиги привели к такой трансформации французского общества?!

В середине прошлого столетия рабочие окраины Парижа называли «Красное кольцо». Там были рабочие кварталы, бедняки жили в основном там. Это была малоуправляемая часть населения в городе. С течением времени в Париж наехало много иммигрантов. Из Сенегала, Нигерии, Марокко и Алжира, в общем из тех стран Африки, где когда-то хозяйничали французы и оставили там свой язык. Теперь молодежь из Африки и Азии поехала искать работу и счастья в бывшие метрополии.

В 2000 г. в Европе было более 22 млн. иммигрантов. Они делали до 23% ВВП Европы, в Италии — до 28%. Европейцы их не любят, поскольку иммигранты не стали европеизироваться, а стали жить своими обычаями, своей культурой. Социальный раскол в обществе, в отдельной стране, в мире становится все более явственным. Вся черная работа, тяжелая и грязная работа на плечах чернокожих и темнокожих афроазиатов-иммигрантов. Европейцы не любят их, рады бы избавиться, но не могут: уровень жизни европейцев зависит от труда иммигрантов и может резко снизиться. А число иммигрантов растет. К концу XXI в. их будет, наверное, не меньше, чем самих европейцев. По статистике, в середине прошлого века европейцы составляли 21% всего населения земли, сегодня — 11%, через 20 лет их будет 7%. Следовательно, численность иммигрантов будет расти и за счет приезда новых контингентов, и за счет естественного прироста. Каким будет Париж через 20—30 лет? Не потеряем ли мы классическую культуру Европы?

Иммигранты стали жить в еще более бедных кварталах города, чем сами бедные парижане. В 2006 г. именно это кольцо восстало: подростки и молодежь вышли на улицы. Они требовали равных прав, работы и улучшения условий жизни. Было разгромлено множество магазинов, сожжено более 1500 автомобилей парижан. Бунт продолжался долго, перекинувшись и на другие районы Франции.

Диляра видела грязные улицы этой части Парижа, сами они жили в не очень чистой гостинице. Такого Парижа 40 лет назад я не видел, такого не было, хотя, помню, специально гулял по улице Сан-Дени, я знал, что это рабочий район города...

«Марроканцы и алжирцы вели себя приличнее, чем сенегальцы и нигерийцы, те более наглые, — говорит Диляра. — Нас предупредили, чтоб вещи без присмотра не оставляли…»

Я думаю, что этот раскол идет по всему земному шару. Во всех городах Европы окраины заселяются иммигрантами, дети которых вырастают, многие выходят из французских, английских, немецких, итальянских школ и требуют себе таких же условий, какие имеет коренная молодежь. Численность европейцев быстро сокращается из-за демографических причин — не хотят немки и француженки рожать детей. Из немецких женщин, имеющих университетские дипломы, в 1998 г. 52% не имели детей, были бездетны...

…Как-то мы с Лёсефом поздно вечером проезжали по улице. На освещенной перпендикулярной улице увидели, как трое чернокожих сбили с ног белого человека и бьют его. Вероятно, парижанина. Его положили поперек тротуара и били головой о камни, кулаками и ногами по туловищу. Казалось, что он вот-вот богу душу отдаст, уже почти не сопротивлялся. Недалеко

у раскрытых дверей кафе стоят испуганные женщины и наблюдают эту картину. «Пойдем, — говорю, — Диди, поможем». «Нет, — говорит Лёсеф, — их трое. Поищем полицию». Мы ее нашли сразу за поворотом на соседней улице, полицейская машина поехала в указанную нами сторону...

Теперь, с ростом числа иммигрантов, в европейских странах резко выросли преступность, наркомания и проституция. Куда катится знаменитая европейская культура? Уменьшается не только численность рабочих, но и интеллигенции, которая всегда была создателем культуры и ее сеятелем в полном смысле слова. Не захлестнет ли поп-культура классическую музыку и живопись, не заменят ли сборные многоэтажки прежние ажурные мосты через Сену, дворцы и музеи?

Как-то раз в тогда еще Западном Берлине я сел в такси. Смотрю, водитель смуглый, думаю, что это турок, и обратился к нему по-турецки. Он оглянулся на меня и ответил по-арабски. Сказал, что он из Египта. В беседе я узнал, что «немцы лентяи, они хотят работать 36 часов в неделю и получать больше. Мы работаем по 42 часа и не ропщем…»

Чем выше уровень образования, тем больше человек хочет отойти от физического труда, иметь больше свободного времени… Чем больше будет иммигрантов, тем быстрее разрушатся культурные ценности коренных народов… Как пал Рим и вся империя? Германские племена пришли в Рим со своей культурой, точнее, бескультурьем. Империя раскололась надвое: на Западную и Восточную. Исчезла западная римская цивилизация…

Расслоение населения Земли на бедных и богатых ускоряется. Даже в бедной России в 2007 г. было 53 миллиардера, в Германии — 54, в США — 436. Представители «золотого миллиарда» есть в каждой стране. Например, в 2007 г. самым богатым после американца Гейтса оказался мексиканец. Но соотношение богатых и бедных разное в разных странах. И опять я возвращаюсь к размышлениям о социализме…

Социализм или капитализм?

Последние 15 лет жизни в России ввели миллионы людей в заблуждение: если коммунистическая идея не годится, то какая же нужна россиянам? Ответа нет. Для меня нет сомнения, что социализм — это завтрашний день человечества. Об этом думали многие поколения интеллигенции. Идею социальной справедливости отстаивали и Конфуций до нашей эры, и Коран в средние века. В нем записано: «Не должно быть слишком богатых и слишком бедных…» Мусульмане придумали свою формулу реализации этой идеи: закят и садака. Стремление к социальной справедливости характерно для

современных народов, на себе несущих бремя раскола, ужасающего раздела мира на богатых и бедных. Миллиард жителей планеты кормится на один доллар в день, а один американский миллиардер (один из 460-ти) имеет годовой доход, равный годовому бюджету 38 бедных стран. Естественное стремление людей к равенству и справедливости давно осознано не только марксистами. Это прекрасно высказал В. Маяковский рифмованными строками:

— Мы открывали Маркса каждый том,
Как в доме собственном мы открываем ставни,
Но и без Маркса знали мы — в каком идти,
В каком сражаться стане…

Нынешний капитализм не тот, который видел Маркс. Социалистические идеи под давлением рабочего класса частями входили в структуру западного капитализма, поворачивая его в сторону социализма. Не случайно появился термин «шведский социализм». Европейское государство Швеция, где нет миллиардеров, где с богатых берут до 80% подоходного налога, где уровень жизни населения выше, чем во многих развитых странах, — пример распространения социализма вне России.

Каждый ищет свой путь: и Китай, и Куба, и Никарагуа, и Ангола, и Венесуэла. И каждый найдет то, что ищет, если не мешать, если в мире будут соблюдаться принципы «сила права» вместо «права силы», берущие начало еще с диких времен.

Придет время и социализм по типу шведского или какого-то другого типа победит капитализм в большинстве стран мира. Китай уже сегодня покупает более 7 млн. автомобилей и продает на внешнем рынке. Он построил скоростной поезд за 5 млрд. долларов (такой есть только в Японии и Англии).

В 1991 г. в России социализм умер. Либеральные демократы все еще спорят: чего хотел народ? Он хотел социализм с человеческим лицом, без дефицита всего и вся, без господства чиновников. Хотел, чтобы были сохранены социальные гарантии…

Какой социализм лучше — норвежский, шведский, испанский? Что отличает китайский социализм от других? Только ли собственность и рыночная экономика решают все? Развитие экономики зависит от социального устройства государства.

Слово «социализм» произнесла и кандидат на выборах президента Франции… Что мы понимаем под «социализмом» и «капитализмом»? Эти понятия уже деформировались! Капитализм внес в себя многие принципы социализма…

В перетягивании каната социализм одержит верх. Не только Китай, сегодня о социализме заговорили и во Франции. Претендентка на пост президента Роуяль прямо об этом сказала. А наши московские остолопы все еще строят бандитский капитализм. В Москве разрыв между 10% богатых и 10% бедных стал 41%, а в мире он не более 6—8%. Этот разрыв растет вместе с ростом уровня оплаты труда москвичей и уровня их жизни. Зарплата растет, но не растет уровень производительности труда!..

Информационная война в мире

…Обстановка на планете характеризуется не только глобализацией экономики и культуры. Индустриальную Россию превратили в страну с «отверточным» производством и задавили импортом товаров широкого потребления, которые мы прежде сами производили. Высокую русскую культуру на экранах ТВ, на театральных подмостках и в книжной продукции вытеснила «поп-культура» Запада. Идет четвертая мировая война, в которую втянуты до сорока стран и почти два миллиарда населения Земли… Она и холодная (изощренная пропаганда на всех языках), и горячая (война в Афганистане, Ираке, Сомали, Ливане и Палестине). Дело не в том, какая она

Мирза Исмаилович дарит президенту РТ М.Ш. Шаймиеву свою книгу «Мир ислама»

по счету: третья или четвертая, а в том, что в современном мире изменились формы и методы ведения войны. «Точечные» удары ракет с земли или с подводной лодки — новое оружие, которого наше население не знает. Но информация об этом распространяется и действует на психологию людей, психические заболевания стали массовым явлением…

Мое 80-летие

2006 г. — год завершения моей научной карьеры, хотя я еще подготовил на татарском языке солидный сборник своих статей, который вышел в апреле 2007 г. в виде книги на 340 страниц. Помогал профессор Джаудат Сулейманов.

По представлению Академии наук президент М.Ш. Шаймиев вручил мне орден «За заслуги перед Татарстаном». Большого сабантуя не было, но поздравлял меня президент и коллеги во дворце в Кремле. Минтимер Шарипович сказал много добрых слов, я даже почувствовал себя неловко. При всей моей критичности к новым временам я всегда помню, что мы с ним вместе шли по жизни многие годы. Иногда были почти друзьями, иногда расходились во взглядах, но всегда уважали друг друга. Я обратил внимание, что люди, даже академики, министры и ректоры стали чувствовать себя более скованно в его присутствии. Исчезла простота взаимоотношений. Даже стол, накрытый в зале дворца, остался нетронутым. Все побежали на вторую половину заседания Президиума АН РТ. Там я попросил освободить меня от работы в составе Президиума и рекомендовал Джаудата Сулейманова.

Что я делал после Академии? Остался помогать Российскому исламскому университету и Институту педагогики и психологии профессионального образования РАО по приглашению Гузель Валеевны. Там начали создавать кафедру востоковедения (языки — арабский, персидский, китайский). Зав кафедрой назначили моего ученика йеменца Мухаммада аль-Амари. Этот сын арабского народа стал мне очень близок. Я любил беседовать с ним за чашкой кофе, который он привозил каждый год из Йемена или Сирии на радость Диляре, большой любительнице и знатоку кофе.

Чаще я сидел дома за компьютером и вспоминал прошлое… Я с удовольствием вспоминаю поездки на дачу к Сулеймановым, беседы у камина и преодоление четвертого этажа нашего дома вечером (я так и не дождусь уже обещанной квартиры немного пониже и поудобнее)…

Сил оставалось все меньше, но улыбки Диляры и ее подруг, которые стали чаще бывать у нас дома, чтобы отвлечь меня (я понимал все их хитрости) не позволяли уйти в болезнь…

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Г л а в а 1. Родом из страны Советов (1926—1941) 8

Г л а в а 2. Война (1941—1945) 22

Г л а в а 3. Армия (1944 —1956) 32

Г л а в а 4. В Казанском университете (1956—1957) 50

Г л а в а 5. На посту министра просвещения (1958—1976) . . 63

Г л а в а 6. Деятельность в ЮНЕСКО (1964—1976) 118

Г л а в а 7. В академической науке (1976—1989). 153

Г л а в а 8. Перестройка. О новой интеллигенции (1980-е гг.) 167

Г л а в а 9. Как создавали новые демократические институты (1990-е гг.) 179

Г л а в а 10. Размышления 2000-х гг. 212

ISBN 978-5-905943-99-7

Научно-популярное издание

Махмутов Мирза Исмаилович

Избранные труды

Том 7

ЭПОХА АКАДЕМИКА МИРЗЫ МАХМУТОВА

ВОСПОМИНАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСЫ

Составители:
Шакирова Диляра Мансуровна
Калимуллина Фирдаус Галимовна

Казань. Издательство «Магариф – Вакыт». 2016

Редактор *Ф. Х. Макарова*
Оформление *Э. Ф. Нурмухамметова*
Компьютерная верстка *Ф. К. Гумерова*

Подписано в печать с оригинал-макета 11.11.2016. Формат 60 x 84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Печ. л. 16,25. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Магариф – Вакыт».
E-mail: valeevmx@mail.ru
http://magarif-vakyt.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии
филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru